

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Дмитрий Рябов
начальник отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

1/2022

Содержание

ПРОЗА

Межрегиональное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока

Сергей ВЛАДИМИРОВ. Дуэль. Рассказ.	3
Дмитрий КОНОНОВ. Крепок ли лед? Рассказ.	25
Ирина КУШНИР. Время летать. Рассказ.	43
Яна ЖЕМОЙТЕЛИТЕ. Счастье. Повесть.	62
Наталья НИКОЛАШИНА. Эйфелева башня. Рассказ.	118

ПОЭЗИЯ

Владимир ШУВАЕВ. Ночные журавли. Стихи.	15
Иван ВАСИЛЬЦОВ. Шаткие светлы весны. Стихи.	39
Ольга КОРЗОВА. «Каждый куст есть оркестр...» Стихи.	58

ДРАМАТУРГИЯ

Владимир СЕМЕНЧИК. Отжарщики. <i>Трагикомедия о любителях подледной рыбалки.</i>	126
---	-----

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Константин ГОЛОДЯЕВ. Мост в будущее.	150
Борис ПРОТАЛИН. Мы издавна здешние...	160

Народные мемуары

Афанасий ТЕМНИКОВ. Воспоминания.	169
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Владимир ЧИРКОВ. Александр Гнилицкий: «Картины художника есть постоянное обновление...» <i>Искусствоведческие письма.</i>	189
--	-----

<i>Авторы номера</i>	191
----------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Межрегиональное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока

Вот уже второй год подряд традиционное совещание авторов Сибири и Дальнего Востока, организованное министерством культуры Новосибирской области и редакцией «Сибирских огней», проходило в онлайн-формате. Впрочем, на число присланных рукописей и на интенсивность обсуждений этот факт не повлиял. Как всегда, у семинара два итога: видимый и невидимый. Первый — отмечены тексты вполне зрелые, они рекомендованы к публикации. Второй, не столь очевидный, — многие «семинаристы» в ходе онлайн-дискуссии, выслушав советы и рекомендации признанных мастеров слова, получили стимул к дальнейшей работе, и, возможно, скоро их произведения также появятся на страницах журнала. А мы предлагаем вниманию читателей три рассказа, получивших одобрение руководителей семинара прозы.

Сергей ВЛАДИМИРОВ

ДУЭЛЬ

Р а с с к а з

Запахи разгоряченных тел, искусственной кожи, усердия, злости, адреналина. Еще немного пахнет краской. В зале недавно сделали ремонт. Спасибо, драгоценный наш Пал Палыч!

Тренировочный день заканчивался.

Я стоял у канатов и наблюдал, как Славик Коротаяев пытается придумать хоть что-то конструктивное в спарринге. Юра Мальшев по кличке Малыш лениво держал дистанцию, потчуя, как истинный панчер, партнера джебами. Потом Славику прилетел правый хук, и он поспешно прилег.

Я открыл рот, чтобы наорать на Малыша за то, что он перепутал спарринг с реальным боем, как вдруг кто-то осторожно потрогал меня за плечо. Явно человек сторонний, поскольку все у нас знают, что подкрадываться ко мне сзади и тем более трогать руками — не рекомендуется. У меня рефлексы.

— Простите. Владимир Николаевич?

Обернулся я очень медленно и злоеце.

Передо мной чудик. Годами за сорок. Патлы как у запущенного пуделя, бороденка клочковатая, очки со стеклышками выпуклыми. За очка-

ми помаргивают глазки серенькие. Свитерок, джинсы, кроссовки стоптанные. В руках шапочку мнет. Воспитанный — в помещении головной убор снял. В общем — никчемная никчемность.

— Владимир Николаевич здесь сейчас трое, — говорю. — Какой из них нужен? Вахтер, наверное?

— Нет, что вы! Мне тренер нужен.

— Если тренер, — отвечаю, — тогда это точно я. Без всяких сомнений.

Чудик просиял.

— Здравствуйте, — говорит. — Мне вас чрезвычайно рекомендовали! Матвей Слепцов!

И руку протягивает.

Руку я проигнорировал.

— Не знаю такого.

— Да нет, это я — Слепцов. — И улыбается.

— Это совершенно меняет дело, — отвечаю. — Чем могу?

Замаялся.

— Видите ли, — заявляет, — мне необходимо научиться боксировать.

Оглядел я его еще раз. Повнимательнее. От этого он совсем смутился. Шапку уронил, поднял. Очки раз семь поправил. Потееет.

— Послушайте, — вкрадчиво говорю я, — бокс — это такая штука, тут бьют. По голове, по корпусу. Очень больно бьют. Вы, конечно, тоже бьете, но чаще бьют вас, пока нормально работать на ринге не научитесь. Травмы, сотрясения, отслоение сетчатки. Оно вам зачем, уважаемый? Честное слово — лучше плавание. Йога в моде нынче. Есть, в конце концов, шашки, шахматы, домино там. Идите себе с богом и не смешите людей. Всего самого доброго!

И отвернулся, показывая, что разговор закончен.

Не ушел — спиной чую. Наверняка стоит и носом шмыгает. Между тем весь зал уже косится. Дескать, с кем это там тренер общается? Балаган и цирк.

— Заканчиваем! — рявкнул я. — Завтра, как обычно, в шесть!

Зашумели, загалдели, потянулись в сторону душевой и раздевалок. Поймав взгляд Малыша, я внушительно погрозил ему кулаком. Малыш сделал вид, что не заметил. Славик тем временем сполз под канатами с ринга. За челюсть держится, бедолага.

Выдержал я еще паузу и обернулся.

— Как, вы еще здесь? — удивился, пожалуй, чересчур искренне. — Я же сказал: всего доброго!

— Но вы не понимаете...

— И понимать не хочу! У нас тут не парк развлечений какой-нибудь, а, заметьте, спортивный клуб профессиональный, — говорю. — Здесь чемпионов выращивают, а не огурцы под пленкой. Я не могу тратить время на ерунду. И не хочу. Поэтому прощайте уже.

И пошел к себе в тренерскую, не оборачиваясь. Дверь прикрыл поплотнее. Чайник включил, собрался переодеться. Тут зазвонил мобильник. Святой Тайсон! Сам Пал Пальч!

С полминуты я слушал, как в ухо мне порывается слегка раздосадованный, но сытый и не сердитый лев. Лев — чемпион, лев — гений, лев — надежда и опора, а равно и наше все: депутат, бизнесмен, хозяин, рукою щедрой одаривающий и наказующий.

Принялся я возражать, убеждать, заклинать. Тщетно. Со львом можно спорить, но ему нельзя отказывать. И нарисовался мне бородатый чудик в итоге таким кармическим возмездием. Правда, неизвестно за что.

Брякнув о стол ни в чем не повинный мобильник, я помедлил смирения ради, а затем приоткрыл дверь и выглянул в зал. Чудик стоял там, где я его оставил, и выжидательно смотрел в мою сторону, стукачок ябедный. Поманил его пальцем, он — чуть ли не трусцой ко мне. Тут как раз и чайник закипел.

— Присаживайтесь, — приглашаю, — уважаемый Матвей, не знаю, как по батюшке.

— Можно просто — Матвей.

— Замечательно, просто Матвей. Чай, кофе, чего покрепче?

— Воды бы мне. — И пот со лба утирает. Переволновался, сердешный.

Усадил его. Воды налил. Себе в кофе коньяка плеснул, для душевного равновесия.

— Не знаю, — говорю, — чем именно дороги вы Пал Пальчу, но отказать, понятно, не могу. Составим график тренировок. Посмотрим, что умеете. Вам результат, собственно, какой требуется?

Допил он залпом воду из стакана. Очки в который раз протер.

— Дуэль у меня, — объявил. — И я должен победить.

— Замечательно! — восхищаюсь, зубами поскрипывая. — Только дуэль — это не к нам. У нас бой, битва, сражение. Соперника уничтожить, раздавить, размазать по рингу. Только так. А вы тоже мне — дуэль...

— Называйте как хотите, — говорит. — Но послезавтра я боксирую в «Третьем раунде» с Хохряковым.

Тут я понял, кто передо мной, и даже поморгал интенсивно от неожиданности.

Только сегодня в раздевалке ребята трепались, что хапуга, бандос и хамло, а по совместительству начальник муниципального предприятия по сбору и вывозу мусора Хохряков публично вызвал на бой чести какого-то городского сумасшедшего.

Сумасшедший этот был известен тем, что бегал повсюду с видеокамерой, канючил о коррупции и бюджетных хищениях, вел блог в интернете, где регулярно размещал сенсационные разоблачения про мэра, чиновников и вообще всех подряд. Пятая колонна, короче.

На свою беду, наехал он на Хохрякова. Дескать — миллионами вооружет, предприятие муниципальное развалил да еще и деньги криминаль-

ные отмывает. Ну, это и так весь город знает, только никто не орет во всеуслышание. Во-первых, что это изменит? А во-вторых — все жить хотят.

Хряк (так Хохрякова между собой в известных кругах кличут), вместо того чтобы закопать где-нибудь идиота по-тихому, не придумал ничего лучше, как вызвать его на боксерский поединок в защиту чести и достоинства, поскольку собрался в федеральные депутаты и репутацию взялся блюсти. А чудик возьми и согласись.

И вот стоит он передо мной, и что с ним делать, я решительно не представляю. Спасибо, Пал Палыч, благодетель.

Вздыхнул я печально.

— Послушайте, дорогой мой Иван Драго, вам драться вообще приходилось?

Улыбается и головой качает. Нет, дескать.

— Хохряков, — говорю, — от груди жмет сто двадцать пять, килограммов на пятнадцать тяжелее вас и два раза в неделю тренируется в «Третьем раунде», где Степанычу, между прочим, за полгода два мешка изнахратил. Хорошо хоть, новые купил. Он вас в ринг вобьет не напрягаясь, за минуту, и даже не устанет. А вам будет очень плохо и больно, если вообще живы останетесь. Зачем это все?

Тут он ноздрями задышал и подбородком задергал.

— У Лондона в Риверу тоже никто не верил, — отвечает, — а он победил!

— Не было боя с таким боксером в Лондоне никогда. Не придумывайте. Дался вам вообще этот Хохряков! Не придете на дуэль свою, да и все. Все поймут.

Тут чудик мой на глазах преобразился в какую-то эпическую Бура-тину. Со стула вскочил, стакан пустой опрокинул, обеими руками в боро-денку зачем-то вцепился.

— Не прийди?! — подвизгивает. — Хохряков ваш вор, вор! Все за-греб под себя! А если депутатом станет?! Он же Кремль украдет и луну с неба!

Встал я, руку ему на плечо опустил, весомо так. На место усадил. Он вроде чуть притих.

— Ну хорошо, — говорю, — на минуту предположим, что пришел на бой Хохряков в дупель пьяный. После первого гонга упал и захрапел. Других вариантов победить я не вижу. Да и что победа вообще изменит?

— Как что? — возмущается. — Справедливость восторжествует, и все этому будут свидетелями. Особенность менталитета русского чело-века — вера в чудо. И когда оно случается, то происходящее переходит в совершенно сакральную, мистическую плоскость...

Тут я понял, что с меня хватит. Знаю я таких. Если в мозгах заколо-дило, то даже добрый апперкот на место их не вправит. В конце концов, мучиться всего ничего с чудиком этим, и у Пал Палыча ко мне претензий никаких. Сделаю, что смогу, по-честному.

— Ну вот что, — говорю. — Мне все ясно. Сакральная плоскость так сакральная. Значит, завтра, здесь, в восемь утра, чтобы как штык. С вечера не напиваться, с утра не наедаться.

— Я не пью совсем, — обиделся.

Где же таких делают?

— Вот и хорошо. В восемь. Хоть на минуту опоздаете — без всяких прогону прочь, ссаными тряпками.

Тряпки не понадобились. В зал на следующее утро я пришел к половине восьмого. Чудик уже ежился у дверей. Утренняя метель украсила его бороду сосульками. Ненадолго я искренне залюбовался этим зрелищем, но выпустил его в зал, конечно.

Вскоре, по моему хотенью, появился Славик Коротаяев. Он — хороший парень. Способностей к боксу почти никаких, но трудолюбия и усердия на троих хватит. Самый подходящий спарринг-партнер для дуэлянта нашего.

Славику я велел показать обучаемому, как подбирать экипировку, бинтовать руки, ну и прочие элементарные вещи. Чудик слушал внимательно, проделывал все старательно. На капу, правда, посмотрел, как блондинка на домкрат. Но ничего — использовал по назначению. Теперь вроде готов.

— Так, — заявляю, — давай сразу договоримся. С этой минуты и до конца завтрашней так называемой дуэли я — твой царь и бог. Велю в пачке фуэте крутить — крутишь. Велю стишок с табуретки читать — читаешь. Уяснил?

Вижу, коробит его от моего обращения, но ничего — кивает.

— Отлично, тогда вперед, на ринг.

Пока Чудик пауком беременным под канаты протискивался, я успел выдать Славику краткий инструктаж. План экспресс-обучения мною разработан был еще вчера. Нагружать дуэлянта «физикой» не было никакого резона. Он после этого не то что на ринг бы не влез, но даже и на бабу. Тем не менее требовалось, чтобы обучаемый вышел на поединок и не упал после первого удара. Ну хотя бы после третьего, что ли. Значит, займемся техникой. Что я несу, господи?!

Тут заметил, что на ринг Чудик вылез в очках.

— Сдурел?! — рявкнул. — Очки сюда давай!

— Но я же без них не вижу ничего, — канючит.

— По запаху будешь драться! — рычу.

Снял он очечки, мне отдал и сразу стал какой-то совсем уж жалкий и обреченный. Мне аж горло сдавило. Шутка.

Попытался в стойку Чудик встать — ни дать ни взять павиан переплывает реку на двух крокодилах. Весь враслопырку, руками уши прикрывает, зад отклячил. Катастрофа. Ну ничего — сейчас так и надо.

— Бокс! — командую, а сам Славику подмигиваю. Славик сделал шаг вперед и провел прямой левый в голову. Естественно, попал. Чудик пошатнулся, чуть не упал. Закрыв лицо перчатками. Скорчился.

— Брейк! — кричу. Славик сразу дисциплинированно остановился.

Чудик распрямылся, руки опустил. Смотрит обиженно. Мол, что ж такое? Я к вам со всей душой, а вы меня по морде.

— Это он тебя, считай, погладил, — объясняю. — С Хохлаковым же завтра никаких предварительных ласк не будет. Сразу в бубен со всей дури. И ты — готов. Я это к тому, чтобы на ринге у тебя даже и мысли не возникло, что это какие-то веселые поигрушки. Перед тобой будет не соперник, а враг, которого надо уничтожить. Ну хотя бы чисто теоретически. Понятно?

— Понятно, — кивает послушно.

— Ну, если понятно, едем дальше.

Часа полтора с перерывами Чудик со Славиком возились в ринге. Естественно, под моим свирепым, но чутким руководством. Удивительно, но господин Слепцов оказался не совсем безнадежен. Ко мне в голову даже пришла нелепая мысль, что со временем из него может получиться жалкое подобие аутфайтера.

Когда обучаемый окончательно взмок и мы добились некоторого прогресса, я дал им со Славиком основательно передохнуть.

— Скажите, — спрашивает Чудик, дыша, как загнанный олень, — а почему я только защищаюсь? Мне же надо научиться как следует бить!

Умник, тоже мне.

— Прежде чем учиться бить, — снизошел я, — надо научиться держать удар. Вот твой соперник это умеет. Но за оставшееся до боя время мы тебе удар, которым можно его свалить, точно не поставим. Поэтому продолжим вбивать в тебя навыки выживания. Это чтобы сразу завтра со стыда не сгореть.

— Но... — вякает обучаемый.

— Никаких «но»! — свирепею. — Забыл, кто здесь главный?!

Чудик заткнулся.

Погонял я его еще часок по рингу, потом решил, что с него хватит, и отправил «на мешок». К этому моменту Чудик окончательно выдохся, и на то, что он вытворял со снарядом, без слез нельзя было смотреть. Временами казалось, что это еще один спарринг и мешок в нем одерживает верх.

Наконец мне все это окончательно наскучило, и я велел подопечному сворачиваться. Славика я отпустил, и мы с Чудиком прошли в тренерскую. Там я заварил для обучаемого стакан крепчайшего чая, бухнув туда четыре ложки сахара. Пусть гундят специалисты, но я сам себе специалист и знаю, что нет лучшего средства прочистить мозги и прийти в себя после изнурительной тренировки.

— Пей, — говорю.

Пьет.

Я тем временем прошел к сейфу заветному, покосился на чудика употевшего и достал оттуда кое-что, о чем лишней раз лучше не упоминать.

— Значит, так, — объясняю, раскладывая перед Слепцовым это самое «кое-что». — У нас тут завтра не Олимпиада, и писать в баночки не придется. Поэтому: вернешься домой, выпьешь вот эту пилюльку голубенькую. Через двадцать минут после этого ты уже должен отмокать в ванне. Воду наберешь настолько горячую, чтобы едва можно было терпеть.

Отмокаешь где-то полчаса. Затем, на ночь, содержимое этого пузырька разведешь в стакане теплой воды. Выпьешь — и сразу спать. Утром — вот эти три квадратные таблетки употребишь. Все понятно?

Чудик глядит хмуро.

— Это что вообще? — спрашивает.

— Витаминки, — отвечаю сурово. — Волшебные витаминки, без которых ты после сегодняшних прыжков и кривляний даже с постели встать не сможешь, не то что дуэлировать. И скажи спасибо, что в задницу колоть ничего не заставляю.

— Спасибо, — отвечает вполне так серьезно и чай прихлебывает.

— Вот и хорошо. Теперь слушай меня внимательно-внимательно.

Взял паузу, оглядел подопечного. Не нравится. После нагрузки сегодняшней — апатичный. Взгляд тусклый. Квельый. Ну хоть внимает вроде, и то ладно.

— Довожу план на завтрашний бой, — говорю строго и убедительно. — Во-первых, на хрен иллюзии. Победить ты не сможешь.

Подбородком дернул, но вяловато. Укатали сивку...

— Скажи мне, как родной маме, ты не передумал на ринг выходить?

— Нет, — головой мотает.

— Если нет, то рассказываю, как все будет. Хряк тебя с ходу валить не станет. Ему — не надо. Ему шоу надо. Он тебе отзвездюлит серию хорошую, после которой у тебя правое полушарие о левое стукнется, а печень о почки. Затем будет играть на публику. Потом добьет, скорее всего во втором раунде. Шанс у тебя один. Сразу покажи, что ты его безумно боишься, что боли боишься. Будь жалким и ничтожным. Сохраний максимальную дистанцию. Работай, как сегодня со Славиком. Терпи. Ни в коем случае не пытайся его ударить. Можешь даже упасть разок-другой и встать не торопись. А когда он тебя добивать пойдет — клинчуй. Висни на нем руками и ногами. Если понадобится, трусы с него зубами рви. Твоя задача — до конца третьего раунда продержаться. Проиграешь по очкам, а не нокаутом. Поверь — это самый лучший вариант. Уяснил?

Молчит мой подопечный. Голову повесил. Думает. А чего думает — непонятно. Так, заумь интеллигентская.

— Уяснил?! — погромче интересуюсь.

— Я вам очень благодарен, — говорит и встает. Руку протягивает. Я машинально ее пожал.

— Это отличный план, — продолжает. — Я и сам понимаю теперь, что так лучше. Вы придете завтра на дуэль?

На бой, чудо ты юдо! На бой.

— Не знаю, — честно говорю, глаза пряча.

— Я был бы очень рад, — улыбается. — Мне пора, пожалуй.

Рассовал он «кое-что» из сейфа моего по карманам, ножкой пошаркал да и отбыл, меня в некоем раздразе оставив.

Всю вечернюю тренировку я историю эту в голове обсасывал. Покрикивал на молодняк, указания раздавал, а сам думал беспрестанно.

Вот вроде и чудик мой со всех сторон прав. Гнида Хохряков. Ворюга. Никого не жалея, вверх карабкается. Такого только и обличать, наказыывать, уповать на справедливость. Так пиши в правоохранительные органы, губернатору и президенту. В ООН или куда там. Но чтобы вот так — совершенно бессмысленно. Бой этот завтрашний, как ни крути, Хохрякову только лишь на пользу. Будет он герой и молодец, а господин Слепцов выйдет — смешной клоун, возможно, с инвалидностью. Так зачем это все? Чудики? Мне? Пал Пальчу? И почему меня мой сиюминутный подопечный так бесит?

Кто он вообще такой, этот Слепцов? Призрак недостроенного социализма с обостренным чувством справедливости, не нашедший себя нигде и ни в чем, смысл жизни видящий в борьбе непрестанной за правду? Демократ и либерал новой волны, в девяностых тяжелый груз тоталитаризма с плеч сбросивший? Видал я таких молодцев с лицами искаженными и глазами стеклянными на митингах, во имя свободы и независимости палачей и сатрапов обличающих.

Не понять. Да и не очень хотелось. Я свое дело сделал, по сути. Что я могу за один день? Я, многообещающий когда-то средневес, в разборках базарных рэкетирских пулю шальную в бицепс получивший и теперь из милости пацанов молочных натаскивающий. Что я могу? А Слепцов вот этот верит, что что-то может.

Дурачок.

Надо поутру амуницию его сегодняшнюю боксерскую прихватить и в «Третий раунд» закинуть. Там есть, конечно, все, да только обкатанное уже — душу греет.

И сам не понял, как решил на бой поехать. Не вчерашний же коньяк в кофе виноват. Скорее воспоминание о том миге, когда выходишь на ринг и, какой бы ни был сосредоточенный, украдкой ищешь и ищешь в толпе на трибунах знакомые лица. А я все-таки — лицо знакомое, хоть и не самое приятное, отнюдь.

На следующий день утро задалось. На улице солнечно и морозно, но не до отваливающихся ушей, а так, умеренно. Так что в спортзал за амуницией я прибыл бодрым, свежим и жизнерадостным. Крепкий ночной сон очистил голову от суетных мыслей. Меня перестали заботить моральные аспекты сегодняшней дуэли. Я просто хотел посмотреть, как оно все будет и чем закончится.

Покидал я в сумку вещички. Машинально проверил, всё ли в зале в порядке, да и отправился в «Третий раунд».

На самом деле «Третий раунд» — ровно такой же спортзал, как и мое хозяйство. Разве что побольше и чуть побогаче. Официально он носит гордое название ГАУ МО «Спортивная школа олимпийского резерва» и еще чего-то там... бла-бла-бла. Однако Хохряков и компания умудрились пристроить к залу небольшое кафе, проведя его по бумагам как фитобар с кислородными коктейлями, крайне полезными для здоровья. «Фитобар» этот назвали «Третий раунд», а следом и спортзал стали именовать соответственно.

Собирались в «фитобаре» люди не последние в городе. И не под кислородные коктейли, конечно, а под коньячок и вискарик, дела свои важные и делишки темные обсуждали. Изредка я туда тоже захаживал, но, что интересно, Пал Пальча ни разу не встречал. Человек он, конечно, в городе тоже не последний, да, видно, другой масти будет.

Припарковавшись у «Третьего раунда», я заглушил двигатель, прихватил сумку с амуницией и вошел внутрь.

Несмотря на то что до начала дуэли оставалось около часа, в зале уже было многолюдно. Суетились какие-то молодцы с фотоаппаратами и видеокамерами, у служебного входа за происходящим лениво следили несколько полицейских, да и трибуны у ринга не пустовали. На скамейках расселись человек тридцать-сорок. Некоторые снимали на смартфоны, некоторые оживленно переговаривались.

К своему удивлению, на трибуне я углядел и Славика Коротаяева, который вскочил и радостно замахал мне, жестами показывая, что вот именно рядом с ним самое лучшее местечко он для меня забил.

Между тем пришел Чудик. Сбивчиво поздоровался. Выглядел он плохо. Темные круги под глазами — явно почти всю ночь не спал. Взгляд бегаёт. В общем — мандражирует.

— Здоров, — говорю, протягивая ему сумку. — Вот тут все твои причиндалы вчерашние. Иди, готовься. И помни про план. Все получится.

Чудик послушно схватил сумку, побежал в раздевалку. Помогать я ему не собирался. Еще чего не хватало. И так все смотрят.

Не успела за Слепцовым закрыться дверь, как из соседней раздевалки появился его визави в полной боевой готовности. На Хохрякова моментально нацелились объективы всех без исключения камер и фотоаппаратов. Сразу видно, кто именно заказывает тут музыку.

Хряк был важен и, судя по безмятежной морде, крайне уверен в себе. Я отвернулся и направился на трибуну к Славику, который радостно меня приветствовал.

— Тренер, это просто бой года какой-то! — возбужденно заявил он. — Интернет с ума сходит. Прямо сейчас не меньше десятка стримтрансляций ведется!

— Каких трансляций? — не понял я.

— Ну, прямых, в интернете. Видео соцсети смотрят. Шум стоит! Вон телевизионщиков сколько. Даже московские приехали.

Я пожал плечами. С самого начала было ясно, что уж что-то, а шумиху достойную Хохряков точно обеспечит.

Под нестройный гул трибун операторы и фотографы начали занимать позиции у ринга. До начала дуэли оставалось несколько минут. Хохряков ловко поднырнул под канаты и занял место в красном углу. Его приветствовали громкими аплодисментами и одобрительными криками. Кто-то одиноко свистнул и тут же, словно испугавшись, стих.

Из раздевалки появился Чудик. При взгляде на него я понял, что дело совсем хреново. Его била мелкая дрожь. Вопреки моим худшим ожиданиям, он не упал в обморок у канатов, а стал неловко под них проти-

скиваться, под смех и улюлюканье трибун, сочувствующих в большинстве своем его противнику.

— Труссы не потеряй, Годзилла! — жизнерадостно крикнул кто-то. Зал довольно захохотал на разные голоса.

Много повидал я боёв. Интересных и не очень. Но такой атмосферы перед поединком видеть мне не доводилось. На трибунах не обсуждали горячо достоинства и недостатки противников. Не били ладонью по ладони с оттяжкой, заключая пари. Публика с нехорошим интересом как бы подалась вперед, будто стремясь взять ринг в кольцо. Так школьники сбегаются понаблюдать за дракой двух однокашников на заднем дворе школы, когда главный классный драчун и заводила тащит подраться заучку-заморыша, чтобы повеселить себя и товарищей. Заучка драться не хочет, но у него нет выбора, поскольку тогда затравят его за трусость и недостойное пацана поведение уже всем классом. И вот сыпятся на его умную голову тумачи. Он вяленько отбивается, а зрителям — потеха. Со всех сторон летят советы и подбадривания. Результат никому не важен, главное — процесс.

И растягивается драка на весь учебный день. Каждую перемену веселая ватага торопит поединщиков, хватая под руки и вновь и вновь тащит на задний двор школы «махаться», пока наконец после последнего звонка довольный победитель не уходит прочь, окруженный восторженными болельщиками, в то время как заучка поднимается с пыльной земли, отряхивается и, поскуливая от обиды и несправедливости, бредет домой зализывая раны.

Да. Это была именно такая публика и именно такой бой.

Впрочем, есть еще и репортеры, блогеры, азартно снимающие происходящее. И в головах у них уже наливаются ядовитым соком грядущего хайпа заголовки: «Блогер согласился драться и пожалел», «Правдолюбец в нокауте», «Чиновник отстоял свою честь на ринге».

Кстати, чиновникам вообще можно драться на публике? Хотя формально Хряк — не госслужащий даже. Так, вороватая гнида на казенном довольствии.

Тем временем «дуэлянты» уже были на местах, каждый в своем углу. На ринг взобрался импозантный господин, и ему дали микрофон. Понятно — ринг-анонсер. Сейчас афишу бою сделает.

Господин, действительно, сделал. Он со вкусом расписал события, предшествовавшие поединку. При этом, хотя напрямую он этого и не говорил, как-то само собой из его речей следовало, что дело Хохрякова правое, а вот подопечного моего — совершенно наоборот. Бывают такие люди, говорит человеческим голосом, а выходит какое-то собачье тьяканье из подворотни. Пусть даже и солидное.

Пока господин болтал, я еще раз оглядел поединщиков. Хряк невозмутим и с нехорошим таким интересом оглядывает противника. Как повар, который не решил, что из фарша сделает, тефтели или котлеты.

Чудик же весь, конечно, на нервах, бледен и наверняка ни слова не запомнил из моих вчерашних напутствий. Однако глаза осмысленно бега-

ют. То на визави глянет, то на ринг, то на публику. Стратег. План обороны дома, блин, у него.

Ринг-анонсер наконец заткнулся, объявив напоследок, что бой будет длиться три раунда, если, конечно, не закончится прямым или техническим нокаутом.

Дуэлянты заняли позиции в центре ринга. Прозвучал гонг. Рефери скомандовал: «Бокс».

То, что произошло дальше, будет сниться мне в моих тренерских кошмарах. Чудик тигром камышовым подпрыгнул к Хряку и совершенно по-дворовому шмякнул его правой, с верхнего замаха, куда-то между лбом и макушкой. Вроде как гвоздь забил. Тут же, в ужасе от того, что сделал, стремительно попятился к канатам и прикрыл голову руками в своей фирменной стойке павиана, которую мы вчера так безуспешно пытались извести.

Господи, что сейчас будет!

До Хохрякова в первую секунду даже не дошло, что его ударили. Хотя какой там удар?! Все шоу четко складывалось в его голове накануне, и вдруг что-то пошло не так. Это как если бы ты собрался пострелять по мишени у себя на даче, а мишень вдруг взяла бы и запустила в тебя кирпичом.

Оторопевшие трибуны замолчали на миг, а потом разразились хохотом вперемишку с восторженными криками. Громче всех орал рядом со мной Славик.

И тут до Хряка доперло. Под продолжающийся смех он ринулся на своего соперника. Это было зрелище не для слабонервных. Три или четыре абсолютно убойных серии Хохряков провел на запале. И в корпус и в голову — почти все прошло. Как Чудик остался на ногах, я просто не понял. Прижатый к канатам, он елозил по ним мокрой спиной, неумело прикрываясь и всё пропуская и пропуская.

Потом Хряк наплевал на всякие боксерские штучки и принялся просто лупить соперника. Один, еще один! Интересно, сколько еще душа и тело Чудика выдержат в таком режиме? Надо же, а этот удар блокировал даже.

По-хорошему, рефери стоило бы уже остановить эту безудержную веселуху, поскольку было понятно, что собственно бой закончился и идет избиение. Однако он, судя по всему, сам несколько ошалел от происходящего и не издавал ни звука. Чудика надо было спасать. Я встал, и тут трибуны дружно ахнули. Хохряков свалился посреди ринга пластом, а Чудик все так же елозил спиной по канатам, которые никак не давали ему упасть.

На секунду я подумал, что произошло чудо и Хряка от гнева хватил удар. Однако, как пояснил потом Славик, Чудик просто как-то отклонил многострадальную голову от особо смачного удара. Хохряков поскользнулся и упал. Хотя для невнимательного зрителя это выглядело вполне себе нокаутом.

— Снимай, снимай скорее! Какой кадр! — донеслось откуда-то с другой стороны ринга. И этого возгласа нервы Хохрякова уже не выдер-

жали. Он вскочил, срывая перчатки, что сделать само по себе непросто, и с криком: «Хана тебе, сука!» — бросился на Слепцова.

Через полчаса я сидел рядом с Чудиком в раздевалке, ухватившись за более широкое плечо. Его прокусил Хохряков, когда мы со Славиком, рефери и импозантным господином «анонсером» отрывали его от окровавленного соперника. Теперь Хохряков отменял запланированную пресс-конференцию, а мы тупо ждали скорую, которая все не ехала.

Скорую, естественно, вызвали не мне, а Слепцову. У него был сломан нос, почти не открывались из-за гематом оба глаза, а в левой, менее пострадавшей руке он держал три своих выбитых зуба. Я надеялся, что с ребрами все обойдется, поскольку, когда мы подросли, Хряк только-только начал пинать своего лежачего соперника. А еще мы с Чудиком снова были на «вы».

— Послушайте, Матвей, откуда все-таки это возмутительное пренебрежение к советам опытного, не побоюсь этого слова, гениального тренера? Что за своеволие? Что за чапаевские наскоки на бронепоезд? Видите, чем все закончилось. Я предупреждал же. Чего вы добились своим дерзким упрямством?

Слепцов кроваво улыбнулся. Выглядело это жутковато.

— Как раз все закончилось так, как я и мечтать не мог. Вы же сами видели, сколько прессы, блогеры. Я совершенно ясно понимал, что выиграть никак не смогу. Но мне надо было разозлить этого мерзавца, чтобы он показал свое истинное лицо. Он и показал. Теперь люди посмотрят видео это неприглядное. Как вы думаете, кто за этого негодяя теперь голосовать будет? Кроме того, наверняка вмешается прокуратура, полиция. Заявление я писать, конечно, не буду. Все-таки дуэль. Но тут факты налицо — избит человек. Расследование даже вести не надо, улики собирать. Нет. Все прошло прекрасно. Просто прекрасно. Ведь он, понимаете, я совершенно все раскопал, в прошлом году он украл из бюджета...

Чудик еще что-то говорил, а я делал вид, что слушаю. Молча. Хотя на самом деле мне хотелось орать на этого дурачка блаженного. Какое видео? Какие блогеры? Через три дня, а то и раньше, те, кто посмотрел, забудут увиденное, потому что новое и интересненькое Сеть подкинет. А если и не забудут, то ведь на выборы большинство интернет-пользователей просто не ходят. Ходят на них бабушки и подневольные бюджетники. И когда пойдут хохряковские гонцы по ЖЭКам, клубам ветеранов, ТОСам с обещаниями всевозможной помощи и поддержки, то проголосуют за уважаемого в городе человека, никуда не денутся. А про полицию с прокуратурой даже вспоминать не хочется, настолько смешно.

Но я не буду смеяться. Буду сидеть, слушать и молчать. А когда все-таки придет скорая и увезет Чудика в больницу, я вернусь в пахнущий краской спортзал, еще раз спасибо Пал Пальчу, и предложу пацанятам своим скинуться на новые зубы для Чудика. Не скинутся — и ладно. Мы со Славиком скинемся обязательно, потому что мы-то уж точно с понятиями...

Владимир ШУБАЕВ

НОЧНЫЕ ЖУРАВЛИ

В октябре 2021 года в воронежском и московском отделениях Союза писателей России отмечалось 75-летие со дня рождения Владимира Павловича Шубаева.

Владимир Шубаев родился во Владикавказе (тогда — Дзауджикау), но детство его, о котором он отзывался с неизменной любовью, прошло в Ишиме и Тюмени, из Ишима родом была его мама — участница Великой Отечественной войны. Затем был Воронеж. Здесь Владимир Шубаев учился, работал на студии телевидения Воронежского областного комитета по телевидению и радиовещанию, прошел путь от осветителя до главного режиссера-постановщика.

Стихи Владимир Шубаев писал с юности, публиковался в воронежской периодике и столичных журналах. Публикации приносили восторженные отклики читателей и хвалебные отзывы профессиональных критиков, однако при жизни поэт выпустил всего лишь две книги: «Последняя вера» и «20 век в стихах». Причем первый сборник появился тогда, когда самому автору было почти пятьдесят лет.

Третья книга — основательное «Избранное» — была издана уже после смерти поэта.

На Верхней Волге

Вечереет вода.
И плачет на озере цапля.
И под натиском ветра
Гудит холодеющий бор.
И в пахучее сено
Падают первые капли.
И под берегом лодка
Плескучий ведет разговор.
С поворота реки —
Торопливый гудок парохода.

И в дощатом сарае —
Тяжелая дрема весла.
И промокшая дачница
Легкой и быстрой походкой
По размокшей тропе
Свою теплую жизнь
Пронесла...

1968

Крик

Я опять в этом доме —
До утра, как навек.
Как пустынно Задонье!
Словно в разинский век.

Здравствуй, поздняя осень,
В нашем русском краю!
Словно храм перед сносом,
Замер лес на краю.

Гулко хлопает рама.
В доме сыро давно.
Как открытая рана,
Не закрыто окно.

Там, за ставенкой древней,
Словно мать от плетня,
Смотрит старое время
В облик нашего дня.

И холодным вопросом
Для грядущих времен
За меловым откосом
Изгибается Дон.

Дождь на лужах дробится
У прибрежных ракиг.
Одинокая птица
Через осень летит.

Через позднюю осень,
Не на шутку спеша,

Что с собою уносит
Эта птичья душа?

Что в тоске безъязыкой
В поднебесной глуши
Прорывается в крике
Неразумной души?

Есть ли смысл в этом крике,
Растворенном во мгле,
На огромной, великой,
На осенней земле?

1970

Станция Графская

Вдали от критики серьезной
С водой рифмуется звезда.
И первый знак поры морозной
Везут на крышах поезда.

И, от взыскательного взора
В глуши лесов сохранена,
Мерцает образно в озерах
Традиционная луна.

Раздвинув полночь голубую,
К далеким дымкам городов
Летят сквозь непогодь любую
Огни курьерских поездов.

От шума девочка проснется,
Замрет у гулкого окна,
Пока в глазах не пронесется
Вся эта светлая страна.

И долго будет то окошко
Светиться где-то позади,
Как электрическая брошка
У теплой ночи на груди.

1978

«Бархатный сезон»

Веет осенью. Выходит луна.
 Не до сна мне уже. Не до сна.
 Долог путь до крыльца моего.
 Моросит. И вокруг — никого.
 Никого. Лишь на той стороне
 Дед в сторожке грустит о весне.
 Утром лодку столкнет, чтоб приплыть —
 Посидеть, поболтать, покурить.
 Рассказать, что глухая пора,
 Что дороги размыты с утра,
 Что сближает людей испокон
 Этот «бархатный» русский сезон...
 Это завтра еще. А теперь
 Незакрытая хлопает дверь.
 Прекращается дождь. И опять
 Начинает по окнам стучать.
 Я молчу. Зажигаю свечу.
 Зажигаю свечу и молчу.
 Учащается дождь. И, темна
 В переулках, стоит сторона.
 Там как будто идет между дач
 Тихий дождик, как чеховский врач...
 Тихий дождь на земле. Тихий час.
 Увлажнение почвы и глаз.
 Я молчу в этот час. Я молчу.
 Торопливую душу лечу.
 Догорает свеча. Я молчу.
 Зажигаю другую свечу...

1980

Наследие

За калиткой — истины простые:
 Край проулка. Небо. Косогор.
 Русские леса «невыездные».
 За рекой заброшенный собор.

 Что же тут наследовать? Не знаю.
 Чистый стол. Непраздное житье.
 Русская душа «невыездная» —
 Вот и все наследие мое.

1985

В Ясной Поляне

Листья летят над дорогой.
 Тонет в дождях сторона.
 Необъяснимостью Родины
 Дышит ее тишина.

Трактор рокочет размеренно.
 А у развилки дорог
 Тает в следах «холстомеровых»
 Первый осенний ледок.

Тянется осень неяркая,
 Глохнут сады за рекой.
 Падают поздние яблоки,
 Ветку качнув над собой.

Поле сквозит за березами,
 Там до весны — никого.
 Поздней толстовскою прозою
 Высветлен воздух его.

Кончились шумные ярмарки.
 И в тишине неземной
 Яблоки, падают яблоки!
 Оземь стучат головой...

1986

Кризис

На ветке облезлой
 Маячит в окне
 Продрогшая птица.
 Рассветной тревогой
 В бреду и во сне
 Вздыхает больница.

И тает к утру
 Электрический свет,
 Как тает надежда...
 Мне кажется, в жизни
 Меня уже нет —
 Лишь узел с одеждой.

По стенке белой
Сквозит бирюза,
Как будто сквозь ели...
Христос и профессор,
Тревожа глаза,
Стоят у постели.

По стенке белой —
Сквозят тополя.
На краешке жизни
Смешались озера,
Леса и поля,
Жгуты и зажимы...

Как будто из сенцев,
Под сердце сквозит,
Как в детстве когда-то...
И мальчик на лыжах
По снегу скользит,
По складкам халата...

И дальняя-дальняя
Тает лыжня,
За кромку уходит.
Уходит за жизнь,
Голосами звеня...

Но кризис проходит.

1986

Заколоченный дом

По сибирской большой дороге,
По дорожке родных примет
Выхожу к своему порогу,
Где давно старожилы нет.

Вот он, дом!
Вот родные лица.
Голоса, что слились с травой.
Дышит каждая половица
Отшумевшую их судьбой.

Яркий свет пронесется мимо
И растает в глухой ночи.
Позабытая кем-то «Прима»,
Как привет, лежит на печи.

И ни слез, ни слов, ни тревоги,
Только взгляд скользит по лучу,
Только луч скользит по дороге.
Постою один, помолчу.

Выхожу к своему порогу...
Так выходит слепой на свет.
Так выходит душа на Бога,
Понимая, что Бога нет.

1987

* * *

Не жаль ни разрух, ни распадов,
Ни лет этой шумной страны,
А жаль неотцветшего сада,
Его разоренной весны.
Калитка очнется и смолкнет
И снова погрузится в сны.
И звезды, не сбитые с толку,
Пронзительней станут видны...

1989

Первопуток

Нет и не было проще
Этих мест на земле,
Этой высохшей рощи,
Сигарет на столе.

Выше всяких открытий
Эта стежка назад.
Там серебряной пылью
Занесен палисад.

Холод зимней России.
Заколоченный дом.
Первопуток гусиный,
И река подо льдом.

Прихожу. Раздеваюсь.
Запираюсь в дому.
И как будто прощаюсь.
Только с чем — не пойму...

1991

Перекасти-поле

Все свершилось на свете.
Дней особых — не жди.
Отшумели газеты.
Отшумели дожди.

И вдоль долгого лета
В бесконечную даль
Ветер гонит по свету
Пустоту и печаль...

1992

Ночное

Поле. Блестят огоньки.
Жизнь — как ночлег у реки.

В детстве пригрелся, уснул.
Встал — уже сед и сутул.

Скоро светает... Пора
В сумрак шагнуть от костра.

Где, как ночная душа,
Лошадь стоит не дыша.

Где, в двух шагах от искры, —
Холод последней поры.

1994

Лист

Все прошло, пронеслось...
 Улеглось на весах.
 Что ж ты ищешь бессонно
 В опустевших глазах, в одиноких лесах,
 В отсиявших иконах?

Все пройдет, все промчится,
 Сгорит на заре
 Чьей-то новой эпохи...
 Все вот так, как теперь, —
 При Борисе, Петре,
 При царе при Горохе...

Лист качается в бочке
 И тычется в край.
 Ночь — до снега осталась...
 Никого не ищи, ничего не спасай.
 Все уже состоялось.

1996

За полустанком

Осень. Пакет молока.
 Пыль за далекой посадкой.
 Годы прошли иль века?
 Холодно. Пусто. И сладко.

Будет ли жизнь? Иль была?
 В пальцах ломаются спички.
 Осень пронзает игла
 Вечной твоей электрички...

Мчится — сквозь день и сквозь ночь,
 Светом холодным тревожит...
 Чем же ты можешь помочь,
 Если и Бог не поможет?

1998

Ночные журавли

*Ночью в водопроводных трубах
Журчали журавли...*

Усталых зим тугая вата.
Ночь за окном. Туман вдали.
Откроешь кран... И, как когда-то,
Журчат, курлычут «журавли»!..
И жизнь как будто вновь предстала —
Всем расстоянием дыша!
Как мало! Как до боли мало
Тебе отпущено, душа!
И все, что ты взахлеб любила,
Все было серого серей...
Жизнь вместо подлинных дарила
Водопроводных журавлей.
Но как летела эта стая
Ненастоящая моя!
Любовью подлинной рыдая
Над вечной пьянкой бытия...

2000

Шестой квадрат

Валерию Приемыхову

На Ваганьковском пес на могиле лежит.
Похоронен хозяин, и нет никого...
Он не ест и не пьет, только мелко дрожит,
И повторною смертью несет от него.
И подумалось грустно, с прошествием лет,
После стольких потерь и отравленных дней,
После жизни собачьей, от бед и до бед, —
Так лежит моя память над жизнью моей.

2000

*Межрегиональное совещание авторов
Сибири и Дальнего Востока*

Дмитрий КОНОНОВ

КРЕПОК ЛИ ЛЕД?

Р а с с к а з

В последнее воскресенье перед Новым годом Милочка захотела украсть из магазина утку. Не то чтобы эта утка была ей нужна: муж такое мясо не жаловал, а сама Милочка привередливостью в еде не отличалась — сказывалось сложное детство.

Возвращались из кино: Милочка, ее муж Митенька и Гера, друг семьи. Это она затащила их в кинотеатр. Показывали очередную рождественскую сказку от Диснея. Милочка страшно любила такие мультфильмы, а еще больше любила саму возможность пойти на киносеанс в любой момент. В программе обязательно значился соленый или сладкий попкорн в огромных ведрах, брют в невинных стаканах с трубочкой, а на последнего «Гарри Поттера» Милочка с Митенькой пронесли копченые свиные ребрышки в отвратительной шуршащей фольге.

Мужчины к мультику отнеслись прохладно. Сразу после сеанса Гера предложил взять хорошего вина и продолжить отмечать воскресенье дома. Митенька поддержал, и Милочка, взяв под руки, повела их вниз по скользкой улице, где гипермаркет — самодовольный и нелепый, как «Титаник», — переливался новогодней иллюминацией в ранних декабрьских сумерках.

Поводов для радости было много. Во-первых, воскресенье. Во-вторых, скоро Новый год, а этот праздник Милочка любила и тратила на него год от года все больше. В-третьих, Ксению на все выходные забрала к себе бабушка и о самом сладком пирожочке на свете можно не переживать аж до завтра. В-четвертых, дела у компании шли неплохо, год закрывали в солидном плюсе и Гаврилин на радостях выписал Милочке сто тысяч премии. А может, дело не в плюсе, а просто Алена Андреевна ему так настроение улучшила, после постылой-то жены. Алена

Андреевна была лучшей подругой Милочки, главным эйчаром* компании и любовницей шефа последние полгода. Мадам Гаврилина все знала, но предпочитала притворяться, что не знает.

Обсуждая суетливых, безвкусно одетых прохожих, троица вошла в супермаркет. Митенька с Герой набрали вина, путь к кассам пролегал мимо холодильных витрин. И вот тут-то Милочка увидела утку. Импортная птица выглядела неказистой и угловатой, с белорусскими наклейками поверх польских ярлыков. В саване белой от инея пищевой пленки, вытянутая и истощенная, она напоминала курицу, которая умерла от туберкулеза.

— Мальчики, я хочу утку, — заявила Милочка.

— Людмила Александровна, ну что вы, в самом деле, — вялым голосом ответил муж.

Они с Митенькой нередко обращались друг к другу по имени-отчеству: примета супругов, между которыми не осталось страсти, одна только дружеская симпатия.

— Ну уж нет, Дмитрий Викторович, — стояла на своем Милочка. — Мы берем дичь к вину, это не обсуждается.

С этими словами она схватила утку, вытянулась во все свои метр шестьдесят и зашагала гордо, будто охотничий спаниель какого-нибудь английского лорда. Мужчины переглянулись с улыбкой и пошли следом.

— А давайте украдем эту утку? — предложила Милочка на подходе к кассе.

— В смысле? Зачем это? — не понял Гера.

— Ну для смеху, ты что? Для веселья. Новый год, пурум-пурум же! — Милочка бросила на него кокетливый взгляд.

— Как ни странно, мне идея нравится, — подал голос Митенька. — У тебя есть план?

Милочка поманила их к себе и что-то прошептала. Мужчины снова переглянулись, будто увидели друг друга впервые.

— Ну давай, почему нет? Заодно и социальный эксперимент проведем, — решил Митенька.

Так бывало и раньше. Милочка нередко подбивала людей вокруг на разные безумные выходки, а с мужем ей даже стараться не приходилось. Она с гордостью говорила о нем: «Дмитрий Викторович за хорошую шутку мать родную продаст!» — и все смеялись.

Милочка встала на цыпочки и чмокнула мужа в щеку:

— Вы молодец, Дмитрий Викторович, вы второй самый сладкий пирожочек после Ксении.

Гера кисло улыбнулся.

Мужчины заняли место в очереди, положили на ленту бутылки, Милочка с уткой в руках встала сразу за ними. Когда кассирша начала пробивать вино, Митенька правой рукой обнял Геру за талию, левую положил ему на затылок — и двое мужчин слились в страстном поцелуе.

* Эйчар — специалист по управлению персоналом (англ. HR).

Гера нежно ерошил Митеньке волосы и, казалось, даже постанывал от удовольствия.

Эффект был велик. Кассирша чуть не уронила бутылку. Старушка в берете опасливо перекрестилась. Красивая девушка наставила камеру смартфона. Тучная мать семейства безуспешно пыталась закрыть глаза сыновьям. Сыновья ржали и тоже расчехляли смартфоны. Рабочий в тюбетейке осуждающе цыкнул золотым зубом. Первый охранник проглотил жвачку. Второй выронил рацию, положив ее мимо кармана. Милочка пробормотала: «Простите, разрешите, пожалуйста», протиснулась мимо очереди и вышла из магазина, пряча под короткой шубкой тощую ледяную утку.

— Ну ты даешь, — с уважением протянул Гера на улице. — Не думал, что ты такая рискованная.

— А я-то что? — махнула рукой Милочка. — Я просто присвоила деликатес. А вот вы с Дмитрием Викторовичем совершили каминг-аут в наше непростое время. Вот это я понимаю — смелость!

Домой ехали на такси. Митенька попросил высадить его чуть раньше, у сырной лавки — захотел набрать закусок к вину.

— Тебе взять что-нибудь? — привычно просил он у жены.

— «Кент» возьми, с кнопочкой, — привычно ответила Милочка.

— Ладно, минут через пятнадцать приду.

В прихожей Гера аккуратно поставил у стены пакет с бутылками и уткой, а затем наглым, хозяйским движением привлек Милочку к себе. Они поцеловались. Милочка бросила на пол шубку и стянула куртку с Геры.

— Скажи, что любишь меня.

— Люда, ну ты чего?..

— Скажи. Что любишь.

— Люблю.

Милочка дрожащими пальцами расстегивала Гере джинсы. «Это любовь, — думала она. — Это совершенно точно любовь».

Когда вернулся муж, Милочка уже хлопотала на кухне, ломала длинную пасту над кипящей водой. Гера открывал вино. Презерватив Милочка, как обычно, засунула в пустой тетрапак из-под сока, лежавший в мусорном ведре. Глупо смывать презервативы в унитаз. Предметы, попавшие туда, иногда всплывают в самый неподходящий момент.

* * *

— Людочка, надо в Новосиб съездить, решить один вопрос. — Гаврилин мерил кабинет уверенными шагами, пытаясь скрыть извиняющийся тон. — Я понимаю, двадцать шестое декабря, я все понимаю. Но надо сейчас все уладить, ясно? Полюбовно, как ты умеешь. До конца январских ждать мы не можем. И не будем.

Милочка широко улыбнулась и поставила белоснежную кофейную чашку на прозрачный столик. «Какая же классная помада, — подумала она. — Ни следа на кружке, а раньше какой только дрянью губы не мазала. Когда это — раньше? В две тысячи пятом? О, мать, да ты старуха».

— Конечно, Геннадий Михайлович, я съезжу. — Шеф любит кротость и смиренно опущенные глаза.

— Ну и отлично. — Обрадованный Гаврилин сел за стол и принялся копаться в макбуке. — Я тебе скину на ящик все документы, в самолете помотришь. Билеты Оленька тебе передаст. Вкратце, что за история. Есть одна фирма, мы с ней очень дружим. Больше я в Новосибе ни с кем дружить не хочу. Владеет фирмой Женя Семенов, хороший мужик. У него в этом году пара проектов накрылась, да еще летом кинули его... В общем, ему нужна реструктуризация задолженности по кредиту, а в банке какая-то сволочь новая сидит, выслужиться перед начальством хочет, на принцип пошел. Надо как-то помочь Женьке, спасти мужика от приставов. Лучше всего с этой гнидой в банке по-людски договориться. Задача ясна?

— Договориться с гнидой, — медовым голосом пропела Милочка. — Я все поняла, Геннадий Михайлович.

Она встала и направилась к выходу.

— Эх, Людка, — неожиданно проговорил Гаврилин. — Был бы холостой, тут же бы на тебе женился.

Милочка обернулась, одарила шефа улыбкой, которую можно было трактовать как угодно, и покинула кабинет.

* * *

До рейса оставалось четыре часа, и Милочка позвонила Алене Андреевне:

— Привет, занята?

— В общем, нет. Конец года, у нас все по новой только к февралю закрутится.

— Ну и отлично. Может, пообедаем? Скажем, через полчаса в «Фонтане»?

— Супер. Все, давай, до встречи.

Алена Андреевна была умной женщиной. Полная, с грубыми чертами лица, она не знала отбою от поклонников. Мужчин пленяли ее ум и обаяние. Милочка не знала другого человека, который бы в любой ситуации точно знал, что следует сказать, а чего говорить ни в коем случае нельзя.

— Ну, мать, ты сильна, конечно, — поприветствовала подругу Алена Андреевна. — В ланч-тайм занять угловой столик в «Фонтане» — это достойно.

— Я уже нам все заказала. — Милочка притворилась, что ей немного стыдно. — Тут просто суп из белых грибов дают и вот такие штучки еще к нему, помнишь?

— Тарталетки с белым соусом?

— Тарталетки с белым соусом, точно!

Алена Андреевна грузно опустилась в кресло.

— Уф-ф, а я еще кофе возьму. Или парочку. Сегодня сплю на ходу, сил нет.

Симпатичная вышколенная официантка с дежурной улыбкой появилась, кивнула, исчезла и моментально снова появилась с чашкой эспрессо. Милочка дождалась, когда подруга переведет дыхание и выпьет первый кофе.

— Дай угадаю, бессонная ночь?

— Ой, не говори.

— Гаврилин?

— Ну не муж же! Ездили к нему на дачу, там прямо поместье на берегу озера, офигенно. И на озере вычищен каток. Красивый такой, с подсветкой, и удобные деревянные лесенки к самому льду...

— Много лесенок, мало Гаврилина, — смешно скривилась Милочка.

— Ну а что Гаврилин? Попыхтел на мне минут двадцать. Наверное, закинулся чем-то заранее, чтобы подольше продержаться. И отрубился спать. А я на новом месте вообще заснуть не могу. Полежала, послушала храп любимого шефа, потом стала гулять по дому. Там в каминном зале одна стена стеклянная, как раз с видом на озеро. Уснула под утро в кресле у камина, прикинь. Ладно. Ты-то как?

— Сейчас в аэропорт и в Новосиб. Шеф велел одного мудака отстранировать. Филиал банка «Палладий», местный. Только чем я его буду страпонировать — ума не приложу.

Принесли обед. Подруги уже основательно проголодались, поэтому некоторое время ели молча. Алена Андреевна время от времени сводила брови, будто силилась что-то вспомнить.

— Раз уж ты заговорила о страпонах — попробуй переговорить с Глебушкой. Он как раз сейчас в Новосибирске.

Милочка удивленно отложила тарталетку:

— Глебушка? Чекист? А при чем тут он? Он же совсем по другой части.

— Насколько я знаю, он сейчас по любой части, — покачала головой Алена Андреевна. — Я на днях говорила с его супругой. Он вернулся с Дальнего Востока и получил капитана. И теперь сидит в Новосибире, что-то там с банками. Вот приедешь — позвони ему, заодно и мне потом расскажешь.

— Надо же. Хорошо, спасибо тебе, — искренне улыбнулась Милочка. — Если выгорит, с меня суши.

— С тебя море, вообще-то, — поправила подругу Алена Андреевна. — Ты мне когда обещала, что на Сейшелы поедем?

— Ой, да время бы выкроить, тут то одно, то другое, — смутилась Милочка.

— Кстати, об одном и другом. Как муж, как Гера?

— Ну как... Как обычно. Митенька — пирожочек. Представляешь, вчера развешивал белье на сушилке, поворачивается и говорит: «Ты должна знать, что твой большой черный носок проглотил твой маленький розовый носочек. Я увидел, как он лежит, весь лоснится сытостью, — и почуял неладное».

Алена Андреевна рассмеялась.

— А Гера?

Милочка проводила взглядом уходящую официантку.

— Трахается, как черт. У меня лет десять такого не было. А что, он на шесть лет младше. Мальчикам в этом возрасте только одно и нужно.

Алена Андреевна улыбалась и молчала.

— Знаешь, за что я тебя люблю, мать? — вдруг спросила Милочка.

— Ну?

— За то, что ты сейчас улыбаешься и молчишь. И я не слышу фраз, в которых есть слова «любишь», «муж», «дочь», «будущее»...

— По-моему, это называется дружбой.

Милочка посмотрела на подругу, как почти ни на кого не смотрела: чуть исподлобья и в то же время прямо — с тихой благодарностью.

Остаток обеда говорили о всякой ерунде. Потом Алена Андреевна взглянула на телефон, охнула, вынула кошелек и позвала официантку.

— Рассчитайте, пожалуйста, — попросила она.

Официантка ушла, чтобы принести счет, а Алена Андреевна тем временем удалилась в дамскую комнату.

Кошелек остался на столе. Милочка вынула свой и положила рядом. Некоторое время она глядела по сторонам. Часто билось сердце. Убедившись, что никто не смотрит, Милочка схватила кошелек подруги, вытащила оттуда две тысячных купюры, скомкала, сунула в карман. Затем поспешно закрыла кошелек и положила на прежнее место.

* * *

Милочка стояла у самого бортика катка и махала дочери рукой:

— Ксения, пора домой!

Увидев маму, девочка поспешила к выходу так быстро, как позволяло ей невеликое пока еще умение.

«По льду угловатой змеей поползла белая трещина».

— Не торопись, — крикнула Милочка. — Не спеши, спокойно давай.

Спустя пару минут она уже крепко обнимала дочь.

— Не замерзла тут? — Они сели на лавку, Милочка помогала развязывать шнурки. — А щеки почему такие красные? Как позанималась сегодня, что тренер говорит?

— Да все хорошо, мама, — ответила Ксения. — Только вот в школе у меня проблема.

— Что такое?

— Евгения Ивановна сказала, что я на второй год из-за русского останусь. Опять в третий класс.

— Подожди, пирожочек. У тебя же четверка должна была быть за четверть?

Ксения шмыгнула носом. От холода, не от подступающих слез.

— Ну да, четверка. А за контрольный диктант она мне двойку поставила. Сказала, что я над ней издеваюсь.

— Как так? — Милочка уложила коньки в пакет и теперь за руку вела дочь к машине.

— А я не знаю как. Она мне ничего не объясняла, только накричала на меня, что я над ней издеваюсь. А я диктант внимательно писала, я очень-очень старалась.

— Ну что ты, что ты, мой самый сладкий пирожочек. — Милочка надеялась, что в ее нежных увещеваниях дочь не заметит подступающего гнева. — Я сейчас тебя домой отвезу, папа вкусный суп сварил, он тебя покормит, а я пока в школу съезжу, поговорю с Евгенией Ивановной.

Ехали молча. Ксения безмятежно глазела по сторонам. Милочка украдкой поглядывала на нее и улыбалась.

Сдав ребенка с рук на руки Митеньке, она помчалась в школу. Пять вечера, учителя должны быть на месте. И завуч. И директор. И министерство просвещения. И сам президент.

На больших окнах школы бесновались белые зайцы, елки и снежинки. По пути вдоль фасада к крыльцу Милочка вдруг подумала, что бумажные фигуры, приклеенные к стеклу, могут защитить учителей от осколков в случае бомбежки или дальнего артобстрела. Военный ход мысли увел ее чуть дальше, чем хотелось бы: она вспомнила, как скоропостижно умер папа, кадровый офицер. Мама слегла с депрессией, денег не было даже на еду, и после девятого класса Милочку, как дочь офицера, без экзаменов приняли в кадетский корпус. Полный пансион, казенная форма, дисциплина и уверенность в завтрашнем дне — так Милочка стала одной из трех девушек на курсе в мужском учебном заведении. Подобные странные вещи изредка происходили в те времена. В случае Милочки сыграло роль знакомство: начальник корпуса хорошо знал ее отца и не хотел разлучать вдову друга с дочерью — женского училища в городе не было. Кадетский корпус научил ее всему: пить без запивки, курить тайком, стоять на стреме, ломать носы и бить в пах. Она твердо усвоила, что всегда нужно давать сдачи. Первый же парень, который пробрался вечером в комнату для девочек и после непринужденной беседы о музыке и кино попробовал засунуть Милочке руку в трусы, пролежал три недели в лазарете с паховой гематомой. Заму по воспитательной работе он объяснил, что поскользнулся и трагически упал на ограду клумбы.

Скучающий охранник в фойе школы неприятно напомнил того парня. Милочка приветливо улыбнулась и спросила, где может найти классного руководителя третьего «А».

В кабинете русского языка пожилая учительница прилежно проверяла тетради. Увидев Милочку, она опустила очки на шнурке с близоруких глаз на грудь и прищурилась.

— Добрый вечер, Евгения Ивановна! Я мама Ксении.

— А, зд'австуйте, зд'австуйте. — Учительница вовсе не выговаривала букву «р». — П'оходите, садитесь, пожалуйста. Я так понимаю, вы п'ишли погово'ить о возмутительной выходке вашей доче'и?

Милочка, улыбаясь, села. Больше всего ей сейчас хотелось, чтобы Евгения Ивановна не прочитала в ее глазах желание убивать.

— Вотсе нет. Я приехала не для этого. Уверена, что вы опытный педагог и ваше мнение о том, что сделала моя дочь, совершенно справедливо. Мы должны учить детей нести ответственность за свои поступки. Я здесь только для того, чтобы поздравить вас с наступающим Новым годом.

Милочка поставила меж двух кип тетрадей картонный подарочный пакет с конфетами и банкой дорогого кофе. Учительница всплеснула руками и покраснела.

— Ну что вы, что вы. Не стоило. Спасибо вам, конечно, большое...

— Людмила Александровна, лучше просто Людмила.

— ...Людмила Александр'овна, мне очень п'иятно. — Она вороватым движением спрятала пакет под стол. — Поймите и вы меня. Да, у меня немного своеоб'азная 'ечь, так у кого нет таких п'облем? У телевизионных дикто'ов, возможно? Но ваша дочь — она п'осто посмеялась надо мной. Вот смот'ите.

Она покопалась в столе и вытащила тетрадь, подписанную знакомым аккуратным почерком.

— У нас был диктант. П'о зимний лес. Вот смот'ите, идет п'едложение: «По ночам в поле поет метель».

Милочка всмотрелась в ровные ряды букв. Ксения написала: «По ночам в поле поет метель. Я занята, не звони мне».

— В этот момент мне позвонила коллега, а ваша дочь п'осто записала все, как будто это слова самого П'ишвина!

Милочка осуждающе покачала головой.

— Но не это главное. Главное вот тут, отдельное дополнительное задание: «И по всему лесу было слышно, как на закате ка'кает во'она».

В тетради без единой помарки было выведено: «И по всему лесу было слышно, как на закате какает ворона».

— Да. Да, я вижу. Я понимаю. Мне очень жаль, что Ксения так поступила. Надеюсь, повторное обучение в третьем классе отучит ее так шутить.

Милочка подняла глаза от тетради.

«Ах ты, старая беззубая крыса, — говорил ее взгляд. — Как тебя вообще взяли русский преподавать, если ты половину алфавита из себя вы-

давить не можешь? И что ж ты теперь, тварь, на детях злость срываешь? Один звонок, землеройка ты очкастая, один звонок — и ты вылетишь на пенсию, как пробка, и подохнешь от скуки и одиночества через пару лет вместе с дряхлым твоим мопсом, или какого еще уroda ты пригрела на старости лет».

Молчание затягивалось.

— Вп'очем, вы знаете, Людмила Александ'овна, я подумала, что предуп'еждения Ксении будет достаточно на пе'вый 'аз. Всю четве'ть она занималась хо'ошо и вполне достойна тве'дой четве'ки.

— Спасибо вам, дорогая Евгения Ивановна! — просияла Милочка. — Мы будем еще лучше заниматься во втором полугодии, я прослежу, обещаю вам. И очень постараемся стать отличниками по итогам года.

— Я 'ада, я очень 'ада. Вы знаете, так мало 'одителей сейчас об'ащают п'истальное внимание на успеваемость своих детей, так мало! Кстати, 'аз уж вы здесь. Вам нужно 'асписаться в двух жу'налах: за п'ививки и за лыжные занятия на физкульту'е. Подождите минутку, я сейчас п'инесу.

Она вышла из класса, низенькая, чуть косолапая. Сидеть за партой Милочке было неприятно, слишком напоминало кадетский корпус. Она прошлась по классу, рассматривая орфографические таблицы и портреты писателей, затем вернулась к учительскому столу. На спинке стула висела сумочка. Милочка прислушалась. В коридоре вроде никого не было. Она открыла сумочку и без труда нашла кошелек. Там лежал календарик, транспортная карта, старые билетки, горстка мелочи в кармашке и одинокие пятьсот рублей. Милочка сунула купюру в карман, аккуратно положила кошелек на место и чуть ли не бегом кинулась к выходу из класса. На пороге путь ей преградила Евгения Ивановна с потрепанными журналами.

— Людмила Александ'овна, а 'асписаться? Вы то'опитесь? Это не долго, у меня даже закладки тут есть. Вот и вот.

Больше всего Милочке хотелось оттолкнуть, опрокинуть глупую училку и убежать, но она взяла себя в руки, выдавила улыбку, черкнула какую-то нелепую закорючку напротив своей фамилии и, сославшись на занятость, спешно покинула школу. Потом она долго сидела в машине, приходя в себя. Стучало в висках, горели щеки, в зеркале заднего вида отражалась загнанная в угол воровка.

* * *

Вначале время было бирюзовым. В этот цвет красили подъезды в бесконечных гарнизонных городках, по которым Милочка с мамой мотались вслед за папой. Тетрадки по всем предметам имели бирюзовую обложку. Так, математика не отличалась от физики, а история — от литературы. Да не очень-то и хотелось их различать. В их последний Новый год папа подарил Милочке елочную игрушку, бирюзовую стеклянную

синичку, которая крепилась на ветку прищепкой. «Ты моя синичка!» — сказал он тогда. Папу похоронили в бирюзовом мундире. Кто-то говорил — парадный, а кто-то — списанный. И венки сослуживцы принесли бирюзовый, как будто канадскую ель ободрали.

Потом время пожелтело. У мамы были желтые ногти и желтые белки глаз. После смерти папы она сутками лежала, глядя в потолок. Они ели желтую еду: вареная картошка, хлеб с желтой коркой и желтый маргарин. Желтела стопка квитанций и счетов, для оплаты которых мамино пособие попросту не хватало. Желтыми хмурыми взглядами встретили Милочку офицеры в приемной комиссии кадетского корпуса. Все ее вещи поместились в желтый пакет с надписью «Липтон». Этот пакет она украла.

В кадетском корпусе время стало цвета хаки. Гражданские называют его защитным. Плащ-палатки защищали от непогоды. Стropy защищали от падения во время штурмовых тренировок. Противогазы защищали от химической атаки условного врага. Униформа защищала от мыслей о бедности.

В то время Милочка почти не воровала: боялась, что нельзя убежать. И все же пару раз она не смогла сдержаться. Старлей Казаков по прозванию Петрович, закодированный алкоголик, преподавал в корпусе историю. Наручные часы он годами носил в кармане, потому что ленился заменить порванный ремешок. Однажды Милочка увидела, как он, вытаскивая из кармана носовой платок, выронил часы в траву у казармы. Когда старлей ушел, она подбежала к газону, взяла часы и унесла к себе, спрятала в тумбочке. Вечером Петрович обнаружил пропажу и поднял шум. Он кричал, что курсанты совсем оборзели и среди бела дня у офицеров часы воруют. Заставил дневальных обыскивать тумбочки. Милочка так перепугалась, что спустила часы в унитаз. По наитию она сделала это не в женском, а в пустовавшем тогда мужском туалете. Ночью злосчастные часы Петровича намертво перекрыли и без того забитый слив, и туалет затопило. Злой заспанный сантехник не без труда вытащил часы из трубы. Пахли они соответственно. Казаков еще долго ворчал и грозился нанять частного детектива, чтобы изобличить вора, а Милочка поклялась себе больше никогда не брать чужого.

Клятва была нарушена через три месяца. К этому времени Милочка завоевала среди курсантов немалый авторитет. Ее, как самую внимательную и хитрую, попросили постоять на стреме во время одного важного ритуала, а если покажется преподаватель или офицер — умело задержать разговором. Суть ритуала состояла в следующем: среди первокурсников выбирался самый забитый, он-то и становился жертвой. Утром, за полчаса до подъема, специально утвержденная группа похищала его берцы и уединялась с ними на какое-то время в туалете. К подъему обуви как ни в чем не бывало уже стояла рядом с койкой. Не ожидая беды, несчастный принимался обуваться — и тут же с криком выдергивал из берца ногу, с которой обильно стекала белесая липкая субстанция с характерным рыбным запахом. Над этим из года в год ржала вся казарма. В ту ночь Милочка проводила взглядом стайку курсантов, которые, беззвучно смеясь,

устремилась в туалет, вздохнула и покачала головой: пацаны иногда такие кретины. Стоять на стреме было скучно, никто не шел. Милочка вернулась в тихую темную казарму — и махом обчистила тумбочки четырех отсутствовавших. Наскоро рассовала найденное по карманам и вернулась на пост. Ей было плохо, ноги подкашивались. С трудом дождалась возвращения парней.

— А чё так быстро? — не могла не сострить. — Ну вы и скорострелы.

Вернувшись к себе, Милочка убедилась, что две другие девушки крепко спят, и осмотрела улов. Сто сорок рублей мелочью и... тамагочи? В темноте она приняла его за стильный брелок для ключей, потому и схватила. Деньги без зазрения совести прогуляла в ближайшем же увольнении, а пластиковое яйцо выбросила в окно. Даже если найдут — не страшно.

После кадетского корпуса Милочка с легкостью поступила на филфак. Выровненная по нитке казарма в одночасье сменилась шумной безалаберной общагой. Время утратило цвет и обрело все цвета. Милочка наслаждалась новой жизнью. Она тусила по впискам, целовалась на лестницах, пела песни до утра, а утром бахала ацетонового энергетика и шла на лекции. Универ ничему не учит — и в то же время учит всему, думала Милочка. Здесь в тебя пытаются впихнуть тонны ненужной информации, и единственная твоя задача — заставить препода поверить, что ему это удалось. В то же время за пять лет на филфаке Милочка обросла связями и знакомствами, научилась подавать себя и одним взглядом разоблачать других, поняла, когда улыбаться и когда смотреть волком, когда говорить и когда кричать. Со временем именно эти умения и связи привели Милочку к Гаврилину, который для проформы взял ее на ставку пиарщика, а на деле — специалистом по решению любых вопросов.

Все пять лет в университете Милочка воровала. Деньги, часы, какие-то безделушки у друзей, мелкую канцелярию и шоколадки в магазинах. Украла анодированный зажим для галстука у молоденького замдекана, с которым переспала из любопытства. Украла миниатюрный томик Бальмонта с выставки редких книг в библиотеке. Украла мобильник у соседки по комнате — та подумала, что его отнес скупщику ее тогдашний парень-наркоман. У этих поступков не было цели, злого умысла: срабатывал какой-то глубинный рефлекс, от адреналина туманилось зрение, дрожали ноги, колотилось сердце. А потом приходил стыд. Милочка до дрожи боялась, что ее раскроют, и тогда все. От нее отвернутся, она перестанет быть всеобщей любимицей. Поэтому она никогда не пыталась вернуть украденное, а душливное чувство вины глушила всем, что только могла себе позволить.

* * *

Гаврилин пригласил всех встречать Новый год у него в особняке. Его жена настояла на дурацком правиле: гости должны до полуночи носить маски.

— Я понимаю, бред, — искренне извинялся Гаврилин. — Но раз жена просит, вы уж организуйте себе маски, ладно? Это только до полуночи, пока легкий фуршет, общение, все дела. А как встретим Новый год — сразу маски долой и загудим по-настоящему, как в молодости!

— В молодости он поспорил на ящик пива, что переспит с близняшками, — доверительно сообщила Милочке Алена Андреевна. — В итоге проводил их до дома, струсил и ушел. Рассказывал потом, что они не в его вкусе. Но пиво все-таки выставил. Хороший мужик. Честный.

Вечером тридцать первого Митенька увез Ксению к бабушке, после чего супруги отправились к Гаврилину на такси.

— Я планирую нарезать, Дмитрий Викторович, — заявила Милочка.

— Симметрично, Людмила Александровна, — спокойно и уверенно ответил муж.

Два дня до этого Милочка с энтузиазмом мастерила удобные легкие полумаски. В итоге Митеньке достался белый пес с крупным черным носом, а себе Милочка сделала синицу с пухлыми желтыми щечками и не вполне каноничным хохолком голубых перьев.

Особняк Гаврилина, расцвеченный прожекторами и гирляндами, поражал воображение. Гостей собралось человек сорок. Все, как положено, в масках. Милочка с гордостью отметила, что самодельные только у них с мужем — остальные ограничились визитом в «Детский мир». Играл приятный блюз, гости фланировали по комнатам первого этажа, любовались видом на ледяное озеро и беседовали, старательно притворяясь, будто не узнают друг друга. Милочка быстро потеряла мужа из виду, взяла с подноса бокал и принялась ходить меж гостей. Она обворожительно улыбалась и собирала обрывки историй, большую часть которых знала и так.

Медведь спит с зайчихой, тупая лошадь все еще ничего не замечает.

Осел назначен советником губернатора по вопросам молодежной политики и патриотического воспитания. Женился на своей любимой стриптизерше. Она, кстати, уже поглядывает налево.

У ежа жена сейчас в следственном изоляторе. Фокус в том, что фирма, через которую он сливал бабки в офшор, записана на нее.

Волк собрал почти тридцать миллионов на лечение мертвых детей. Дети давно умерли без операции, а люди все несут и несут деньги на их лечение: реклама в каждом переходе отлично работает, хоть и стоит недорого.

Лиса собирается сдать волка ментам, потому что он перестал с ней делиться.

Кошка трахается с белым псом, а синичке настолько плевать на мужа, что...

Что?

Что?!

Зазвонил телефон. Гера. Милочка, как была в вечернем платье, побежала на крыльцо.

— Привет.

— Привет.

— Ты знаешь, — Гера говорил глухо, будто нехотя, — я много думал в последнее время...

«По льду угловатой змеей поползла белая трещина».

— Да, да, говори, я слушаю. — Голос Милочки дрожал от холода и чувства бессилия перед бедой.

Это, наверное, последнее, что видишь перед автокатастрофой. Вот на тебя несется фура, и ничего уже не поделать. Милочка слишком хорошо знала, какие разговоры начинаются так. Внутри у нее уже орудовал страшный ржавый серп. Он рассекал прозрачные звенящие нити, рубил в кашу все, до чего мог дотянуться, упивался горячей кровью.

— Я много думал... о нас с тобой. И... Я должен сказать, что так больше продолжаться не может. То, что мы делаем, — это неправильно.

Милочка готова была завывать так, что ей разом откликнутся все собаки на десять километров вокруг. Но вместо этого она сказала:

— Так. И что ты предлагаешь?

— Выходи за меня, — просто сказал Гера. — Я люблю тебя и постараюсь стать Ксении хорошим отцом.

— Ты. Ты. Ты дурак? — крикнула Милочка пронзительным фальцетом, и у ворот тут же залаяла овчарка. — Ты охренел вконец, дорогой мой, любимый Геренька! Кто же делает предложение по телефону? Кто, ну?

— Я делаю. Ну так чё?

— Через плечо, — снова крикнула Милочка. — Да, о господи, ну конечно, да!

Оказалось, что Гера в Калининграде до середины января, навещает родителей и деда. Вернется — и все завертится. Мужу Милочка решила пока ничего не сообщать. Она достала зеркальце, проверила макияж, приподняв маску. Все оказалось в порядке, просто чудо, а не тушь. Стоя на крыльце, она торопливо выкурила сигарету и, чуть успокоившись, вернулась в дом. Здесь все было по-прежнему, только сплетни пошли какие-то странные, таких Милочка раньше не слышала.

Синичка крутит задом перед медведем. Ладно, лошадь тупая, но зайчиха-то как же?

Синичка изменяет мужу с каким-то малолетним альфонсом. Ну, там оба хороши.

Синичка ворует деньги. У своих.

Синичка украла пять тысяч у осла из бардачка его лексуса.

Синичка украла две тысячи у зайчихи в ресторане. Зайчиха все отрицает, но мы-то знаем!

Синичка украла три тысячи у обезьяны в том баре.

Синичка украла четыре тысячи у кошки на корпоративе, прямо в сумку залезла.

Синичка ворует деньги. У своих.

К Милочке подошел муж.

— Где ты была? О чем они все говорят? Что за дичь про воровство? Что за малолетний альфонс? Люда?

Она легонько оттолкнула его. «По льду угловатой змеей поползла белая трещина».

— Я не Люда. Я синичка. Синичка, понял?

И прежде чем он успел отреагировать, она накинула на плечи шубку и выбежала на улицу. Пробежав через мощный плиткой внутренний дворик, она нырнула в тенистую аллею-коридор, образованную высокими ползучими сплетенными кустами. Коридор привел ее к озеру. Тут на деревянных сходнях лежали в ряд коньки, наколенники и все необходимое. Видимо, Гаврилин планировал устроить массовое катание. Милочка нашла коньки своего размера и без труда надела их. Она выехала на лед, попеременно отталкиваясь ногами, набрала приличную скорость. Из дома к ней никто не шел. Из дома ее никто не звал. Где-то в Калининграде Гера гулял по берегу моря, далекий, как любая абстракция. Строил, наверное, домики на песке. А здесь стояла ночь, тихая, безветренная. Только фонари подсветки чуть слышно гудели на столбах. Милочка направилась к центру озера и услышала хруст. По льду угловатой змеей поползла белая трещина.

На противоположном берегу стояли папа и мама. Папа высокий, статный, в красивой форменной куртке и шапке с кокардой. Мама радостная, румяная и живая, как никогда после. Между папой и мамой было пустое место. Место, оставшееся после. Место, предназначенное для.

— Милочка, пора домой! — позвала мама.

— Не торопись, — добавил папа, сложив руки рупором. — Не спеши, спокойно давай.

— Мама, папа, я иду-у! — крикнула Милочка и ускорила бег.

Сухой хруст под ногами усилился, трещина-змея распалась на десяток змей.

«Я доберусь, я буду счастливой, обязательно, — думала Милочка. — Только крепок ли лед? Крепок ли лед?»

Иван ВАСИЛЬЦОВ

ШАТКИЕ СВЕТЫ ВЕСНЫ

* * *

Все — чужое. Свое только горе.
Все одолжено, взято займы.
Даже капля свободы — у моря.
Даже мысль — у дубовой коры.

Ты цветы узнавать разучился,
Ты лесные приметы забыл.
И с лучиной реки разлучился.
И свой дом деревянный забил.

А вокруг были только родные,
Их сочувствие, их тишина,
Их упрямые корни земные,
Их небесные имена.

* * *

Бывает даже вечер вечен.
Как тень, растянута минута.
Бывает, синие качели
В одну лишь сторону летят.
Вскипая, медлят самовары,
Степенные гуляют пары,
Веселые сердца скворечен
На волю выпорхнуть хотят.

Весной, бывает, жизнь мелькает
И капель по веслу стекает.
Бывает, своду небосвода
Покоя лодки не дают.

Смеется ветер-перевозчик,
Как будто неба переводчик,
На небе слов не произносят,
На небе плачут и поют.

* * *

Перед Пасхой каждый год —
Это в детстве было —
Посреди иных забот
Мама окна мыла.

Что там «быть или не быть» —
Разве в этом дело?
Окна мыть или не мыть —
Вот вопрос предела!

Смотрим мы на белый свет,
Как из дому выйдем,
Вдруг в окошко прошлых лет
Главное увидим?..

Получил из детства я
Нынче телеграмму
На обрывке букваря:
«Мама мыла раму».

* * *

Закончены зимние песни мои.
Довольно снега нагрели.
Весеннее небо золотошвей
Насквозь наконец-то прошили.

И там, на пригорке, где сердцу тепло,
Земля получила где роздых,
Как будто бы переливаясь в стекло,
Струющийся плавится воздух.

И вдруг я подумал о ранней листве,
Которую поздно увижу.

И вдруг я подумал о дальнем родстве,
Которое близкого — ближе.

Сильна меж людьми непонятная связь,
Когда ты не знаешь кого-то
И ниточки нет, чтобы оборвалась,
А есть только след самолета...

Зачем я подумал о ранней листве,
Которая раньше и раньше?
Зачем я подумал о дальнем родстве,
Которое дальше и дальше?

Зачем я остался на этой войне?
Зачем эти лица остались во мне?..

Оно и понятно — седьмая вода,
Не греет давно душегрейка.
А все-таки хочется хоть иногда:
«Родная, — сказать, — черношвейка».

* * *

Надоела война.
И миры — надоели.
Ты родился едва,
А тебя уже съели.

Увядает цветок
Красоты Нефертити,
Умирает белок
На холодной орбите.

Починили реле,
Подсветили эпоху.
— Есть ли жизнь на земле?! —
Крикнешь чертополоху.

Но колюче молчит
Тень травы окаянной...
В небе осень влачит
Свой хрусталик стеклянный.

* * *

Кто там тревожит титанов,
Рушит их тучные сны?
Это штативы каштанов,
Шаткие светы весны.

Что там за мошки роятся,
Дым оморочить хотят?
Крыши покоя боятся,
Сверху посмотришь — летят.

Ветер живет, умирает.
Гром тишиной говорит.
Облако силой играет,
Краем крошечным горит.

Больше не надо бояться
Неподметенной весны.
Дворнику Нестору снятся
Местные пыльные сны.

Все, кто теперь уже в Лете
(Лето, а в нем — никого), —
Белоголовые дети,
Бедные дети Его.

*Межрегиональное совещание
авторов Сибири и Дальнего Востока*

Ирина КУШНИР

ВРЕМЯ ЛЕТАТЬ

Р а с с к а з

Жители панельного дома на окраине рабочего поселка уже неделю обсуждали неслыханные события: летает над крышами ангел с белыми волосами.

Старухи крестились: одни говорили — не к добру, а другие радовались, что Боженька не забыл о них и послал ангела. Мужики соображали, как поставить решетки на чердачные окна или смастерить ловушку для летуна. Мальчишки обещали сбить его и тренировались в меткости на голубях прошлогодней картошкой и камнями. Активистки женского клуба «Очарование» с возмущением пресекали это варварство и мечтали зазвать ангела на чаепитие.

Соседи приглашали Марину обсудить новые подробности, но она всегда отказывалась и торопилась домой. Одни обвиняли ее в гордости, глядя в спину, другие заступались: мол, кому-то ангел в небе, а кому-то «утка» под кроватью. И шелестел шепоток, как листья на ветру:

- Давно сдала бы в дом престарелых...
- Ага! Такую пенсию государству отдавать!
- Так мучиться? Да никаких денег не надо!
- Хотя на работе отдыхает.
- Хорошенький отдых — из вагонов почту разгружать!
- Да ладно вам! Святой крест — за матерью ухаживать. Только не каждый выдюжит.
- У моей мамы поговорка была: «Самое тяжелое — добеливать за печкой и докармливать старого».
- Я и говорю, молодец девка! И Генка помогает...
- Да Генка ждет не дождется, когда все это кончится. Мне Петька говорил...
- Да знаем мы твоего Петьку...

Марина развешивала на балконе простыни, поглядывала на размытую весенними дождями синь неба, провожала взглядом шумных стрижей и думала, что насчет ангела — это пустые разговоры. Белье на ветру развевалось, вот и приняли за крылья небесного посланника. А ей даже подумать некогда о Боге с этими ежедневными заботами. Не до чудес, хоть бы радости чуть-чуть, тогда можно и вздохнуть облегченно: «Слава тебе господи!»

Последние два года, с тех пор как устроилась в сортировочный центр, Марина мечтала просто выспаться.

Рабочие сутки сегодня выдались тяжелые. Опять сломалась лента транспортера и все посылки и бандероли пришлось таскать в руках.

Утром после смены нудно моросил дождь. Погода под стать настроению. Марина раскрыла старенький зонт, он трепыхнулся от ветра и наполовину провис. Туфли, успевшие было высохнуть на батарее в бытовке, тут же снова промокли, и она брела по лужам, не разбирая дороги. Дождевые струйки с зонта стекали на шею и плечи. Марина вздыхала и изо всех сил старалась не расплакаться.

Наконец подъехал автобус. Она зашла в салон последней, и ей даже удалось сесть. У окна пригелась и задремала. На остановках ветер собачонкой залетал по ступенькам с пассажирами и охлаждал прилипшие к ногам брюки.

Так не хотелось открывать глаза! Полусонная, Марина вышла на конечной остановке. Боясь поскользнуться, тихонько ступала по раскисшей земле, усыпанной лепестками черемухи.

На пустыре ветер расшалился — то вырывал зонт из рук, то выворачивал наизнанку. Провисшие клинья шумно хлопали над головой, будто крылья большой птицы.

Какая удача, что непогода разогнала праздных болтунов у подъезда! Не было сил и желания разговаривать...

Анна Ивановна проснулась от негромкого шума на кухне и аромата жареной картошки. Зять Гена готовил ее исключительно — резал крупными брусками, потом вываливал на полотенце. В это время сало с мясной прослойкой выгибалось на сковороде, плевалось жиром, покрываясь в томлении хрустящей позолотой. И лука — сколько же он режет лука, с ума сойти — две головки!

Старушке захотелось встать, прямо со сковородки подцепить вилкой румяный ломтик сала и, обжигаясь, пожевать. А потом хлебной горбушкой выловить обжаренный лук, припудренный молотым черным перцем...

Будто ливень зашумел — это Генка картошку помешивает.

Она проглотила вязкую слюну, живот заурчал, требуя завтрака.

«Уж до чего зять бестолковый и некультурный, а готовит вкусно! Лучше, чем я, что там говорить. Только картошки этой я не увижу — доча с работы придет голодная. А мне снова овсянка...» — Анна Ивановна отвернулась к стене и укрылась одеялом с головой.

Марина открыла дверь своим ключом, плюхнулась на банкетку, сняла туфли и мокрые носки с озябших ног.

— Пришла уже? — выглянул в коридор ее муж, со смаком облизывая ложку. — Вся вымокла! Опять зонт сломался?

— Да, — кивнула устало. — Ген, уже на первом этаже твоей картошкой пахнет.

— Ну дак!

— А что,пельменей не осталось?

— Не осталось, — буркнул Гена, вернувшись в кухню и подбирая пальцами ломти картошки на плите. — Мамочке спасибо скажи.

— Что такое? — вяло поинтересовалась Марина.

— Опять холодильник выключила.

— Что значит «опять»?

— То и значит. Говорил тебе, что она ходит. И шкодит к тому же! Ты ж не веришь.

— Ладно тебе. Покорми меня. Устала, как не знаю кто... Руки по мою.

Только прошла не в ванную, а в мамину комнату.

Анна Ивановна закрыла глаза и затаила дыхание.

Марина постояла у порога, заметила тарелку с подсохшими пельменями. Закрыла дверь и на кухне попрекнула мужа:

— Ты ей слипшиеся пельмени сварил?

— А что? — Гена невозмутимо заваривал чай. — Сама разморозила.

Пусть ест, что дают.

— Ну ты совсем! Она не могла.

— Так давай камеру поставим! — вспылил муж, покрываясь красными пятнами.

Его рука дрогнула, и горячие ломти жареной картошки скатились с тарелки на скатерть и чуть не угодили Марине на колени.

— А я при чем? — вскочила она. — Швыряешь, как собаке!

— Да я нечаянно! — вслед обиженной жене выкрикнул Гена.

Коротко ругнулся, сел за стол, ожесточенно тыкая вилкой в картошку. Не доел, бросил вилку и пробурчал:

— Так, приплыли! Утро добрым не бывает.

Анна Ивановна дотянулась до стакана с водой на тумбочке, отпила чуть-чуть, и голодная боль в желудке немного утихла.

«Теперь и каши не дождешься», — подумала она, потирая больное колено.

Гена толкнул дверь в спальню и извинился:

— Говорю, нечаянно. Иди поешь.

Марина, втирая крем, массировала кисти рук.

— Не хочю. — И отвернулась.

— Ну чего ты начинаешь?

— Я начинаю? Я вообще молчу.

— Ох, характер мамочкин!.. Я в гараж.

И Гена ушел, хлопнув дверью.

Марина встала и прошла в комнату к маме. Тихонько села в ногах ее постели.

— Мам, знаю, что не спишь. Не накрывайся с головой, душно. Значит, тебе уже лучше?

Анна Ивановна открыла глаза, убрала со лба седую прядку.

— Мам, зачем ты холодильник отключила?

— Да я... Да он... тарахтит и бьется об стенку, будто стучит кто.

— И чайник сожгла. Ты чаю хотела?

— Да. Горяченького... Проснулась и так озябла!

— А воду-то почему не выключила?

— А она бежит и бежит, холодная и холодная...

— Мама, прошу тебя, не ходи, когда ты одна. Меня дождись.

Анна Ивановна попрекнула:

— Когда надо, тебя нет. Когда к Толе поедем?

— Мне до отпуска осталось три недели, и сразу поедем.

— Не могу ждать, — судорожно всхлипнула старушка и провела скомканным платком по щеке, будто смахнула слезу.

— Что поделаешь, надо. И нога как раз заживет. — Марина приобняла мать, но та отмахнулась:

— Третий год обещаешь.

Марина ссутулилась, вытянула ноги:

— И все же не ходи... Босиком не ходи. Хоть бы носочки надевала.

— Давят.

— Кто давит? — не поняла Марина.

— Носки давят. Резинки тугие.

Марина вздохнула:

— Другие дам. Тебе картошечки принести?

— Генка твой жарил? Не хочу. Ты пожарь.

— Мам, ну что ты? Поешь. А я посплю. Потом вареников налеплю.

С чем хочешь — с творогом или картошкой?

— С вишней.

— Нету. Надо в магазин идти.

Анна Ивановна дернула одеяло из-под Марины, сгоняя ее с постели, накрылась с головой и отвернулась к стене.

— Ну мам!

— Иди спи, — хрипло буркнула старушка и, услышав всхлипы в спальне, подумала: «А чего плакать? Сразу сказала — намаешься с этим лоботрясом. Так нет — любовь, любовь! Ох, доча...»

С новой силой заурчало в желудке, она покосилась на пельмени и вздохнула. В голове зашумело, ноги снова свело судорогой, как в недавнем сне, и вспотели ладони.

«К чему сон, когда летаешь? Это молодым снится — еще растут, а мне к земле уже расти положено».

На обед Анна Ивановна за обе щеки уплетала вареники с вишней. Внук Ванюшка сидел рядом за журнальным столиком и старательно облизывал тарелку.

— Ванюш, тебе еще? Возьми-ка у меня.

— Не, бабуль, я объелся.

— И я тоже. Говорят же, глаза не сыты.

— Это как, ба?

— Вроде наелся, а глазки смотрят — еще бы поели. А знаешь, что в варениках самое вкусное? — прищурилась Анна Ивановна.

— Вишня?

— Сметанка с соком и сахарком! — И по примеру внука тоже облизала тарелку.

Они засмеялись, Ванюшка подошел и полотенцем вытер пятна сока на рукаве ее сорочки.

— Ой! Рот дырявый! Мамка-то твоя заругает! — притворно заохала бабушка.

— Не заругает, — уверил Ванюша.

Понес тарелки на кухню и сказал маме:

— Смотри, даже мыть не надо. А баба смешная — варениками измазалась.

Марина зашла в комнату, увидела, как мама затирает пятно, и улыбнулась: а на щеке-то не заметила!

— Давай переоденемся.

— Доча, а я вспомнила!

— Что вспомнила?

— Как вкусно облизывать тарелку.

— Да ты ж моя... Стой-ка, не ту руку. Тихонько, тесемку-то не развязали.

Помогая маме одеться, заметила, что в волосах у той вата запуталась. Нет, не вата...

— Ты чего там нашла?

— Мама, это черемуха. Ванюшка принес?

— Не помню.

В ванной Марина замочила в тазу сорочку. Подозвала сына:

— Ванюшка, иди сюда! Ты черемуху домой не носи, а то у бабушки голова разболится.

— А я и не носил!

— А откуда тогда она взялась?

Сын пожал плечами:

— Не знаю.

«Неужели мама сама сорвала?» — изумилась она.

Потом открыла окно в маминей комнате и попыталась дотянуться до веток дерева.

«Вполне могла! Ванюшка бы не догадался. А если бы не удержалась? Вот отчаянная!» — вздохнула Марина, потуже задвинула шпингалет и, не дожидаясь мужа, вбила гвоздь в подоконник.

Анна Ивановна не любила выходные. Зять вставал рано, включал радио на кухне и телевизор в спальне. И ведь при нем не встанешь, не сделаешь потише. Вот и сейчас — и радио, и телевизор. И сам расселся в прихожей на шаткой скамеечке, очки напялил. Ей из комнаты все видно. Чинит зонт Маринкин. Лучше бы новый купил! Чуть склонится — скамейка под ним стонет. И песню-то все одну под нос бубнит: «Любо, братцы, любо...» Прикрутит гаечку: «Любо, братцы, жить...» Плоскогубцами сдавит: «С нашим атаманом...»

Ванюшка присел рядом на корточки и заглядывает. Интересно ему.

Вот Генка закрыл зонт. Открыл. Вроде держится. «Не приходится тужить...»

— Пап, ангел — перелетная птица или зимующая?

— Чего?

Скамейка под отцом удивленно скрипнула.

— Улетает в жаркие страны или остается зимовать?

— Ты где про такую птицу слышал?

Ванюшка смотрел, как отец убирает плоскогубцы в чехол. Смутился:

— Все говорят. Что прилетел и где-то на чердаке прячется...

— «Говорят», — передразнил Гена. — А ты слушай больше!

Ангел — это не птица.

— А кто?

— Это... Повесь-ка мамин зонт. Это... ну, дух такой.

— Дух?

— Ну как тебе сказать... — Отец отверткой почесал затылок. —

Посланник. Он у Бога вроде слуги. Отправит его Бог — он и летит по поручению... Но это все сказки.

— А Бог — кто?

— Ты давай-ка не забивай ерундой голову! Собирайся в гараж.

Поможешь.

— Пап, а Сашка просил мяч подкачать!

— Вот и пойдем. И мяч подкачаем.

Когда за ними захлопнулась входная дверь, Анна Ивановна задумалась, как бы понятно рассказать внуку про Бога и ангелов. И улыбнулась, вспомнив его вопрос: «Ангел какая птица — перелетная или зимующая?»

Днем Марина задремала и проснулась оттого, что Гена на кухне отчитывал Ванюшку. Вроде негромко, но она отчетливо слышала каждое слово.

— Я не брехло, — говорил сын.

— Но ты мог убрать за собой?

— Я не видел.

— Как ты не видел, если рассыпал?! Еще раз спрашиваю — ты рассыпал?

— Я.

— Почему не убрал?

— Забыл.

Гена вздохнул:

— Марш за веником и совком.

И, наблюдая за сыном, спросил:

— Во что играл-то?

— В бомбежку, — буркнул Ванюшка.

— А на улице можно играть в бомбежку?

— Можно, — хмуро ответил сын.

— Так зачем цветок потрошить?

Ванюшка молчал и никак не мог замести землю на совок пушистым веником.

— Так, чтоб ни одной соринки не пропустил! Увижу — пол помоешь. Ясно?

— Ясно.

Резко зазвонил Маринин телефон, оставленный в прихожей. Гена взял его с тумбочки и поспешил на кухню.

— Слушаю... Спит. Что хотела?.. Нормально. Ближе к делу... Лучше не бывает! Тоже спит. Всё?

— Гена! — позвала из спальни Марина. — Кто это?

— На. — Он принес и протянул ей телефон. — Сестрица твоя.

— Танюш, привет... Да, только встала. А ты чего не спишь? У вас же ночь.

— Не могу уснуть, — пожаловалась двоюродная сестра.

— С дядей Толей что-то? Заболел?

— Да нет, с папой все нормально... Тут чё было! — затараторила Таня. — Генке не стала рассказывать — подумает, что мне с похмелья показалось. А мне не показалось!

— Да говори уже.

— Сплю. Слышу, у папы голоса, смех. Захожу — и чуть глаз не выпал! Тетя Аня сидит на стульчике и с папой мило беседует!

— Какая тетя Аня? Малькова?

— Да мама твоя! Встает такая, целует папку — мол, вот и свиделись, братишка. Я свет включила — а ее и нет... Ну, думаю, умерла, наверное. Проститься приходила.

— Что за мысли — умерла! Я бы тебе сразу позвонила.

— А что еще я могла подумать? Она ж в белой ночнушке, как призрак. Папка довольный, говорит, сто лет не виделись. Оба ведь неходячие. Я спрашиваю: «Куда тетя Аня-то делась?» Он на окно показывает, а там шторка колышется. Вот и думай, что мы с ним враз рехнулись! Звоню тебе — Генка говорит, все нормально, спит мама... Сходи-ка проверь — может, вечным сном?

— Тьфу ты, Танька!

— Иди и посмотри! Скажешь мне. Жду.

Марина закатила глаза и вздохнула, но встала и пошла к маме.

По ногам потянуло сквозняком. «Так рама же заколочена!» Марина отдернула шторку — из приоткрытой форточки веяло утренней свежестью: дождем и цветущей черемухой.

Анна Ивановна зашевелилась, кутаясь в одеяло:

— Как же холодно!

Марина закрыла форточку и облегченно выдохнула. Что-то кому-то покажется — всех взбаламутят.

— Доча, укрой меня! Озябла, согреться не могу.

Марина достала плед и укрыла маму.

— Знобит? Неужто заболела?

— Просто замерзла.

Марина подоткнула простыню под матрац и снова заметила лепестки черемухи в маминых волосах. Лепестки были свежими, не вялыми.

«Опять вставала! Зачем? Ведь не душно. Но как через форточку дотянулась до дерева? Это ж какую обезьянью ловкость надо иметь, прости господи!»

Старушкины ступни были как ледышки, и на них налипли белые лепестки. Марина натянула маме теплые носки с растянутой резинкой — если это и сон, то очень реалистичный! — и спросила:

— Мам, расскажи, как у брата погостила.

— Хорошо погостила, — зевая, пробормотала Анна Ивановна, — устала только. Две тыщи верст! Без остановок. Ни согреться, ни чаю горячего...

Марина послушала и решила, что мама бредит.

Сестра изнемогала от нетерпения:

— Ну что, Марин? Чего так долго?

— Знобит ее. Надо температуру померить. Приснилось тебе. Или показалось.

— Никто не верит! Что вы дуру из меня делаете? — рассердилась Таня и отключилась.

Гена увлеченно копался в ящике для инструментов. Спросил:

— Чего Танька звонила?

— Спрашивала, как мама.

— С чего это вдруг?

— Да ей приснилось, будто мама у них гостила.

Гена с досадой бросил болтик и сказал:

— Матери не обещай, что к ним повезешь. Я тебе помогать не буду — таскать ее в инвалидном кресле по поездкам.

— Да она уже не просится.

— Раздумала или забыла?

Марина в ответ только пожала плечами.

Ванюшка еще со вчерашнего дня знал, кто на самом деле этот ангел, но поделиться секретом не мог ни с кем, даже с родителями.

Они опять ругались на кухне. Мама убирала посуду со стола, а папа швырял в деревянный ящик инструменты. Он с такой силой затягивал кран, что сорвал резьбу, и вода хлестала во все стороны. Теперь приходилось чинить.

— Ее давно пора в дурку сдать! — кричал отец.

— Свою и сдай! А мою не трожь! — огрызалась мама.
 — Вот и смотри тогда за ней!
 — Может, мне уволиться?
 — Ага, щас! Набрала кредитов — и уволиться!
 — Не тебе ли на двигатель половина ушла?
 — Не твоей ли мамочке на операцию? Давай, вали с больной головы на здоровую!

— Сам больной!

Ванюшка подошел к бабушке, обнял и тихо спросил:

— Ба, а что такое дурка?
 — Больница, там лечат.
 — Тебя сдадут, а ты прилети! Я окошко открою.
 — Ладно.

Сквозняк раздувал шторку, и кружевные тени в свете уличного фонаря трепыхались на полу сонными рыбками.

Анна Ивановна спохватилась и спросила:

— С чего ты взял, что я летаю?
 — Я понес тебе пирог, а ты залетаешь. Я стул к окну подвинул. Забыла?

— А... ну да.

— Ты только говори, когда полетишь! Я плитку выключу и кран закрою. Папа опять кричал, что ты чайник сожгла и соседей затопила.

— Ванюш... А я ведь и не знаю когда.
 — Папа догадается — капец будет.
 — Капец?

— Он про тебя в гараже дяде Пете и дяде Васе рассказывал. Матерился.

Бабушка вздохнула.

— Ба, ты тихонько летай, чтоб никто не видел. Тебя словить хотят.
 — Ванька! — Отец заглянул в комнату тещи. — Ты чего здесь?

Марш в кровать!

Анна Ивановна опять вздохнула, закрыла глаза. Веки ее дрожали.

Показалось, только заснула, как внук разбудил:

— Ба! Я дома!

Увидев его в школьной форме, удивилась:

— Отучился?
 — Да. Ты сегодня летала?
 — Не знаю. Иди поцелую, — потянулась к нему.

Поцеловала макушку, лоб и шею возле уха.

— Щекотно! Ба, ну расскажи мне!.. А почему ты в сорочке летаешь?

Ты ангел?

Бабушка улыбнулась.

— А я вырасту — буду летать?

— Не знаю.

— Ну вот! — обиделся мальчик. — Я от самой школы бежал, чтоб ты рассказала, а ты не знаешь!

— Ванюш, вернись! — позвала бабушка. — Сядь... Поближе. Не сердись. Устала я лежать и болеть. И так захотелось мне с братом повидаваться, взяла бы и полетела! А потом... голова так сильно закружилась — и уже лечу! Даже не помню, как окно открывала.

— Да? — округлил глаза внук. — А ты крыльями машешь или руками?

— Не помню, — замялась Анна Ивановна. — Как-то я решила стрижей обогнать. Ох, как вспомню, сердце аж выскакивает!

— Страшно?

— Да! Теперь я только вверх смотрю. А один раз, — хохотнула она, села в кровати и обняла колени, — прямо в облако врезалась.

— Вот это да! — восхищенно прошептал Ванюшка. — И как?

— Ну... будто вата. Походила — мягонькое, ноги так и проваливаются. Прохладное, я озябла даже... Завтра домой летаю.

— Куда домой? Тут же дом, — удивился мальчик.

— В деревню, где родилась. На вишне посижу.

— А не заругают?

— Кто? Хозяева? Не знаю. Заругают — улечу. Я теперь куда хочешь могу.

— Ба! Возьми меня с собой!

— Давай! Только надо не смотреть вниз и крепко-крепко держаться друг за друга.

— Буду держаться! А когда? Сегодня?

— Кто ж знает? Расписания-то нет. Как придет время, так и полетим... Иди покушай, — вспомнила Анна Ивановна, — и тетрадки носи, уроки поучим.

— Я быстро!

Наскоро пообедав, Ванюша разложил учебники на журнальном столике и все поглядывал на бабушку: мол, ну что — скоро, нет?

Вечером с работы пришел Гена. Почесывая живот, заглянул в холодильник, потом открыл морозилку. А там — весна, капель! Котлеты раскисли, и пельмени слиплись в один ком. Он коротко ругнулся и пошел к теще. Видит — она с внуком над книжкой склонилась.

— Нехило устроилась, смотрю! От тебя убытки на каждом шагу, еще и слова не скажи — заступаются... Все окна нараспашку! Кто открывал? А цветок Маринкин кто раздербанил? Клад искала? Внук на себя вину берет. Думаешь, я не замечаю ничего?

— Папа! — строго сказал Ванюшка, сдвинув белесые бровки. — Не кричи на бабушку!

— А то чё?

— Улетим и не вернемся!

— Давай-давай! На чем это, интересно?

Теща отвернулась и вздохнула.

— Ты иди уроки делай!

— Сделал уже, — насупился сын.

— Марш в комнату!

— Ну пап...

— Иди, сказал! Нечего тут... дышать. Мяч во дворе попинай! «Улетим»... — хмыкнул Гена.

Вернулся на кухню, пожарил два яйца, разрезал огурец вдоль. Только хотел опрокинуть стопочку, раздался плач сына:

— Папа, папа! Она улетела!

— Чего? — рванул в комнату тещи.

Ванюшка стоял на стуле у окна и размазывал слезы по щекам. Старухи в комнате не было.

— Ох ты ж!

Гена дернул на себя раму раз, другой... Гвоздь, вбитый Мариной, не выдержал.

Гена перегнулся через подоконник, но тела в длинной белой сорочке на земле не увидел.

— Чё ты гонишь?! Где бабка?

— У-улетела, — хныкал мальчик, — без меня... Все из-за тебя!

Он дернул плечом, сбрасывая руку отца, побежал в детскую и упал на кровать, всхлипывая.

— Дурдом!

Гена выскочил во двор, переполошив соседей.

Над ним посмеивались: мол, прокараулил тещеньку. Не про нее ли слух идет? Не она ли полетывает втихушку?

— Ага, — отозвался Гена нервным смешком. — Если моя теща ангел, то я папа римский!

А когда вернулся, она сидела на смятой постели и расчесывала влажные волосы.

— Ты где была?

Анна Ивановна молча наматывала на палец волосы с расчески.

— Да я... наручниками тебя пристегну, чтоб не шастала! Чего лыбишься, не веришь? Ну ты достала!

Гена в прихожей долго не мог обуться. Бурчал, мол, сколько можно терпеть эти выходки. Вышел из квартиры, звякнув ключами от гаража.

Подошел Ванюшка, прислонился к косяку и обиженно произнес:

— А чего ты меня не взяла? Обещала...

— Не успела! Все так быстро произошло.

— Я с тобой не играю.

— Ванюш!

Долго бабушка звала внука, а он стоял у окна, заткнув пальцами уши, и смотрел на серые облака с розовым отсветом заходящего солнца.

А утром... утром было воскресенье. Пришла со смены мама, зашла к бабушке поздороваться — и заголосила. Ванюшка и отец бросились к ней.

Бабушка улыбалась во сне. Отчего же мама кричит?

Отец облегченно выдохнул, а Ванюшка сказал:

— Мам, не плачь! Она проснется и домой полетит.

Мама вздрогнула:

— Куда?

— Домой. В деревню, где родилась. И меня с собой возьмет. Мы на вишне посидим.

Мама глухо зарыдала, прижав к лицу бабушкино полотенце.

— Дурдом, — буркнул отец и вышел из комнаты.

Прошло пять дней. Марина проснулась среди ночи от невнятного бормотания. Встала, прошла в детскую.

Вспотевший Ванюшка барахтался в одеяле, еще немного — и слетит с кровати.

— Сыночек, что такое? Тихо-тихо, засыпай...

— Чего это он? — замаячил у дверей заспанный Гена.

— Приснилось что-то.

— Говорил, не надо брать на похороны.

Марина не ответила, прилегла рядом с сыном, обняла его.

Утром после завтрака Ванюшка не захотел идти с отцом в гараж и до обеда рисовал в постели.

— Сыночка, сходи погуляй, — попросила Марина, надевая на него чистую рубашку.

— Нет, устал.

— От чего? Спать устал? — улыбнулась Марина.

— Летать.

— Расскажи мне сон.

— Я взаправду летал, с бабой.

— Это трудно — летать?

— Конечно! Но я сильный. Ни разу бабу не отпустил. Если не смотреть вниз, то и не страшно. Только холодно.

— А что бабушка во сне говорила?

— Да не во сне, мама! Ничего не говорила. Смеялась, когда я весь в облаке извивался.

— Извивался?

— Да. Мы разогнались — и прямо в облако как врезались!

— Наверное, оно очень мягкое, — мечтательно произнесла Марина.

— Я возьму тебя с собой. Потом. Когда хорошо научусь.

Марина посмотрела на сына и отчего-то поверила, что и мама летала, и внука научила, и оказывается, это так обыкновенно — летать.

Из гаража пришел Гена и удивился:

— А чего это вы в постелях днем? Ванька, вставай! Дядя Петя велик отдал. Починишь — твой будет.

— А если летать на велике? — задумался Ванюшка.

— Не надо летать, катайся и соблюдай правила движения.

Ванюшка, будто не слыша, засмеялся:

— Не, я пока боюсь. А, придумал! Ногами педалить буду, а руками за вас держаться!

- Не понял, ты кататься разучился?
 - Да нет, папа! Когда летаешь, надо крепко держаться за руки.
 - Это ты чё придумал — с парашютом на велике прыгнуть?
 - И так можно! — согласился Ванюшка.
 - Ну ты молодец, парень! Смелый!
 - Вместе здоровско! Я тебя тоже возьму. Баба увидит — обрадуется.
 - Чего? Где увидит? Что?
 - На небе. Что мы тоже умеем.
 - Тоже?
 - Я с бабой один раз всего летал. Невысоко, не бойся.
 - Ну и куда же?
 - В деревню, где ее дом. Мы сидели на дереве и ели вишни. На нас собака лаяла, а мы косточками в нее пулялись.
 - Смешной сон... — пробормотал отец.
 - Ага! — оживился Ванюшка. — Собака одну косточку проглотила, чихнула и убежала.
 - А потом?
 - Потом баба меня проводила домой.
 - Так, приплыли. Марин! Выйдем!
- Марина прошла в спальню, включила утюг. Гена, закрыв дверь, подошел к жене вплотную и упер кулаки в мятые рубашки на гладильной доске:
- Ты мне объясни, что за дичь он несет! Что за небесные встречи? Твоя мать и после смерти внуку голову забивает? Чертовщина какая-то...
 - Гена, как ты можешь!
 - Говорил тебе! Сдали бы в дурку — и ничего этого не было бы.
 - Она не сумасшедшая.
 - Конечно! А когда она тебя, любимую дочь, из дома с ребенком выгоняла, это нормально? В ночь!
 - Я сама была виновата.
 - В чем? Молчишь? Догадываюсь. Она со своим мужиком всю жизнь цапалась и тебя против меня настраивала.
 - Гена!
 - Что, скажешь, не повернутая? И артистка к тому же! Забыла, как она через неделю нашла нас и в ногах валялась: «Простите»! Скажешь, не понимала, что Ванька грудной и ты могла молоко потерять?
 - Гена!
 - Что «Гена»?
 - Прекрати, это моя мать.
 - Да по ней дурка плакала, вот она и боялась одна остаться. И ребенку вечно пустыми фантазиями голову забивала.
 - Гена!
 - «Гена, Гена», заладила. Пора прекращать этот матриархат. Я из него мужика сделаю!

После ужина Марина в ванной разбирала белье перед стиркой. Гена за кухонным столом, щурясь от дымка паяльника, подпевал радио и не сразу понял, что показывает ему жена:

— Что это?

— Косточка. Вишневая.

— И что?

— Свежая. Ты не понимаешь?

— Нет.

— Ванюшка и вправду летал с бабушкой.

— Бред! — отмахнулся он.

— А как это объяснить?

— Ты вареники с вишней готовила? Готовила. Вот косточка и упала в карман.

— Но он ел не в пижаме! И я покупала вишню без косточек!

— Да ладно! Попалась одна.

— Я проверяла, не было косточек.

Гена встал, налил воды в стакан. Зычно глотнул и, вытирая подбородок, подытожил:

— Любите вы, бабы, мистику разводить. Надо реально на вещи смотреть.

Марина поджала губы и ушла стирать. Потом долго на кухне читала книгу.

Поздно вечером она тихо легла рядом с мужем.

«Обиделась, — решил Гена. — Отдельно укрылась. Глупышка». Придвинулся ближе и обнял жену. «Худышечка моя...»

Вспомнил, как таксовал аккуратно перед тещиной смертью, в четыре утра поджидал московский поезд. На первом пути стоял почтово-багажный. И в одной бабе, которая еле передвигалась, загружая почту из вагона в тележку, — еще подумал, пьяная, что ли, — вдруг узнал Марину. Она подозвала начальника смены, сообщила, что не хватает посылки... Тут с пешеходного моста повалил народ, и Гену подрядили: мол, до КСК сколько просишь?

Гена ехал по сонному городу и сквозь зубы матерился.

— Это вы нам? — возмущенно спросила пассажирка.

— Нет, что вы! — извинился Гена.

Всю дорогу туда и обратно, домой, он клял себя. Если бы увидел раньше, то не позволил бы жене там работать.

— Марин... Слышь? Не сердись. Завтра отвезу тебя на работу, заявление напишешь на увольнение.

— Да, конечно, — пробормотала она. — Кредит сам себя заплатит.

— Повернись-ка... Чё как неродная? Летом с Ванькой дома посидишь, а там посмотрим.

— Ты что, серьезно? — Марина повернулась и села в постели.

— Еще подработку найду — кредит потянем. Дарю тебе отпуск.

— Гляди, какие мы щедрые.

— Да перестань! Думал, обрадуешься...

— Догадываюсь, — усмехнулась Марина. — Мама твоя опять от- казалась Ванюшку на каникулы забрать?

Гена вздохнул:

— Сами справимся.

— Как всегда.

Он психанул:

— Завтра не уволишься, как я сказал, — горбаться дальше на своей почте! — и отвернулся.

Сердце стучало. Могла бы и спасибо сказать. Еще и матерью попреркнула.

«Хотя — все так. Теща хоть и чудила, но с Ванькой душа в душу, а мать... Всю жизнь кукушкой прожила. За десять лет не захотеть родного внука увидеть! Не понимаю...»

Обида на мать опять разлилась в груди, даже дышать стало тяжело.

Гена рывком встал, босыми ногами прошлепал на кухню. Не включая света, открыл балконную дверь и, переступив через порожек на смятый коврик, закурил. Внизу под кустами орали коты. Соседи слева поздно ужинали: гремели тарелки, шумел на плите чайник. Справа — в темноте смотрели юмористическую передачу.

Гена слушал и усмехался. В доме напротив бледными квадратами сушилось белье, сонно качаясь от ветра. И вспомнилась ему катавасия с ангелом.

«Ой, бред! Теща-ангел! Мэри Поппинс, блин! Ведьма старая... Раздраконила нас — и чё, раскаялась, что ли? Неужели и моя маманька не одумается? А ведь случись чё — не брошу... Так, приплыли. Только с Маринкой из-за нее собачиться не будем!»

Прикрыл дверь, расправил шторы. Попил воды из-под крана. В свете фонаря за окном попытался прочитать название книги, оставленной Мариной на столе.

«Наверняка какая-то заумная. Спрошу завтра».

Тихонько лег на кровать, и старые пружины предательски скрипнули.

Марина со спины обняла его и шепнула:

— Повернись ко мне! Чё как неродной?..

Давно уже примирение супругов не было таким сладким.

...Гене снилось, будто он накинул простыню на плечи и летал до балкона напротив и обратно. Утром он беззлобно чертыхнулся, вспомнив тещу и то, как от страха высоты у него дрожали колени.

Ольга КОРЗОВА

«КАЖДЫЙ КУСТ ЕСТЬ ОРКЕСТР...»

* * *

Три дня остается до снега.
А раньше б сказали: «три дни»,
И охнула б в поле телега,
И дрогнули в доме огни.

«Три дни» — и протяжно, и горько,
И словно окончена жизнь...
Столетий скрипучие створки
На палец уже разошлись.
Как мы. Если песенка спета,
Платком остается — «прощай»,
И призраком прошлого лета
Мелькнет за окном иван-чай,
Седой, точно лунь, как наречие
Ушедшего вглубь языка...

И ноют озябшие плечи,
Как будто бы держат века.

* * *

Каждый куст есть оркестр,
И неважно,
Он стар или юн, —
И в цвету, и в листве,
А особенно осенью поздней
Только ветку задень —

И поймешь напряжение струн,
Меж землею и небом
Натянутых,
Рвущихся к звездам.

На вершине куста
Воробьи,
Словно россыпи нот.
Встрепенулись они —
И посылшались
Первые звуки,
И за птицами вслед
Потянулся
И яростно рвет
Притяженье земное
Оставленный куст
Длиннорукий.

Хоть планета строга
И она не допустит
Побег,
Смолкнут
Звук и строка,
Но Вселенная
Полнится ими.
Засыпают кусты,
И на них
Опускается снег,
Дополняя мотив
Нарастающей песни
Предзимья.

* * *

Хозяйки нет, а дом и огород
Ухоженными кажутся покуда:
И роза под окном еще цветет,
И дремлет в кухне чистая посуда,
Но с каждым днем грустнее зеркала
И ветра стон на чердаке протяжней.

— Уехала она иль умерла? —
Вы спросите. Да так ли это важно?..

Не маленькой, но чуточку моложе,
Чтоб, валенки отбросив и клюку,
Бежать, торить дорожку ручейку,
Звенеть, как он, хоть час — на воле Божьей...

* * *

В предчувствии близкой зимы
Привычно томлюсь переходом
К ненастью, к обилию тьмы,
Как будто не с Севера родом.
Смиряюсь... А все-таки жаль:
Смолкают и краски, и звуки.
Земли оттеняя печаль,
Ромашка мне тычется в руки.
Поглажу ее — не сорву.
Пускай доцветает на воле.
Не белым снежком к Покрову —
Ромашкою выткано поле.

Яна ЖЕМОЙТЕЛИТЕ

СЧАСТЬЕ

П о в е с т ь

Пролог

В конце октября дни были еще по-осеннему ласковы... Эту фразу Татьяна Петровна помнила еще по диктанту, который Васеньке пришлось переписывать два или три раза из-за засилья причастий, запятые перед которыми ему никак не давались. Однако то давно прошло, и в конце октября дни были холодны, промозглы и неласковы, как всегда на севере. Иного ждать и не приходилось. Хотя в советские времена последние дни октября скрашивало ожидание каникул и праздника Октябрьской революции. Каникулы в школе, конечно, никто не отменял, но из-за отсутствия праздника они стали расплывчатыми и неопределенными, просто как продленные выходные...

В актовом зале интерната № 1 из динамиков лилась приглушенная музыка. Мелодию грубовато оборвали на полупhrазе, когда на сцене появилась Татьяна Петровна Веселова, бывший директор интерната. Она поднялась на сцену самостоятельно, отвергнув помощь завуча. Сцена была невысокой, всего-то две ступеньки, скорее небольшой подиум в актовом зале, украшенном цветами и большим плакатом «С юбилеем!». Точную цифру юбилея, наверное, постеснялись обозначить, оно и понятно. В конце октября 2021 года Татьяне Петровне исполнилось девяносто лет.

Сын ее Василий Михайлович хотел отметить событие в городе, в кафе, но Татьяна Петровна категорически отказалась: «Не поеду я ни в какой город. Кто там меня знает? Старики померли, а молодым какое дело? Мы лучше чаю попьем с ватрушками в столовой, под баян потанцуем, учитель музыки в интернате, слава богу, рукастый, заскучать не даст». Тогда Василий Михайлович заказал угощение в ресторане, и его доставили точно к событию в столовую интерната. Он в городе главным инженером завода работал, так что машину в распоряжении имел.

И внуки Татьяны Петровны приехали на юбилей, и даже старший правнук.

Бывший директор интерната Татьяна Петровна Веселова выглядела неплохо. Прическу даже сделала по случаю и строгий костюм выписала себе через интернет, учителя ей помогли. В поселковом-то магазине давно уже ничего приличного не купить, разве что садово-огородный инвентарь да удобрения, как будто сельские жители наряжаться не любят. Правда, куда потом в таком костюмчике по распутице, вот разве только в гроб лечь. Это Татьяна Петровна вроде так пошутила. И брошку еще нацепила на лацкан пиджака, из зала эта брошь смотрелась как орден. Одна учительница даже спросила: «Награду, что ли, дали Татьяне Петровне? Заслуженно, ничего не скажешь». Заслуженно, только награду к юбилею ей так никто и не дал. Да и зачем они вообще нужны, эти награды?

Еще туфли Татьяне Петровне немного жали — ноги под вечер опухли, поэтому стоять на сцене было не слишком удобно и она переминалась с ноги на ногу. Из столовой тянуло едой, учителя в зале перешептывались, что их ждет грандиозный банкет, а не посиделки с ватрушкой, как настаивала сама юбилярша. Всем уже хотелось есть, ну и выпить, конечно, за здоровье Татьяны Петровны.

— Товарищи! — Голос старой учительницы дрогнул, но она быстро с ним совладала. — Я счастлива, что сегодня могу сказать вам с этой сцены все, что хочу сказать. Мало нас осталось, учителей, которые пришли в школу еще при товарище Сталине. Скоро мы вас покинем, и тогда некому будет рассказать, как ярко, жадно, ненасытно мы жили. Дышали полной грудью, радовались каждому дню. Большого достатка не знали, это правда, зато знали настоящую дружбу, взаимопомощь, радость труда в профессиональном коллективе. Работали не за деньги, а за то, чтобы воспитать себе достойную смену. Я горжусь, что теперь наши воспитанники руководят важными народно-хозяйственными объектами, преподают в университете, играют в театре, лечат больных...

Динамики неожиданно затрещали, и обрывок музыкальной фразы вылетел наружу — неприлично громкий, бестактный. Татьяна Петровна вежливо замолчала, потом, когда музыку спешно заглушили, продолжила:

— Труд моих учеников — это немного и мой труд. Мы ведь не делали различий между своими и чужими детьми, все были одинаково наши. Мы жили одной большой семьей. Дети тоже так считали, что интернат — это их семья. Какие были у нас прекрасные учебники! Я сама математик, однако зачитывалась учебниками истории. И вот на днях я узнала, что в городе именно эти учебники Агibalовой и Коровина изъяли из библиотеки, свалили кучей на свалке — и подожгли. Всемирная история с литературой теперь лишние! А там же действительно достаточно не прочесть даже, а просто посмотреть картинки, чтобы захотелось узнать больше! Конечно, в наше время реальность не всегда совпадала с программой партии или с конституцией, ну да на то они и программы. Не слепок действительности, а вектор развития. Таким же вектором был и наш интернат. Он давал воспитанникам ориентиры на все дальнейшие годы, во многом определял их судьбы. И это было большое настоящее счастье!..

Татьяна Петровна говорила еще. Долго говорила.

Когда Василий Михайлович вышел на крыльцо покурить, к нему дворник обратился, устал он уже окурки подбирать за гостями — кое-кто не выдержал юбилейной речи Татьяны Петровны. Дети тоже покуривали, хотя им запрещено, ну, за всеми не уследишь, знай себе с утра до вечера подметаай.

— Да, ты бывшей директорши сын будешь? — уточнил дворник у Василия Михайловича. Хотя тот был солидный дядька и обращаться к нему на «ты» казалось неприличным, но дворник со всеми был на «ты». Потому что все, невзирая на ранги, одинаково кидали хапчики с крыльца, загрязняя территорию.

— Да, — коротко ответил Василий Михайлович.

— Именно Василий Михайлович Веселов? — еще раз уточнил дворник.

— Точно. Василий Михайлович.

— Хорошая женщина Татьяна Петровна, правильная. Это сразу заметно. А нынешняя-то директриса — стерва та еще, горло драть умеет — и весь талант... Да, ты это... Василий Михайлович, чего мать одну-то в поселке бросил? Девяносто лет ей, это тебе не хухры-мухры.

— Почему бросил? Я постоянно предлагаю ей переехать — а она ни в какую. Говорит, нечего ей в городе делать, только в окно смотреть. Может, боится, что нам помешает. Не хочет обузой быть...

— Не хочет она. Это ты не хочешь, иначе б уговорил. Или ты ей не сын?

— Сын.

— Не свисти, — отрубил дворник. — Сын ейный Василий Михайлович Веселов на кладбище лежит, я сам этот памятник видел. Она к нему каждое воскресенье ходит, сядет на лавочку и сидит, что-то свое думает. А ты вдруг откуда взялся? Или воскрес?

— Долго рассказывать. — Василий Михайлович смял окурочек и щелчком отправил его в ведро.

1.

26 октября 1933 года по главной деревенской улице прошла демонстрация местной бедноты. Улица была короткой, поэтому прошагали до обидного быстро. Туда и обратно. Комсомольцы пытались затянуть революционную песню, но их никто не поддержал, и слова унес ветер в самое поднебесье.

Ветер рвал намалеванный на красном полотнище плакат: «Ликвидируем кулака как класса». Что именно означает эта фраза, жители деревни узнали ближе к ночи, когда небо ответило демонстрантам мелкой злой крошкой, а бригада под командованием комсомольца Анхимова начала ликвидацию. Сильно зажиточных дворов в деревне никогда не было, поэтому начали с середняков. В доме крестьянина Третьякова забрали из сундука старые полотенца, со стен сняли иконы и картину с васильками в белом вазоне как признак буржуазной распущенности, с постели стянули

белье, а также конфисковали пачку пятидесятикопеечного чая, кочергу и бутылъ самогона, заботливо прикрытую белой кисеей.

В эту кисею Анхимов демонстративно высморкался, а кулака Третьякова со всей семьей распоряжением советской власти выставил на улицу для дальнейшей высылки за Урал. Напрасно тот уверял, что в Гражданскую воевал на стороне Красной армии. Когда это было! Ты нам еще про германскую расскажи, скотина. Откуда тогда у тебя в подполе полпуда сала?

Припомнили Третьякову и недавнее письмо в исполком, в котором он жаловался, что его как единоличника обложили налогом в 605 руб. 96 коп. Не имея средств к уплате такового, он произвел распродажу имущества, а именно: швейной машинки за 146 руб., стенных часов за 85 руб., самовара за 35 руб., дивана за 13 руб., пяти мереж беломорских и двух неводов подержанных за 290 руб., всего на сумму 569 рублей.

— Это же какие деньжищи! Видать, за зеркалом припрятал, мироед, кровопивец!

Анхимов двинул Третьякову в морду, губу разбил, жену Третьякова заставил снять теплую поддевку, серебряный крестик самолично с ее шеи сорвал, забрал себе также галоши и крошечную подушку, которую подкладывали детям под головку.

Так, расправившись с конторой, активисты приготовили в доме Третьякова добротный ужин и разлили самогон. А конфискованную икону Третьяков самолично топором разрубил и отправил в печь.

Пока активисты праздновали в разоренной избе ликвидацию местного кулачества, Третьяковы отправились на другой конец села к Семену Лихому, который приходился Третьякову двоюродным братом. Жил он бедновато, скотины своей не имел, поэтому опасности для советской власти не представлял. Третьяков, загодя предчувствуя неладное, прознал, что, ежели в семье кулака есть дети до десятилетнего возраста, они при желании могут быть оставлены ближайшим родственникам с отобранием обязательств от принимающего — так сложно было написано в инструкции. Третьяков долго разбирал, что значит «под подпиской о добровольном оставлении от кулацкой семьи».

Однако в результате состряпали они бумагу для сельсовета, что-де Третьяков направляется в ссылку, поэтому дочь Татьяну двух лет от роду передает на попечение Семену Лихому. А Семен в свою очередь берет Татьяну на попечение, обязуясь содержать на свои средства на добровольных началах.

Остальные дети у Третьяковых были уже самостоятельные, Танька вот только припозднилась, родилась на свет, когда уже и не ждали.

Жена Третьякова, конечно, вопила: «Не отдам», а когда ее силой от ребенка оторвали и выволокли за дверь, она от горя уж почти мертвая была, но все губами шевелила: «Не отдам, не отдам». Танька к ней все ручонки свои тянула: «Мама! Мама!» — других слов она и не знала еще. Но больше Танька своих родителей не видела, и что с ними случилось в дороге или уже за Уралом, никто так и не выведал.

А дядька Семен с семьей вскорости пострадал за золотой червонец, который ему Третьяков тайно передал за Танькино воспитание, иначе стал бы Семен просто так Таньку брат, свои вон дети голодные. Ну, видно, кто-то все же про монету прознал, и недели через три пришли уже за Семеном. Вдобавок зажиточные в деревне кончились, а разнарядку Анхимову выполнять приходилось, вот и конфисковали у Семена нехитрое имущество. Золотой червонец Анхимов лично из-под иконного оклада выковырял. Семен за тот червонец испросил у супостата только одно: чтобы тот Таньку в детприемник определил, потому что больше она тут никому не нужна. А до Сибири ей не добраться, одежды теплой у нее нету, да и чем в дороге кормить?..

В общем, отписал Семен от Таньки отказ, перекантовалась она пару дней в сельсовете на хлебе, размоченном в сладком чае, а потом отправили ее подводой в ближайший детприемник за пятьдесят километров, а оттуда уже в детский дом, причем не самый захудалый. Анхимов слово коммуниста сдержал за этот червонец, все же не последняя сволочь.

А ликвидация кулачества экономической выгоды деревне не принесла никакой. Хороших работников изничтожили, а ценности, которые у них конфисковали, прилипли к рукам ликвидаторов. Да и какие там особые ценности: горшки да чугунные сковородки. Экспроприированные сало и самогон очень быстро кончились, и совсем грустно стало в деревне. Даже мыши сами собой повывелись.

2.

К встрече нового, 1938 года детский дом готовился загодя. Ребятам выдали чистую одежду, почти новую, даже без заплат, и переменили постельное белье на порядком изношенное, но свежее и еще пахнущее прачечной. По случаю праздника детей подстригли, мальчиков под ноль, а девочек очень коротко, с небольшим намеком на челочку, так что по утрам почти и не нужно было причесывать.

Девочку-карелку привезли новенькую. Она стричься не давалась, укусила парикмахершу за палец и ревмя ревела два дня. Танька Третьякова пробовала уговаривать ее: «Глупая, знаешь, как тут у нас хорошо. Через два дня праздник будет, щи со свиной дадут и шанежки с картошкой. Прошлый раз я три штуки съела за раз — объеденье!»

Но девочка по-русски совсем не понимала, поэтому так и плакала без остановки. Ее не смогла утешить даже варежка, которой Танька с ней поделилась, ну, то есть у Таньки были две варежки, а у девочки-карелки ни одной, и это получалось нечестно. Поэтому Танька подарила ей левую варежку, чтобы хоть одной руке на морозе было тепло, а вторую можно было засунуть в карман. Только через день эта карелка, которую звали Маура Пекшуева, сбежала и вторую варежку с собой прихватила. Ее нашли на кладбище, и нянечка тетя Зина, которая понимала по-карельски, рассказала, что эта чертовка Маура бегала на кладбище маму воскрешать.

«Как будто без мамы уже и прожить нельзя», — думала Танька. Очень даже неплохо им живется в детдоме без всяких мам. Весело. И шанежки с картошкой дают по праздникам. И на лыжах они бегают наперегонки, и песни хором поют. А на новогоднем празднике будут читать стихи о Советской Родине:

И красива, и богата
Наша Родина, ребята.
Долго ехать от столицы
До любой ее границы...

А Пекшуева эта, видать, совсем глупая. Выдумала тоже — маму воскресить. Это только бог однажды умер и воскрес, так тетя Зина рассказывала, но это к тому же неправда, потому что нет никакого бога. Он теперь окончательно умер. И это очень даже хорошо. Теперь надеяться нужно не на какого-то бога, а на товарища Сталина, который живет в Москве в кремлевской башне. Ему из этой башни все на свете видать, не только до границы, но и гораздо дальше.

Никто эту Пекшуеву, конечно, в детдоме не обижал. Напротив, старались ее поскорей русскому языку научить, чтобы с ней как с человеком можно было разговаривать. Новеньких вообще под конец года поступило много, и все плакали поначалу, но потом понимали, что родителей не воскресишь, и тогда успокаивались. Потому что в детдоме кормили досыта: и сахар давали, и масло, и лапшу. А это большое счастье, как говорила тетя Зина. Потому что когда она сама была маленькой, то ничего такого не ела. А на столе в лучшие времена бывала только картошка и вяленая рыба, ну еще и пшенная каша, причем без всякого масла. Потому что Сталина еще не было, и никто не заботился о пропитании детишек.

Когда после новогоднего хоровода вокруг елки детей отправили спать, в комнату тихонько затекла тетя Зина, она умела так незаметно проникать в щелочку, неслышно, будто тень. В просвет штор лился лунный свет, пропущенный сквозь стые узоры на окнах, на стенах перемежались странные тени, а тетя Зина, устроившись в темном уголке, принялась рассказывать, как в соседней деревне у одной вдовы была вредная-превредная дочка. И все-то она норовила сделать наперекор. И чай пила без сахара, и даже, бывало, юбку наизнанку носила, только чтоб не как все. Так вот, в одну из зимних ночей собрались девки на посиделки, ну, это еще до революции было, когда всякой нечисти случалось раздолье. Особенно в такие ночи, как эта. Девки засиделись допоздна за рукодельем, все-то у них в руках спорилось, а под этой врединой лавка будто углями посыпана, не сиделось ей.

И вот она сказала подругам: «Вы тут за меня допрядите пряжу, а я тем временем на погост сбегаю и назад вернусь. Проветриться что-то захотелось».

Подруги ей: «Куда ты? Страшно же!» — «А я не боюсь. Там же церковь на погосте стоит, боженька меня защитит».

Шубу накинула и дунула на погост. Бежит навстречу ветру, уже впереди церковь виднеется, на погост ступила, смотрит — вроде кто-то сидит на могиле. Никак человек замерз, вот и сидит, не шевелится. Поравнялась она с ним, а это не человек, а умрун в саване сидит и прямо на нее смотрит...

На этих словах сердце у Таньки сжалось в комочек, и она покрепче зажмурилась, чтобы взаправду умрун наяву не привиделся.

А тетя Зина меж тем продолжила, почти перейдя на шепот:

— Тогда-то девка сообразила, что подруги ей не поверят, будто она на погост бегала, а не просто по нужде ходила. «Принесу-ка им саван, чтоб надо мной не смеялись». Схватила за край савана, дернула — и бегом назад что духу было, ни разу не оглянулась.

Прибежала и села в свой уголок ни жива ни мертва. Девки, конечно, заохали, а тут вдруг стук в дверь. Это умрун за своим саваном приперся, в избу ломится: «Отдайте мой саван! И девку мне отдайте, теперь она невеста моя!»

Тут петух вдруг прокричал, и умрун убрался.

А мать той вредной девки заговоры всякие знала, подучила свою дочь, что делать. Снова девки собрались на посиделки в другую избу. Пришел ночью умрун, стал свою невесту требовать. А девки ему отвечают: «Погоди чуток, мы невесту к венцу обряжаем!»

Сделали они куклу, завернули в саван и за дверь выставили. Тут петух закричал. Схватил умрун свою невесту и дунул на кладбище со всех ног. Больше его не видели.

Тетя Зина, конечно, для Мауры эту историю рассказала, но Маура же по-русски совсем не понимала, вот и получалось, что тетя Зина гораздо больше русских детей пугала, чтобы те не вздумали брать пример с этой Мауры, не бегали воскрешать родителей, потому что если уж кто умер, то это навсегда, Танька точно знала. Разве же она такая глупая, чтобы ночью на погост бегать? Да и не на местном погосте ее родители, а вообще неизвестно где. Так часто случается, что вот живет себе человек, никого не трогает, и вдруг приходит начальник в португее и велит ему собираться. А что происходит дальше, об этом никто не знает. И говорить об этом тоже нельзя. В детдоме, по крайней мере. И что было прежде, до детдома, об этом следует накрепко забыть. Так тетя Зина учила. А Танька и без тети Зиной почти ничего не помнила. Вот разве что как какую-то женщину за волосы за порог вытягивают, и она так страшно кричит, что иногда Танька это во сне видит. И тогда до утра уже заснуть не может. Это гораздо страшнее, чем умрун на могиле. И вот лежит Танька, в потолок смотрит и думает, что в детдоме-то лучше, чем в семье. Никто за волосы не таскает. И каша каждый день, и чай с сахаром, и лапша.

Тетя Зина напоследок Мауру по головке погладила, чтобы та, значит, спокойно спала и знала, что никакой умрун за ней не придет. Потому что они только при царе по кладбищу шастали, а при советской власти на кладбищах умруны все как один в могилах лежат спокойно.

Так вот, дотронулась тетя Зина до лобика этой карелки, а лобик-то как раскаленная сковородка. Тетя Зина охнула в голос и руку мигом отдернула, будто обожглась. И запричитала. И Мауру в охапку схватила вместе с простыней и унесла куда-то. И больше эту девочку-карелку никто не видел. Но Танька так подозревала, что ее все-таки забрал умрун. Не напрасно же тетя Зина про него рассказывала. Вот что бывает, если кто-то решит своих покойников оживлять.

3.

Про войну в памяти остались какие-то разрозненные детали, как будто моль полотно войны изъела до сплошных дыр. Странно так. Почему-то ярко запомнилась Таньке сама эвакуация детдома. «На Урал едем, на Урал!» — это объявили почти торжественно, и такая поднялась суета, что Таньке представилось, будто враг уже завтра займет их детдом, хотя сама ведь уже большая была и вроде все понимала. Еще застряло в голове слово «счастье» — мол, счастье, что удастся в числе первых эвакуироваться. И что на Урал — тоже счастье. Потому что туда-то уж врага не пустят. Урал — это очень далеко.

Так вот оно какое, оказывается, счастье. А то ведь до сих пор Танька, конечно, знала, что счастье — жить в Стране Советов, но что в этом счастье такого особенного, никак не могла понять, хотя никому и не признавалась в своих сомненьях. Ну, есть у них в детдоме пионерская дружина, библиотека, хор, зимой еще на лыжах ходят. Но как-то все это по ощущению не очень похоже на счастье, потому что предсказуемо, что ли. И ничего такого особенного. Хор как хор, библиотека как библиотека, все книжки в ней до дыр зачитаны.

Но вот засветло собрал детдом манатки, погрузил на подводы, и потянули лошади телеги вперед и вперед по осенней распутице. С ними в телеге тетя Зина поехала, сперва все какие-то истории рассказывала, вроде чтоб ребятам не скучно было, дорога-то длинная, а потом разморило тетю Зину, и тогда каждый звук вокруг неожиданно стал будто выпуклым и ярким на фоне грязно-серого неба, и птицы закричали как-то по-особенному, будто что-то важное хотели рассказать на своем языке, и деревья, одетые желтой листвой, по обе стороны дороги шелестели настолько таинственно, что даже крикнуть хотелось от непонимания творящегося: «Эй, вы там чего?»

Миновали одну деревню и другую, перевалили через мост, который кряхтел и ходил туда-сюда, угрожая обрушиться в черную медленную реку. Самый верхний тюк из плотно наваленных на телегу не удержался и сорвался в воду. Все одновременно воскликнули: «Ай!» — и в тот момент Таньке даже представилось, что вот так именно и выглядит смерть — как густо-черная речка. Когда в нее что-то падает, то еще короткое время держится на поверхности, потом идут круги по воде — памятью, но вскоре и вовсе ничего не остается.

Но вот странно, что именно этот эпизод запомнился из самого начала войны.

Потом приехали в большой город. Небольшой, конечно, но Таньке так показалось, что о-очень большой, она ведь никогда прежде не бывала в городе, поэтому и вокзал с башенкой представился ей чем-то вроде церкви, и она даже стала относиться к себе с уважением из-за того, что ей случилось побывать на вокзале, а уж когда детей принялись сажать в длиннющий поезд, у нее совсем душа в пятки ушла. А еще ей стало безумно горько оттого, что вот они сейчас уезжают на какой-то Урал, то есть в никуда и навсегда, а лошади с добрыми мордами останутся на вокзале и, может быть, попадут в лапы врагов. Таньке представлялось, что враги — это и не люди вовсе, а скорее волки, именно поэтому врагов ничуть не жалко. Ведь чем больше убьешь волков, тем лучше. Хвастались же в деревне охотники, кто больше волков за зиму пристрелил. И никто даже не думал, что волки живые, как лошади. Лошадей почему-то и прежде бывало жалко. Наверное, потому, что они с утра до самой ночи вынуждены были перевозить с места на место тяжелые грузы. А их при этом еще били и кричали на них. И вот теперь они достанутся врагам вместе с кучером дядей Ваней. Танька чуть не заплакала. На нее вдруг накатило отчаяние, и она сама не могла объяснить почему. Но уж точно не из-за войны.

Ехать на поезде, конечно, было очень интересно, особенно поначалу. Мелькали в окошке деревья, полустанки, если случалась по пути большая станция, кто-то из взрослых успевал сбегать за кипятком. Детям из вагонов выходить запрещалось да и не очень-то и хотелось, потому что в вагоне, по крайней мере, все были свои, а снаружи напирал непонятный чужой мир, в котором гудели паровозы, перекрикивались и переругивались пассажиры, ржали лошади, вопили дети, причитали бабки, кто-то резким голосом отдавал команды... Поначалу Танька надеялась, что, может быть, кто-то объяснит, что к чему и куда именно их везут, на какой там еще Урал. Но никто не объяснял, и Танька наконец поняла, что никто им ничего объяснять не станет, потому что война и потому что вообще даже не стоит спрашивать. Все в одинаковом положении, а спрашивать — значит, проявлять слабость. Сообразительные давно помалкивали, они сами знали, что и как делать. Откуда? Да просто держались кучкой и не суетились. Именно тогда Танька ощутила себя частью большой общности, ну, что она не одна и что она как все.

Дорога продолжалась не день и не два, а целую вереницу дней и ночей, превратившись в бесконечную трясучку в полусонном бессмысленном состоянии, пока наконец однажды утром тетя Зина не объявила, что к полудню они прибудут в город Молотов, который стоит на реке Каме и в котором есть настоящий университет. Кто будет получать хорошие оценки, потом в него поступит. Потому что война — это надолго, и, когда она закончится, вы успеете вырасти. Тетя Зина так уверенно заявила об этом, что Танька решила, будто тетя Зина откуда-то все про всех знает. Иначе почему она так говорит, что война надолго? Никто ведь так не говорит, напротив...

В Молотове на вокзале, едва высыпав горохом из вагонов, снова погрузились на подводы и поехали в новый детский дом, про который воспитатели по пути говорили, что он не резиновый. А почему так говорили, Танька опять не поняла, но, когда прибыли на место, во дворе оказалось столько народу, что Танька очень удивилась, каких только людей — больших и маленьких — не живет на свете. Взрослые все оказались почти одинаковые. Женщины в серых платках, натянутых на самые брови, в серых или коричневых пальто, мужчины с бородками, в кепках. В толпе заметен был директор детского дома. Высокий мужчина с седой бородкой клинышком, он ловко рассекал толпу, распоряжаясь на ходу, кому куда направляться и где выгружать поклажу:

— Разойдись! Не стоять! Шевелитесь!

К нему все обращались «Борис Мефодьевич» и явно побаивались. Танька повторила про себя, как же сложно его зовут: «Бо-рис Ме-фо-дье-вич», и решила, что шикарно же — быть директором чего-то. Отдавать распоряжения. И она решила, что, когда вырастет, обязательно станет директором. Неважно чего.

Борис Мефодьевич еще произнес приветственную речь о том, что детский дом имени Молотова примет всех детей, сколько бы их ни прислали, потому что время сейчас такое, что выживать приходится всем вместе, всей страной, поэтому дети не делятся на своих и чужих, все наши, советские. При этом детский дом имени Молотова готов обеспечить воспитанникам физиологическую норму питания, то есть в день пять граммов сахара, десять граммов масла, тринадцать граммов лапши, еще сколько-то граммов муки. Эти продукты выделены из госфонда. Но в основном детский дом имени Молотова живет за счет подсобного хозяйства и совхозов. В этом году картофель не уродился, но колхозники дали неочищенную рожь...

В этом месте раздалось робкое «ура», которое быстро потухло.

В детдоме царил странный запах — пригоревшей каши, несвежего белья, старого дерева, кухонных помоев. Сколько ни проветривали помещения, запах не исчезал и пропитывал собой буквально каждую мелочь.

Вскоре Таньке уже представлялось, что вещи и не могут пахнуть иначе, что это всеобщий естественный запах. Матрацы состояли из тряпок, которые вылезали через дырки. Тряпки заменяли мочалом и набивали им матрасы, но и мочало вылезало. Белье было изношено и застирано до огромных дыр, но никто не жаловался. Просто в голову не приходило, потому что так вроде бы и нужно было. Так мир был устроен.

Всех брили наголо из-за вшей, а одежду после стирки пропаривали. И кто бы потом ни прибывал в детдом, его тут же стригли наголо, а еще несколько детей оказались чесоточными, их поместили в изолятор и лечили какой-то зеленой мазью — дети бегали подглядывать за чесоточными в окошко.

Дни приходили и уходили один за одним. Пять граммов сахара, десять граммов масла, тринадцать граммов лапши, еще сколько-то граммов муки и крупы. Куры на скотном дворе несли яйца, коровы давали молоко.

Но с наступлением зимы стало совсем невесело. Валенки оказалось ровно в два раза меньше, чем воспитанников, а варежек просто не было. Их шили из старых одеял и кофт, и гулять выходили по очереди, но все это было как-то привычно. Главное — что они жили. А что двое воспитанников за зиму умерли от туберкулеза, а остальные страдали малокровием и дистрофией, так в этом тоже не было ничего особенного. Война — она и в тылу война. На войне вообще так принято — умирать.

4.

Гораздо лучше Таньке помнилась война под самый конец. Тогда уже взрослые называли ее Татьяной. Танькой она оставалась только для своих, детдомовских, которые ее дразнили, потому что она неожиданно вытянулась вверх и, без того исхудавшая за войну, стала вовсе костлявой, как сама смерть. Потом еще она задачи по математике здорово решала, все у нее списывали и по этой причине тоже дразнили. Мол, пускай Танька над задачей корпит, нам-то потом списать что раз плюнуть.

После уроков в производственных мастерских девочки шили форму для фронта, а мальчики строгаи приклады для винтовок. Еще тетя Зина научила девчонок печь ржаные калитки с картошкой. Три такие калитки съешь — и сыт на весь день. У Тани калитки получались кривобокие, почти черные, как подметки, но сытные. Тетя Зина ее даже похвалила. Может, и ни за что, авансом, но Тане поощрение настолько понравилось, что решила она угостить калитками учительницу математики Розу Петровну. Та жила через дорогу от детского дома. Роза Петровна всегда хвалила Таню перед всем классом, это она стала называть ее по-взрослому Татьяной. Может быть, Таня и вытянулась потому, что имя у нее внезапно удлинилось. Сперва имя выросло, а за ним и она сама.

Так вот, Таня-Татьяна завернула пару черных калиток в тряпицу, попросила валенки — она честно сказала, что сходит к Розе Петровне через дорогу. Хотя по весне на улице было мокро и валенки на такую погоду никак не годились, но дело в том, что обувная фабрика, которой дали производственное задание сшить двести пар ботинок для детдомовцев, с планом не справилась, потому что не завезли сырье...

Валенки были Тане сильно велики. Переходя дорогу, она путалась в этих валенках, и ноги у нее заплетались одна за другую. Уже возле самого дома учительницы Таня остановилась, чтобы перевести дух, и тут вдруг на нее налетела какая-то шумная ватага. То есть это Тане так показалось, что ватага, на самом деле — всего двое парней в куцых пальтишках и штанах по щиколотку. Парни были такие же худые и длинные, как и она, один из них, тот, у которого горло было замотано грязным шарфом, крикнул:

— Вась, эта дура счас валенки потеряет. Поможем ей, а?

И он с налету толкнул Таню в плечо. Скорее всего, не так и сильно толкнул, но ей оказалось достаточно. Таня рухнула в снежное месиво на тротуар, туда же упали ее ржаные калитки, завернутые в тряпицу. Парень брезгливо поднял их с земли:

— Вась, гляди-ка, да у нее пироги с говном. На, попробуй.

Вася вцепился зубами в черное тесто и жадно заглотнул огромный кусок.

— Ой, да тут и второй пирог с говном! — Парень широко распахнул рот, в два приема затолкал в него калитку и, еще не прожевав, оценил: — Точно, говно!

Таня так и лежала на тротуаре. Пальтишко ее промокло, серый плавок, намотанный поверх пальто, тоже промок, а валенки сделались тяжелыми-претяжелыми и не позволяли подняться.

— Ну вот, Вась, это мы с тобой пообедали. — Парень утер рукавом губы. — Осталось только валенками разжиться.

И парни, дружно стянув с нее валенки, шмыгнули в подворотню и растворились в весенних сумерках.

А Таня так и осталась лежать на тротуаре, не веря своему избавлению. Слезы струились по ее лицу, затекая в уши, последнее было очень неприятно, поэтому Таня попыталась приподняться на локтях... В таком положении ее обнаружила Роза Петровна, оказавшаяся поблизости совершенно случайно.

— Боже ж ты мой, живая! — Роза Петровна запричитала, засуетилась, но быстро совладала с собой и помогла Татьяне подняться.

Потом она отпаивала ее на кухне горячим-прегорячим чаем. Не настоящим, конечно, а травяным. Детдомовцы еще прошлым летом собирали в полях целебные травы, оттуда и чай. Таня молчала, а Роза Петровна, напротив, говорила очень много, что девочек на улице обижают и грабят те, кому не хватает ни ума, ни смелости осуществить себя в чем-то достойном. Таких людей можно только пожалеть. Однако добавила под конец: «Это счастье, что только валенки украли». Татьяну вдруг царапнуло слово «счастье». Неужели то, что с ней случилось сегодня, — может так называться? Счастье! Какое же это, оказывается, нелепое и странное слово!

Роза Петровна еще напутствовала Таню, что следующей осенью хорошо бы продолжить учебу в педучилище, например. Фабзавуч — это не для нее, потому что у Тани редкие математические способности.

— Поверь мне, Татьяна, с такой головой можно в жизни многого достичь. Правда, за тобой тянется хвост, я узнавала.

— К-какой еще хвост? — удивилась Татьяна.

— Ты же из раскулаченных. Родителей твоих сослали, поэтому с такой биографией ты... Но не расстраивайся, ты же не виновата. Напишешь отказ от своих родителей...

— Как отказ? У меня же нет родителей!

— Но когда-то же были. Отец и мать Третьяковы, сосланные в Сибирь. Вот ты и напишешь, что ничего общего с ними не хочешь иметь...

Но Таня и так не имела ничего общего с родителями. Она знала только детский дом, это и была ее семья. А что некогда у нее были настоящие папа и мама... Нет, она даже представить себе не могла!

— Ладно, я откажусь. Напишу. Только научите как.

Роза Петровна научила. Письмо опубликовали в газете, Таню тут же в комсомол приняли, а там учебный год завершился, и директор детдома Борис Мефодьевич лично стал думать, куда бы Таню на дальнейшую учебу пристроить. Роза Петровна за нее все пороги обила.

Но тут детдомовцам велели собираться в обратный путь, потому что советскую территорию очистили от фашистов. Пора было отправляться на родину. И этот обратный путь почему-то гораздо больше походил на бегство, нежели дорога в эвакуацию. Может быть, Таня в жизни смыслила уже гораздо больше, чем до войны, а еще успела прикипеть к молотовскому детдому, Розе Петровне, уральскому климату, производственным мастерским, школьным партам, матрасам, набитым мочалом, физиологической норме питания — пять граммов сахара, десять граммов масла, тринадцать граммов лапши, еще сколько-то граммов муки...

И пейзаж за окошком поезда уже не резал глаз новизной. Перелески, убогие деревеньки, тыловые, но тронутые разрухой; на полустанках военные с неизменной папиросой в зубах, безногие инвалиды, одинаковые старухи в мужских пиджаках. И все же повсюду на протяжении долгого пути жизнь текла своим чередом. Сновали воробьи, ничего не знавшие о войне; драные коты, промышлявшие на вокзале, валялись в пыли, грея бока под редким солнцем; вороны орали во все горло, пересказывая друг другу сводки информбюро. Что-то вроде радости сквозило в их надрывных криках, и это даже раздражало Таню, потому что она не могла заставить себя радоваться возвращению, хотя вокруг все именно радовались: «Домой! Мы едем домой!». А куда домой? Дом остался в Молотове.

5.

— Ладно, Тань, беги домой! Мне ж завтра к восьми на смену. — Миша Веселов, скомкав шапку и чмокнув Таню на прощание в щечку, дунул на последний автобус.

Домой — означало в общежитие педтехникума, которое находилось от остановки в двух шагах, так что ничего страшного не было в том, что Миша оставил ее одну на темной улице. Вечерами шпаны в округе шастало немало, но Мишу тоже можно было понять: рабочий человек, живет на заводской окраине, да и мать у него, по рассказам, строгая. Таня с ней так до сих пор и не познакомилась, потому что боялась.

Едва только увидев Мишу Веселова на танцах в ДК под Новый год, Таня отчего-то решила, что с ним можно запросто сойти с ума. Как именно это делается, она сама точно не знала, но от такого открытия даже прикусила нижнюю губу и охнула про себя: «Как же он мне нравится-а».

Миша Веселов улыбался задорно и открыто, причем целому миру. Миша нравился не только Тане Третьяковой, а вообще абсолютно всем девочкам. И все девочки мечтали, чтобы он пригласил их на медленный танец. Он и приглашал всех по очереди, Таню тоже пригласил, и она очень смутилась. В основном потому, что она была в чужом платье. Девчонки в общежитии любили одеждой меняться, а у Тани нарядного платья

не было. У нее вообще было всего одно платье, коричневое в клеточку, которое ей еще в детдоме выдали. Естественно, его у нее никто не проносил, но на танцы идти в таком платье было крайне неприлично. Поэтому Таня выклянчила у Зины Белогуровой зеленое платье, которое Зине к тому же было немного мало, а Тане как раз. И вот, когда Миша пригласил Таню на танец, она запереживала, что, может, Мише понравилось исключительно платье, а не она сама. Нет, правда интересное платье, да еще с бахромой по подолу. Миша еще сказал, что она очень похожа на елку, и Таня весь вечер думала, это хорошо или плохо, ну, когда ты на елку похожа. Но поскольку Миша подробно расспросил, где она учится и где живет, Таня решила, что хорошо.

Впрочем, этот вечер так и закончился ничем. Миша куда-то исчез, остальные парни тоже рассеялись, девчонки отправились в свое общежитие пить чай с сушками, зеленое платье вернулось к Зине Белогуровой, и робкая надежда на что-то лучшее растворилась в морозном воздухе. Да и если хорошенько подумать, чего лучшего-то Тане приходилось желать: война кончилась, учиться она поступила, ее даже хвалили и ставили в пример... Это она так себя уговаривала, пытаясь не думать о Мише.

На праздники девчонки разъехались по домам, а ей было совершенно некуда ехать и некуда идти. Зато она спала вволю, оставшись в комнате совершенно одна, и книжки читать никто не мешал. Очень странным это казалось — остаться в одиночестве на несколько дней. Такого еще никогда не случалось, чтобы она оставалась в комнате совершенно одна. Проснувшись среди ночи от яркого лунного света, бившего прямо в окно, она даже поднялась, походила туда-сюда по комнате, посмотрела в окошко на заснеженный двор, снова залезла под одеяло, но так больше и не заснула от всей этой странности отсутствия чужого дыхания.

В тумбочке у Зины Белогуровой хранились журналы мод, которые она иногда одалживала девчонкам, хотя никто ничего не шил, а все только рассматривали. Теперь Таня вспомнила про эти журналы. Брать их без разрешения было нехорошо, но ведь она только посмотрит картинки и положит на место, Зина даже ничего не заподозрит...

Она включила настольную лампу, осторожно, как будто опасаясь кого-то разбудить, открыла тумбочку Зины и на ощупь взяла сверху первый попавшийся журнал. Потом вернулась в свою постель и — утонула в картинках. Она была уверена, что если прочтет этот журнал от корки до корки, включая инструкции к выкройкам, то станет такой же, как эти нарисованные тетеньки, у которых из прически не выбьется ни один волосок, а носочки целый день сохраняют первозданную белизну. У нее будет такая же осиная талия, стянутая ремешком, изящные щиколотки. А воротничок, вышитый вручную, подчеркнет гибкую шею... Но — все это будет, когда она окончит техникум, станет учительницей и выйдет замуж. Почему только преподавательницы из техникума одевались гораздо проще, чем на этих картинках, хотя все были замужем и могли купить себе отрезы на такие наряды? Таня всерьез задумалась. А с утра решила прогуляться, потому что дома делать было совершенно нечего. И даже

рассматривать журналы ей порядком надоело. Вдобавок, кажется, в них все было неправдой.

Ночной заморозок прихватил ветки инеем, и они застыли, точно фарфоровые, боясь растрясти свою хрупкую мимолетную красоту. Шлепками туши на снегу чернели вороны, Тане даже стало немного обидно, что она совершенно не умеет рисовать, вот ничего не получается у нее, как ни старайся, она только в математике и сильна. На всякий случай подсчитав ворон, Таня двинулась дальше, к железнодорожному мосту, а вернее — просто куда глаза глядят. И снова ей было очень странно вот так гулять в одиночестве, без какой-либо цели.

По мосту прогромыхал длиннющий товарняк, заглушив собой весь остальной мир. И пока колеса наверху отсчитывали мгновения жизни, Таня не решалась зайти под мост, а так и стояла, зажмурившись, как будто опасаясь, что опоры не выдержат тяжести состава и вот-вот обрушатся, но на сей раз обошлось. Шум колес отдалился, и, распахнув глаза, Таня заметила Мишу на противоположной стороне дороги. Нет, это точно был он, и в тот момент она даже задумалась: что он делает здесь один ранним утром? Девчонки же рассказывали, что Миша живет на заводской окраине, очень далеко отсюда...

— Миша! — Она кинулась через дорогу к нему, как к старому знакомому. И только в самый последний момент спохватилась: а вдруг он ее не помнит? Мало ли с кем он танцевал в тот вечер в ДК.

— А-а-а... — неопределенно протянул Миша. — Ты... Ты откуда взялась?

— Так я же тут живу в общежитии! Я тебе рассказывала... — Таня ступевалась, потому что Миша явно не помнил, ни кто она, ни тем более что она там ему рассказывала.

— Тебя, кажется, Таней зовут! — Миша наконец осознал происходящее, и Таня обрадовалась, что он назвал ее по имени, что само по себе было необычно. Ну, что Миша Веселов все-таки ее не забыл. Хорошо, что они встретились именно на улице, потому что Зина Белогурова увезла домой свое зеленое платьице, а Таня с утра влезла в свое сиротское, в клеточку. Оно вдобавок ко всему стало ей коротким — кажется, Таня еще немного вытянулась. На физкультуре она стояла первой и лучше всех прыгала в длину, потому что ей и прыгать почти не приходилось, такие у нее были длиннющие ноги. Физрук как увидел, так даже присвистнул: «А ты, милая, учебным заведением не ошиблась? Зачем тебе наука вообще? Займешься баскетболом...» Ну, в том смысле, что спортсменам нынче зеленая улица, и можно страну за просто так объездить, да еще талоны на допитание дают. Но Таня не хотела заниматься баскетболом. Ей представлялось это вообще крайне некрасивым, когда девушки скачут по залу, как лошади. Да и какой смысл ловко закидывать мяч в корзину? В этом, что ли, достоинство человека?

Ей очень хотелось рассказать обо всем этом Мише, но он уже спросил:

— А ты почему не уехала? Каникулы же.

Таня пожала плечами:

— Некуда мне ехать.

— Что так? Никто не ждет или...

— Детдомовская я. Вот, в общежитии дали комнату...

— Соседки небось разъехались? — быстро подхватил Миша.

— Разъехались.

— Так это же как хорошо! — обрадовался Миша.

— Почему?

— Пойдем сейчас к тебе, выпьем. Я тут шкалик заначил. — Миша вынул из кармана бутылочку. На этикетке большими буквами было написано: «Водка».

— Ой. — Таня вздрогнула.

— Чего «ой»? Еще скажи, что ты водку не пьешь и парней в общагу не водишь.

— Не пью и вообще... — Таня засомневалась, а то ли она говорит.

— Что вообще? Ты же детдомовская, видали мы таких в ФЗО.

— А я не в ФЗО, я в педтехникуме учусь, между прочим.

— Да одна малина... Нет, ты серьезно водку не пьешь?

Таня замычала, отрицательно мотая головой.

— Ладно, так бы сразу и сказала.

— А я и сказала.

Миша наконец посмотрел на нее с интересом.

— Странная ты. И такая высокая, почти с меня ростом.

— Меня в баскетбол приглашают, — сказала Таня, потому что больше не знала, что сказать.

— Да ну его в баню, этот баскетбол, — ответил Миша. — Все вокруг агитируют за спорт, как будто больше нечем заняться. Несерьезно это. Нет, если ты, конечно, хочешь...

— Я не хочу. Я лучше книжку какую-нибудь почитаю.

— Работник умственного труда? Интеллигенция вшивая?

— Почему вшивая? — Тане вспомнилась детдомовская короткая стрижка, и она вздрогнула.

— Ну так говорят. Вшивая интеллигенция. Вшивая — потому что вместо того, чтобы что-то такое сотворить, все репу чешет. А правильно ли это? А вдруг неправильно?

— Ладно, доставай свою водку, — неожиданно для себя сказала Таня.

— А чего вдруг? Ты же не пьешь. Или замерзла?

— Замерзла, да. — Таня поняла, что в самом деле замерзла. Ботиночки на ней были легкие, а других не было.

— Так, может, к тебе пойдем? Тепло, и закуску сообразишь.

— Нет у меня никакой закуски, из еды только сушки остались.

— А-а, ну так бы сразу и сказала.

— Так я сразу и сказала.

— Ла-адно. — Миша подцепил зубами сургучную пробку шкалика. — Это хорошо, что ты такая высокая.

— Почему?

— Потому что мы с тобой как будто на равных пьем. Одного роста, ну.

Таня боязливо поднесла бутылку ко рту. Как же вот такое могло случиться, что она преспокойно распивает водку под мостом с Мишей Веселовым, с которым они едва знакомы? Однако первый же жгучий глоток выгнал из головы все прочие мысли, кроме одной. А именно, что с Мишей можно сойти с ума. С ней это и случилось.

А больше в тот день ничего не случилось. Миша залпом осушил бутылку, а пустую тару отправил в карман. Таня отметила про себя, что за пустую бутылку дают пятьдесят копеек. И эта мелочь была тем более важной, что у нее самой денег не было ну ни копейки, не хватило бы даже на картофельные драники в столовой техникума. Они были, конечно, дешевенькие, но сладковатые, потому что делались из мерзлой картошки. А стипендию она потратила еще в праздники, купила на Новый год целую селедку с икрой и флакончик духов «Персидская сирень», источающий дурманящий аромат. Духи, несомненно, были совершенно безумной покупкой, но Таня решила, что, если не совершать безумных поступков, у нее никогда и не будет этих духов... Голова закружилась, и она плохо помнила уже, как они расстались с Мишей под этим мостом, как она добралась до своей общежитской комнаты и рухнула на кровать. К полудню комната совсем выстыла. Нужно было наколоть во дворе дров и затопить печь.

Потом каникулы кончились, и жизнь потекла своим чередом, ограниченная техникумом, библиотекой, столовой, общежитием, изредка — кинотеатром и танцами в ДК. На танцы Таня ходила в основном ради того, чтобы встретить Мишу, но он там больше не появлялся. Она как-то видела его еще раз на том же месте, под мостом. Обрадовалась, но он только молча кивнул ей и прошел мимо, даже не остановившись. И только ближе к весне, когда по февральской оттепели снег набряк и пожелтел, а в воздухе запахло свежими огурцами — хотя никаких огурцов, конечно же, не было, — Миша совершенно неожиданно возник у нее на пути, когда она под вечер возвращалась в общежитие из библиотеки с пачкой книжек, перевязанных бечевкой. Шагала она осторожно, чтобы эти книжки не уронить, старательно минуя лужи. Миша окликнул ее:

— Эй! — даже не назвав по имени.

Таня вздрогнула. Миша приблизился. От него тянуло перегаром.

— Таня! — обрадованно сказал Миша, и Таня тоже обрадовалась, что он все-таки помнит, как ее зовут.

— Здравствуй, Миша, — ответила Таня, хотя перегарный дух ей вовсе не нравился.

— Пойдем, может, погуляем, — предложил Миша.

— Мы вроде и так гуляем. То есть я домой из библиотеки иду.

— Ишь ты, — хмыкнул Миша. — Девушка с книгами. Картина, кажется, такая есть, если я ничего не путаю.

Таня пожала плечами.

— Голодная небось? — спросил Миша.

Таня смешалась: она действительно была голодной. То есть не то чтобы совсем, но легкий голодок ощущала почти всегда.

— Давай зайдем в рюмочную, что ли, — предложил Миша. — Там пельменей можно поесть.

Таня сглотнула слюну и лихорадочно кивнула, хотя, может быть, это было совсем даже неприлично — соглашаться на эти пельмени в рюмочной.

— Премию вчера выписали, вот я и гуляю, — объяснил Миша. — Я же рабочий человек.

Но даже если бы Мише и не выписали эту премию, Таня все равно бы за ним пошла куда угодно, лишь бы руку ей протянул. Таня шла в эту рюмочную рядом с Мишей и размышляла, что он из тех мужчин, которым хочется безусловно верить. Ведь если Мише не верить, тогда кому же еще? Нет, в самом деле, кто бы из парней вот так взял и предложил бы ей поесть пельменей? Живот у нее всосался внутрь и почти прилип к хребту. И когда они зашли в эту закусную, Таня, даже не дождавшись пельменей, отщипнула от куска хлеба, выставленного на стол.

— Голодная, я так и знал, — зафиксировал Миша. — Чем вас, студентов, вообще в столовой кормят?

Не дождавшись ответа, потому что понял, что Тане стыдно честно ответить на этот вопрос, Миша продолжил:

— Вот я после седьмого класса пошел на завод, чтоб свою копейку иметь, а не то зубы на полку. Батя у меня на войне погиб, мать сразу сказала, что денег нам не хватит десятилетку окончить. Она на почте работает, откуда у нее такие деньги? А на заводе платят неплохо по сравнению с почтой-то. Вот ты на учительницу выучишься, да? А ты знаешь, сколько платят учителям?

— Это даже совсем не важно, — ответила Таня, уминая пельмени. Для нее теперь ничего важнее этих пельменей и не оставалось.

— Да как же не важно? — Миша ловко хлопнул рюмку водки, запивая пельмени. — Ну, я тебе водки не предлагаю. На голодный-то желудок.

Напрасно. Таня сейчас бы от рюмки не отказалась. Если бы Миша предложил, конечно. Почему-то он выглядел таким человеком, с которым совершенно не страшно пить водку — ни под мостом, ни в забегаловке. Но почему Миша производил именно такое впечатление, она даже себе объяснить не могла. И тем более она не задумывалась, что же такое случилось, что Миша решил ее угостить.

От пельменей она раскраснелась и будто немного опьянела. До такой степени, что даже оставила в закуской связку книг, чего прежде в принципе не могло случиться. Однако все же случилось.

Так они стали с Мишей дружить. Водки он ей больше не предлагал, видно, понял, что ее интересуют более высокие предметы, однажды даже пригласил ее в театр на спектакль о сплавщиках леса. Ну, там, про

сложности выполнения плана и производственную любовь. Таня опять выклянчила у Зины Белогуровой платье, правда, уже не зеленое, а красное. И оно оказалось ей чуть маловато, выходит, Таня с зимы слегка поправилась, Зина даже спросила: «А ты не беременная?» Ей самой Миша нравился и другим девчонкам тоже. Поэтому они, наверное, ожидали, что Миша бросит Таню с ребенком, и тогда Третьяковой точно конец. Потому что у нее на свете нет ни одной родной души, а техникум она еще не окончила, ну и куда пойдет с дитем?

Таня тогда ничего не ответила Зине, только плечами передернула, но на перемене подошла к портрету Сталина, который висел в столовой, и мысленно обратилась к нему: «А вот что, если...» Их так учили в техникуме, что в любой ситуации нужно равняться на товарища Сталина, как бы он поступил. Когда Таня ходила в школу на практику, дети в классе приветствовали ее хором: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Хотя товарищ Сталин, безусловно, не бросил бы беременную девушку, стыдно даже о таком спрашивать. Поэтому Таня смутилась собственными мыслями и быстренько отошла от портрета.

Потом, Таня же не была беременная, вообще ничего такого у них с Мишей не было. Просто она устроилась подрабатывать посудомойкой в кафе «Одуванчик» и по вечерам подъедала за посетителями, вот и нарастила бока. Случались такие клиенты, что заказывают себе и первое, и второе, и три салата. А сами сразу накачаются, и блюдо нетронутым остается. Ну или почти нетронутым. Так, сбоку вилок поковыряют. Что же, хорошую еду в помойное ведро отправлять? Хоть бы свиней держали при этом кафе, вон как у них в детском доме, там все в дело шло...

На этом спектакле про сплавщиков Миша хохотал так, что с заднего ряда на него шикали: «Не мешай смотреть!» — причем Таня никак не могла понять, что там такого смешного, и Миша ей в тот день даже разонравился. И можно было вообще на этом дружбу закончить, потому что они с Мишей только целовались, и больше ничего. Но потом, после спектакля, Миша, распаленный искусством, пошел Таню провожать до общежития, и когда они уже дошли — ну, там дровяные сараи стояли во дворе, — так вот, Миша ее в закутке к стенке прижал и лапоть стал через пальто, да так грубо еще, что она чуть не закричала. Но тут же подумала, что это, наверное, хорошо, когда парень к ней пристаёт. Значит, любит, наверное.

А потом какая-то бабка из-за сарая вывернула, за дровами на ночь глядя пошла. И как заголосит: «Ах вы, охальники! Нашли место лизаться!» Только тогда Миша от нее отлип, вздрогнул, у него даже ушанка на затылок сползла и на землю упала.

— Ладно, Тань, беги домой! Мне ж завтра к восьми на смену. — Миша Веселов, подняв шапку и чмокнув Таню на прощание в щечку, дунул на последний автобус.

Таня подумала, какое же это счастье, что Миша Веселов ее любит.

Миша так и ходил на смену к восьми, а возвращался поздно вечером, ужинал, слушал по радио последние известия, курил на кухне в форточку и ложился спать. По выходным долго валялся в постели, вставал опухший от сна, сразу брался за сигарету, а после обеда, случалось, выпивал с приятелями. Хорошо, хоть ближе к ночи не буянил, а тут же отрубался, едва рухнув на постель.

Мать его Галина Ивановна в такие моменты, отвернувшись к печке, повторяла, словно молитву: «Сын-то у меня отличный, отличный...» Это означало, что не ту женщину сын в родительский дом привел, ох не ту.

Таня знала, что свекровь сразу ее невзлюбила, хотя Таня старалась ей понравиться. Не грубила, от домашней работы не отлынивала, даже перед самыми родами дров наколола и тяжелый бак с водой на плиту подняла. И когда Васька родился, не пыталась сослаться на то, что не высыпается. Галина Ивановна с утра на работу соберется, накажет, что нужно сделать к ее приходу: «Ты-то вон не работаешь», а Таня и вертится между плитой и ребенком. Три месяца Ваське исполнилось — пришлось в ясли отдать, сама на работу вышла — учителем младших классов. Благо школа через дорогу была. Уроки кончатся, три минуты — и дома. Только как свекровь со своей почты возвращалась, спокойная жизнь кончалась. Даже тетрадки Тане, Татьяне Петровне, проверять мешала: «Чего расселась? Заводы стоят, а она...»

Какие это заводы у них в городе стояли? Вроде все работали с утра до ночи, некоторые не останавливались и ночью. Мише вон иногда приходилось в ночь выходить по производственной необходимости. Таня ему еще обед с собой заворачивала, то есть не обед, а что там ночью едят.

А Галина Ивановна знай себе пилила. Знаешь что, милочка? Ты обязана кормить моего сына нормальной едой, а не этой дрянью! И тоже мне нашла работу: в тетрадках искать ошибки. Три плюс два равно пять, а не шесть. Эдак бы и я тоже могла, чай грамотная. Еще за такую ерунду деньги плотют. Вот до войны-то жили: отпахал смену, пришел домой, поел и на танцы бегом. А сейчас одни бездельники. И искусство страшное — ты что за картину такую на стенку повесила? Что такое на ней нарисовано? Вот раньше фарфоровую статуэтку поставишь в буфет — и красота, а сейчас что?

Картина, положим, Татьяне очень даже нравилась. Она называлась, кажется, «Утренний натюрморт»: чай в граненом стакане, полевые цветы в вазочке, металлический чайник на ножках — таких давно не выпускали, — два вареных яйца, одно с золотинкой, другое с серебришкой. Вроде ничего особенного, но Тане отчего-то казалось, что эта картина дышит настоящим счастьем. Это когда проснешься утром и радуешься, что целый день еще впереди.

Ведь если задуматься — для чего мы живем? Почему тянемся к красоте? Таня искренне верила, что искусство делает людей лучше. Так, по крайней мере, ей объясняли еще в школьные годы. Но теперь она стала

догадываться, что искусство — далеко не такая уж сильная штука, потому что еще не каждого исправит. Конечно, вкусы у людей могут быть разными. Кому-то нравятся милые котики на открытке, кому-то — простые цветочки, кому-то — портреты современников, но все же каждый человек стремится украсить мир вокруг себя, чтобы самому сделаться лучше, что ли. Или все-таки нет?

Даже взять, например, Мишу Веселова. Совсем недавно Таня была уверена, что любит его и что он ее тоже любит, хотя он ей ничего такого не говорил, просто однажды сказал: «Пойдем распишемся». Если люди решили пожениться, значит, они любят друг друга, иначе зачем это все? А сейчас они вообще редко о чем-либо говорили, ну разве что о том, что Ваське нужно валеночки на зиму купить. Иного разговора не получалось. Первое время после свадьбы Таня еще надеялась, что вот они еще немного проживут вместе, и тогда наконец наступит оно — семейное счастье. Но чем дальше катилось колесо их семейной жизни, тем меньше оставалось надежд и простого понимания, что вообще такое эта семья, а тем более счастье.

Иногда она ждала его с работы, боялась: а вдруг не придет, поглядывала на часы. А другой раз смотрела на него с отвращением: как он ест, зевает, чешется... И куда подевалась его солнечная улыбка? Она не могла ответить на этот вопрос. Миша если и улыбался, то криво, с насмешкой. Иногда ей хотелось выгнать его. Просто устроить скандал, обругать нехорошими словами, поцарапать ему лицо и выкинуть вещи на улицу, но ведь это был его родной дом.

Галина Ивановна зудела, что Таня детдомовская, поэтому и не понимает, как нужно семью строить и как в ней себя вести. А как, скажите, себя вести, если муж с ней даже разговаривать не желает, не то что там по хозяйству помочь? Ну да, как же, он мужчина, он деньги в дом приносит. С утра до ночи на заводе вкалывает, надо же когда-то и отдохнуть трудящемуся человеку, а тут ты со своими расспросами...

Галина Ивановна придумала еще колыбельную Ваське петь каждый вечер:

Курля шурля — голова лохматая,
Курлы шурлы — лапти подратые.
Спи, дитя, в своем ты месте,
Коли конь лихой на месте.
Щеколды болды колды —
Побежит баран сюды,
Прибежит да забодает —
Нашу Таню в лес отправит.
Нашу Таню не ищи,
Ей туды сукно тащи.
Будет Таня крепко спать
И твой сон оберегать.
Спи, дитя, и не зияй,
Спи, глаза ты закрывай.
Чтобы волк не ухватил,
Ты ложися до светил.

Таня сильно возмущалась сперва: что это за песня такая и почему вдруг Таню отправили в лес? А Галина Ивановна отвечала, что это такая старинная колыбельная, она ее с детства запомнила на всю жизнь. Под нее все дети деревенские выросли, и Васька вырастет, никуда не денется.

Таня только молча ужасалась: страх-то какой! Да разве можно такое ребенку петь? Если когда-то и нападали на детей волки, так это давно прошло. Неужели все родители эту колыбельную своим детям поют? Вдруг да правда? Тогда очень хорошо, что у нее нет родителей, она и страха не знает. Галина Ивановна сперва еще намекала, что она может ее мамой звать, да только у Тани язык не поворачивался никак и губы в это слово не складывались. Ну не было у нее ни мамы, ни папы. А если и были, так она от них давно отеклась.

Васька бабушке говорил: «Ба, я те лю», а Тане вот ничего такого не говорил.

И с родителями своих учеников Таня даже не знала, как разговаривать. Ну, нахватал Квашнин двоек, вызвала она родителей в школу, рассказывает им, что Квашнин полный дурень, до сих пор в столбик считать не умеет. А мамаша Квашнина ей в ответ: «Значит, это вы его не научили, Татьяна Петровна». А у самой губы накрашены. Лучше бы уроки со своим сыном учила, чем перед зеркалом вертеться. Чуть ведь так и не ответила Квашниной.

Случилось однажды, что Таня возвращалась домой поздно вечером из роно. Долго стояла на остановке, замерзла и промокла. Ждала свой третий автобус и в уме перебирала неприятности разные, какие на днях успели случиться... А в конце концов сама не заметила, как громко сказала вслух:

— Да что же это делается, граждане?! Куда пропал третий автобус? Сколько же можно ждать на этой проклятой остановке?!

А другая женщина посмотрела удивленно и сказала:

— Так только при мне два третьих прошли. А ты почему-то ни в один не села. Слепая, что ли?

И еще пара человек ехидно так заулыбались, с подкавыкой. Но Таня действительно не видела, честно не видела, хотя стояла прямо на остановке да еще поминутно глядела на шоссе — не идет ли третий автобус. И вот же она его не видела!

Добралась все-таки домой, рассказала, что с ней случилось, а Галина Ивановна ответила, что это называется «морок», когда ты не видишь того, что под носом. А иногда видишь то, чего нет, потому что попросту хочешь так вот видеть. И Таня еще подумала, что Галина Ивановна, наверное, что-то иное имела в виду, чего Таня якобы не видит.

Ваське три годика было, когда на школьном дворе к Тане подошла какая-то женщина в пестром платочке и кроличьей шубе. Таня сперва подумала, что опять чья-то мамаша хочет разобраться с оценками, но женщина назвала ее Таней, а не Татьяной Петровной, а затем сказала, что ее, то есть Танин, муж Миша Веселов теперь будет жить с ней. Потому что они уже долгое время вместе, еще до евоной женитьбы начали встречать-

ся, правда, выгнала она его тогда взащей за то, что он ей золотое кольцо обещал купить, а сам купил серебряное. Ты, Танька, ему тогда просто на глаза попалась, вот он и женился мне назло. Не веришь? В зеркало на себя посмотри. Будто оборванка с вокзала, а еще учительница, твою мать. Колечко-то еще покажи. Надо же, золотое? Ну, значит, научила я его женщину уважать. Только он все равно ко мне вернулся. Думаешь, на заводе сутками пропадал? Ночами вкалывал? Вкалывал, да только не на заводе. Кувыркались мы ночи напролет, а он еще рассказывал, что ты панталоны с начесом даже летом носишь. Да еще на веревке во дворе их вывесить любишь соседям на потеху...

Женщина хмыкнула, и во рту у нее мелькнул золотой клык. Таня слушала и ничего не понимала, что же такое говорит эта женщина в кроличьей шубке. Какое еще кольцо? Какие панталоны? И что значит «на глаза попалась»?

Она чуть было не бросилась вослед этой женщине, хотела расспросить точнее, что все это значит, но не могла сдвинуться с места. Неужели Миша нагло врал ей все это время? А ведь верно, не случилось между ними ничего такого, чтобы она Галину Ивановну мамой назвала, не стали они родными людьми, несмотря на Ваську. Да и Васька был ее мужу будто чужой, он ведь папку только по выходным видел, а папка ему даже ни одной игрушки не купил, яблочка не принес с полочки. Таня и сама не знала, как оно должно быть. Сперва так и думала, что отец должен деньги в семью приносить, а больше ничего не должен. Потом услышала на работе, как молодая русичка хвасталась, будто муж, как премию получил, сразу подарков накупил — и ей отрез на платье, и дочке куклу с белыми волосами. И такая русичка была счастливая, что Таня очень даже удивилась: да неужели же так бывает?

Кинулась она домой, будто надеялась еще куда-то успеть. Прибежала, а дома никого. Васька в садике, Галина Ивановна на работе, Миша на смене. Да и на смене ли? Вчера в ночную ушел, пора бы и вернуться давно. И тут накатило на нее такое одиночество, что хоть вой, как собака. Собаки, видно, тоже на цепи от одиночества воют, оттого, что им вдруг становится страшно среди ночи под огромной луной... И чего вдруг она о собаках подумала? А потому, что ее, как дворняжку, за порог выставили. Не место, мол, тебе в нашем доме.

Слезы сами собой брызнули из глаз, хотя Таня уже и не помнила, когда плакала в последний раз. В детском доме, наверное. Но их же там научили, что плакать вовсе не стоит, это проявление слабости. Да и как же не плакать, когда ничего иного поделать нельзя? Вещи, что ли, в узелок собрать? Да какие там у нее вещи, разве что Васькина одежда — три рубашки, шаровары, пара застиранных маек... Галина Ивановна еще ворчала, будто бы Таня стирать совсем не умеет, намочит вещь, отожмет, а надо пятна потереть хорошенько, белье прокипятить и в синьке прополоскать... Вот так выходной убьешь на эту стирку, а толку-то?

Таня мимоходом посмотрела в зеркало. Серый учительский костюмчик, нижняя пуговица почти оторвалась и висит на нитке. Волосы собраны

пучочком, лоб открыт — высокий, выпуклый, а между бровей складочка появилась, не было ее прежде. Почему Миша Веселов выбрал ее, мог ведь кого угодно? Прежде Таня думала, что, может быть, он разглядел в ней что-то такое, чего не замечали другие. Например, красивую душу. Ведь это вовсе не главное, как выглядит человек и даже если он стирать как следует не умеет. Может, она как та рябина, которая к дубу перебралась. Но что, если в самом деле просто «на глаза попалась»? Миша шел на остановку от своей любовницы, которая выставила его за дверь... Да что теперь рассуждать!

Таня уже натянула сапоги, чтобы Ваську забрать пораньше из садика и уехать из этого города... куда? Да все равно куда, лишь бы подальше. Ей как-то не приходило в голову, что их вообще никто нигде не ждет. Не могло же в самом деле такое случиться, чтобы живых людей оставили на улице посреди зимы. Советская власть этого не допустит!

Она почти что вслух произнесла это на пороге: «Советская власть не допустит...» — и в этот момент Галина Ивановна толкнула дверь со двора и чуть не налетела на Таню. У Галины Ивановны губы были собраны в узелок и будто даже прострочены по краям серой суровой ниткой. Таня отпрянула от дверей и чуть не завалилась назад. А Галина Ивановна в строгой своей манере сквозь зубы произнесла:

— Ты куда это собралась?

— Э-за Васькой. — Таня хотела уйти тихо, чтобы ничего не объяснять. Переночевать в школе, например. В комнате ночного сторожа. Дядя Петя ее бы с Васькой пустил.

— Куда собралась, я спрашиваю? — очень грозно переспросила Галина Ивановна. — Думаешь, я совсем из ума выжила на старости лет? Ничего не понимаю? А ну, скидывай боты, поговорим.

— Так я за Васькой...

— Успеешь еще за Васькой. Чайник вскипяти, проголодалась я. На вот! — Галина Ивановна протянула ей кулек с мясистой аппетитной ватрушкой. Такую ватрушку хотелось еще долго нюхать, прежде чем откусить, чтобы продлить удовольствие. Но сейчас Таня эту ватрушку нюхать не собиралась, не до того ей было.

Свекровь вдобавок перегородила своим телом путь к бегству. Глубоко вздохнув, чтобы заглушить подступавшие рыдания, Таня скрылась на кухне с этой ватрушкой.

Галина Ивановна грузно прошлепала следом и уселась на табуретку, которая крякнула в ответ.

— Аванс на почте выдали, дак... — объяснила она появление ватрушки, хотя наверняка не об этом хотела поговорить.

Таня молча налила чаю в чашку с голубым ободком, которую Галина Ивановна чрезвычайно жаловала и даже мыть не позволяла. Сама всякий раз с содой мыла, и Тане даже казалось, что свекровь боится подцепить от нее какую-нибудь заразу, поэтому и моет с содой.

Галина Ивановна пила из блюдца, причмокивая, с явным удовольствием. Наконец, утерев губы краешком полотенца, сказала:

— Ты вот что, Танька, не дури. Или думаешь, я сатана такая, что родного внука на улицу выставлю?

У Тани дыхание перехватило, и она ожидала уже, что Галина Ивановна скажет, будто от хорошей жены муж не сбежит к чужой красотке, однако свекровь прошамкала:

— Мишка-то мой совсем дурак, видно, ежели к Зинке сбежал. Он с ней еще до вашей свадьбы валандался, не знаю, что уж такого он в ней нашел, приворожила или еще чего. Зинка сильно старше его будет, муж на фронте погиб, а она потом с одним офицером крутила, а того на Дальний Восток перевели. Уехал — и ни слуху ни духу, она от него аборт сделала. Чего зыришь-то? Я про Зинку давно все вызнала, люди-то понапрасну врать не станут, а Мишка и слушать не хотел. А когда она его за дверь вышвырнула, то-то я обрадовалась. Думала, наконец остепенится, жену себе найдет молодую, пригожую.

— А я, по-вашему, что же... — Таня даже не могла подобрать подходящего слова.

— Да ты хорошая, только никудышная. Я-то пыталась научить тебя тому, чему тебя мать не научила. Быть хорошей женой, хозяйкой...

— К-как? — спросила Таня.

— А так, что и объяснять не стану, все одно не поймешь. Ты разве что-то можешь понять? С твоими мозгами-то?!

— А что с моими мозгами? Почему это не пойму?

— Потому что детдомовская ты. Неласковая, значит.

— Что значит неласковая?

— Вот ты даже слова этого не знаешь. Дак чего уж там говорить! Ватрушку ешь и дуй за Васькой. Будете у меня жить, а Мишку, стервеца, я больше на порог не пушу. Пускай у Зинки на заимке живет, вот уж вскорости огребет по полной, да и поделом. Папаша-то евоный до войны всех баб обошел в округе. Похоронку на него получила, дак вроде даже не расстроилась, аж сама себе удивилась, что надо бы реветь, а у меня ни слезинки, вот до чего он меня довел, упырь! — Галина Ивановна смачно сплюнула.

Только Таня все равно в толк никак не брала, как же это она теперь останется с Галиной Ивановной. Она и прежде только ради Миши ее терпела, да и даже не ради Миши, а потому, что... ну просто терпела, и все! А теперь зачем все это терпеть? Ладно, пару дней они с Васькой перекантуются у свекрови, все лучше, чем в каморке у дяди Пети, а потом обязательно что-нибудь придумают. Можно, в конце концов, зайти в роно, объяснить, что так, мол, и так, жить больше негде, так что помогите найти работу с жильем и лучше бы где подальше...

Да и неудобно было перед Галиной Ивановной. Баба Галя походила на заработавшуюся ломовую лошадь, которая уже по инерции ходила целый день в жесткой упряжке и возила тяжести: ворочала на почте посылки, а дома дрова колола, тягала огромные баки с кипяченым бельем, однажды мешок сахара где-то раздобыла и принесла домой на плечах, Васенька сладенького захотел...

А куда делся папка, Васька только однажды спросил. Таня ответила: «Уехал», и больше он не спрашивал. Таня с полочки купила ему деревянный грузовик с откидным кузовом. Галина Ивановна еще поворчала немного, что ребенку не грузовик нужен, а тепло и забота, Таня только отмахнулась — одет, накормлен, какого еще тепла-то недостает? А свекровь знай себе ту самую жуткую колыбельную каждый вечер Ваське напевает, Таня уже уши затыкала: «Галина Ивановна! Что ж вы не угомонитесь никак с этой колыбельной? Других слов, что ли, не знаете?» А Галина Ивановна всякий раз отвечала, что колыбельные детям поют не просто так, а чтобы к жизни сызмальства приготовить. Жизнь, она по-всякому складывается. Ты разве еще не поняла? Ну и дура.

«Сама ты дура», — мысленно отвечала ей Таня.

7.

Сына все-таки пришлось оставить свекрови. Уговорила она Татьяну насчет Васьки. Татьяна в городе не захотела остаться, приживалкой чувствовала себя у свекрови-то в доме. Миша еще пару раз порывался в гости зайти — его она тем более не хотела видеть. В общем, к новому учебному году нашла себе место в поселке, в интернате № 1. Хрущев дал команду побольше интернатов открыть по всей стране, чтобы дети с младых лет приучались к коллективу, а родители могли спокойно трудиться с утра до ночи, вот и открыли в поселке интернат.

Комнату Татьяне дали при интернате, обедать можно было в столовой, да и Васька под присмотром. В поселке учителей уважают. Правда, дети были не поселковые, свезли их сюда со всей республики — полусироты, брошенные при живых родителях. Многие на мир озлобленные, да Татьяна привычно. Она Ваську с утра в детский сад отведет, а сама — учеников учить математике, потом еще после обеда кружки всякие у них вела. В общем, жаловаться некогда было. Только вот самым беспризорным в итоге оказался Васька. До темноты на улице околачивался с местной ребятней, домой возвращался мокрый по уши, сапожки у него еще прохудились. Ну и простудился так, что посинел весь и плакать уже не мог — хрип один выходил из горла. Она ему еще эту колыбельную спела, потому что других не знала:

Курля шурля — голова лохматая,
 Курлы шурлы — лапти подратые.
 Спи, дитя, в своем ты месте,
 Коли конь лихой на месте.

Поздно спохватилась Татьяна. Все думала: горячего молока выпьет, и выйдет простуда вон, а Васька на глазах угасал. Банки еще поставила — все без толку.

На руках в амбулаторию принесла, а там говорят: в город надо везти, в больницу. А на чем везти? Уговорила интернатского шофера: «Дядя

Коля, умоляю, спасите. Вот пятьдесят рублей, все, что есть». Тот еще артачился, но все-таки свой газик завел и пятьдесят рублей даже не взял, хотя мог, и никто бы не осудил. Через час Васька уже в больнице был. Только не больно-то ему обрадовались: развели самодеятельность, направление где, анализы? Хорошо, дядя Коля вступился, докторшу за шею к стенке прижал. «Я, — говорит, — тебе сейчас ка-ак... Фашистка проклятая! Или взятку хочешь? Тань, пятьдесят рублей в зубы ей сунь». Испугалась докторша, в общем, засуетилась: что вы, что вы, какие деньги! — и быстренько Ваську в детское отделение оформила. По дороге домой Татьяне все вспоминался тот умрун из детской страшилки, и девочка-карелка вспомнилась, хотя все это еще до войны случилось. Но, видно, не напрасно принято детей пугать, а чтобы и впрямь были ко всему готовы...

Едут они. Фонарь из темноты колдобины на дороге выхватывает, а Тане все чудится, что сейчас вот-вот умрун на обочине появится в белом саване, машину попросит остановить...

— Дядя Коля, — даже попросила Таня, — ты... это... если кто в попутчики набиваться станет, ты даже не останавливайся.

— Да не бойсь. Ученый я, знаю. Прошлой весной здесь газик тормознули, так шофера потом по частям в кустах нашли. Деньги он вез в сельсовет.

Целый месяц Васька в больнице провел. Плакал, рассказывали, домой хотел. Татьяна каждые выходные к нему приезжала. Пряников всяких навезет, яблок. А однажды нагрнула — а Васьки нет. Выписали. Куда выписали? Сердце аж в самые боты ухнуло. Ожидала, что скажут, будто в морг его выписали, умрун ее Ваську унес.

— Не переживайте, гражданочка, всё в порядке. Бабушка его забрала, Галина Ивановна. У нас больных много, вот и освободили койку.

Да как же так можно — родной матери не сообщить? Эх, люди, люди.

Побежала к Галине Ивановне. Точно. Васька за столом сидит, весь такой довольный, чай с вареньем пьет. Татьяна и рта раскрыть не успела, как Галина Ивановна в крик: «Не отдам! Ты ребенка чуть в могилу не свела. Болтается, видать, у тебя без присмотра, будто сирота».

Потом уже по-хорошему попросила:

— Оставь ты его в городе, при мне. Разве грех это — с бабушкой ребенка оставить? Он у меня хоть накормлен будет, блинчиков ему напекку. А у тебя в интернате что? Столовая еда — пюре с хлебной котлетой.

И еще добавила:

— Тебе личное счастье устраивать надо. Молодая, еще успеешь, чай у нас не война. А мне теперь одна радость.

— Да бросьте, Галина Ивановна, — отмахнулась Татьяна. — Какое там у меня личное счастье?

Но Ваську в городе все-таки оставила. Обещала на каникулах забрать, да так и не забрала. Потому что вернулась домой, зашла в свою комнату, а там плесенью пахнет — углы отсырели напрочь. Печку несколько дней не топила, так и постель стала мокрой, и матрас завонял: Васька пару раз описать его успел. А сушки в тумбочке мыши погрызли.

Беда с ними, никак не вывести. Однажды подсыпала яду, так интернатский кот отравился — любил Мурзик побираться по всем обитателям. Жаль кота, ласковый был.

Что касается личного счастья... Какое там, в самом деле, личное счастье, когда каждый шаг на виду? Случилась однажды у Татьяны Петровны симпатия. Поступил на службу в интернат один майор в отставке, вдовец.

Выглядел очень ухоженным, прямо как киноартист, аккуратный пробор, волосок к волоску, ровные брови. Идеальные стрелки на брюках, идеально отутюженная рубашка! Спина как у балерины. В общем, очень представительный мужчина, причем молодежавый, не скажешь, что войну прошел. Вел труды у мальчишек.

Татьяна тогда уже завучем работала, усердием своим дорогу пробивала... Да и не пробивала вовсе, а так само собой получалось, что нравилось ей в интернате работать, и одиночеством она не тяготилась вовсе, потому что вроде как в большой семье жила, каждого воспитанника в лицо знала, и кто как успевает, и кто чем увлекается. Весело было. На лыжах вместе с ребятами катались, спектакль поставили к Новому году. Главную роль мальчика-января исполнял Федя Кошкин, он вообще все главные роли играл в интернатских спектаклях. И вот смотрела Татьяна на Федю, который по сцене ходил на лыжах, смотрела, и слезы вдруг сами на глаза навернулись, потому что очень уж Федя ей родного сыночка напомнил, даже захотелось на сцену залезть и его обнять, еле удержалась.

А тут майор этот, Борис Станиславович, платочек ей протянул:

— Что вы, в самом деле, Татьяна Петровна. Такая веселая постановка, а вы плачете. Или случилось чего?

— Нет-нет, что вы, — Татьяна Петровна замотала головой. — Это я от радости. Федя так хорошо играет, как настоящий артист.

— Да-а, — поддержал Борис Станиславович. — У Феди большое будущее, если не сопьется, конечно.

— Что вы такое говорите, Борис Станиславович? Как это Федя — и вдруг сопьется?

— Э-э-э, да я всякого навидался. Вот теперь на наших мальчишек смотрю — золотые ведь ребята, а многие ли сумеют закрепиться в жизни?

— Почему вдруг такие сомнения? — Татьяна никак не брала в толк.

— Потому что в интернате растут, без мамки-папки, вот почему.

— Ну и что? Я тоже без родителей росла, и ведь выросла, выучилась и даже не спилась.

— Что вы говорите! — удивился Борис Станиславович.

— А чему вы так удивляетесь? Что я не спилась?

— Не-ет, ну что вы! Вы женщина такая интересная — и внешне, и внутренне. Я даже думал, из профессорской семьи, начитанная такая вся...

— Какая там профессорская семья? — Татьяна даже рассмеялась. — Родители мои кулаки были, в Сибирь их сослали, а дальше я уж не знаю, что с ними случилось. А меня советская власть воспитала, образование дала и вот — недавно квартиру выделила...

Татьяне Петровну в конце второй четверти дали отдельную квартиру в бараке на первом этаже. Сыростью опять-таки тянуло из-под пола, конечно, но все же свое отдельное жилье, она о таком и не мечтала. И колонка прямо во дворе, далеко за водой ходить не нужно.

— А что это вы, Татьяна Петровна, по вечерам будто в воздухе растворяетесь? — застенчиво спросил Борис Станиславович. — В доме культуры вас ни разу не видел. И в кино вы не ходите.

— Да какое кино, — зарделась Татьяна Петровна. — Мне тетради нужно проверить, расписание составить, учебный план. А еще по дому дела...

Но это была неправда. Домашних дел у Татьяны было немного. Столовалась она в интернате, обстирывала себя одну да и убирала тоже только за собой. Вечерами после проверки тетрадей она обычно книжки читала до самой ночи. А в кино не ходила, потому что не пойдешь же в кино сама по себе. Нет, по воскресеньям они с ребятами обязательно смотрели в кинотеатре детские фильмы, а вот чтобы вечером пойти на взрослый сеанс... Что люди скажут? Учительница — и вдруг кино смотрит про любовь?

Татьяна даже подумывала Ваську опять к себе выписать. А что? Парень уже большой, в третий класс пошел... Только вот так и не решилась. Почему? Ну, потому, что в городе возможностей больше. Там тебе и хоккейная секция, и авиамодельный кружок. Да и привык он к бабушке и к друзьям. Нельзя же вот так с мясом ребенка в деревню выдернуть. Это она так себе оправдание придумывала. Потому что теперь даже не знала, как себя с Васькой вести. Вроде он ей родной, а все как чужой ребенок. На осенних каникулах в гости съездила — вот именно что в гости, сама чужой себя ощутила в доме у Галины Ивановны, хотя своей никогда и не была. А Васька еще придумал за бабушку прятаться, будто догадался, что Татьяна его забрать не хочет. Да не хочет, если по правде...

И тут вдруг этот Борис Станиславович. Нет, в самом деле, никто бы ее не осудил, и вот даже Галина Ивановна не раз намекала про личное счастье. Татьяна всерьез задумалась. Человек он основательный, не пьяница, не дебошир, на школьном празднике песню исполнял: «Расцветает степь лесами, а в лесах поля цветут. Это сделали мы сами, это наш великий труд». Всем понравилось, дружно хлопали...

А вот еще был случай, что ребята нашли в лесу ржавую пулеметную ленту с частью патронов. Решили проверить, годные эти патроны или нет. Проникли в дворницкую, которая отапливалась печкой с трубой, выходявшей через окно во двор, открыли вьюшку и бросили в огонь пулеметную ленту. Ну и пальба началась! Всю округу до смерти перепугали.

Уборщица тетя Галя орала во дворе во все горло:

— Бежим в лес, опять война началась!

Печь треснула пополам. Хорошо, пожар не случился.

А Борис Станиславович тогда в эту дворницкую ворвался под пулями, ребят на пол опрокинул и собой накрыл. Хорошо, ни одна пуля его не задела. Как стрельба успокоилась, ребята эти тут же в лес дунули, укрылись в старом блиндаже, возле которого почему-то старое пианино

стояло, с тремя клавишами. Борис Станиславович ходил их оттуда выманивать, обещал, что их даже ругать не станут, потому что живы остались — и слава богу, все теперь только радуются. А пацаны в блиндаже затаились — и ни в какую. Он потом на входе им хлеб с картошкой оставил, голодные ведь в блиндаже сидели...

Так, в сомнениях, прошли для Тани последние три дня до каникул. Однако Борис Станиславович интереса к ней больше не проявлял, в кино не приглашал, а только здоровался при встрече, хотя и очень любезно. Снег еще подтаял некстати, слякоть разъезла дороги, вот и зимних радостей ребята лишились, да еще в галоши пришлось влезть, чтоб до школы дойти, — грязи по колено. Никакого настроения, в общем. Кое-как Татьяна Петровна свою математику отвела, пожелала детям хороших каникул, а сама в столовую отправилась, сидела там, чай пила с булочкой, хотя можно было и дома попить, но не хотелось почему-то домой, в свое одиночество.

Смеркаться стало, когда засобиравалась домой. А в гардеробе заметила, что задники галош у нее мятые, да еще так грубо, как будто на них медведь наступил.

— Анастасия Михална, — обратилась она к бабушке-сторожихе. — А что же это с моими галошами? Испорчены ведь. Или ребята нахулиганили? Вы зачем их в учительский гардероб пустили?

— Ой, да ни в жисть, — замахала руками Анастасия Михална. — Ты, милая, осторожней будь, вот что я тебе скажу.

— Осторожней? То есть как осторожней?

— А есть тут один тип, трудовик, кажется.

— Борис Станиславович? А что Борис Станиславович? Человек уважаемый, майор...

— Ага, майор! По осени я его как-то в гардеробе застукала — стоял и шарфик нюхал. Ну, которая учительница духами поливается, есть тут одна такая, так вот он носом в ейный шарфик уткнулся и нюхал.

— Как?

— Носом так и тянул, что кобелина заправский. Вроде грех не велик, а...

— Да не может этого быть!

— А вот может! Ты дальше слушай. Сегодня в гардероб захожу, а он в углу стоит довольный такой и лыбится. Будто прямо счастье какое случилось. Только меня завидел — и к двери шасть, даже не попрощался. Я только заметила, что он боты в руках держит, а сам как есть в носках. А в углу чьи-то галоши остались, небольшие такие, дамские. Твои, стало быть. Дак этот кобелина в них ноги затолкал и стоял, значит, воображал, будто тебя имеет. Вот ведь нахал, ну ты подумай!

Подумать такого Татьяна никак не могла. Нет, даже если бы это не Борис Станиславович сделал, а кто-то другой. Социализм на дворе как никак, товарищи. Это, может, при капитализме ноги в женские галоши суют, они же там все извращенцы, еще не то выделявают, но чтобы майор в советском интернате... Это просто не укладывалось в голове!

Тогда Татьяна решила тем же вечером в город сбежать, к Галине Ивановне. Не ходить же теперь одними дорожками с этим извращенцем! Да еще в этих галошах с мятыми задниками. Это же он будто не галоши, а ее саму помял, на всю школу опозорил. Был бы товарищ Сталин жив, он бы такого не допустил. Кому рассказать!

А бабушка-сторожиха и рассказала. То есть не просто рассказала, а заявление подала на имя директора, так, мол, и так, учитель в гардеробе занимался, научно говоря, онанизмом. Правда, она точно не знала, что означает это слово, поэтому так и написала, что застучала трудовика в гардеробе за онанизмом. Ну, его никто и слушать не стал. Уволили — и точка.

Татьяна Петровна после этого случая пережила настоящее облегчение. Фу ты, вот как в старину говорили: бес попутал. Нет уж, больше никаких кавалеров на горизонте. Хватит с нее, ученая. И как только она так решила, так сразу ей очень легко сделалось. По радио еще с утра до ночи веселые песни пели, какая хорошая жизнь настала. И ведь верно. Хлеба стало почти достаточно, колбаса иногда в магазине появлялась, а еще сметана и творог. Васька как-то в гости приехал, так она даже ватрушку сама испекла, сочную, толстую. А дух-то какой по всей квартире разлился!..

Татьяна еще надеялась, что Васька с ней захочет остаться. Ну а что? Учился бы в интернате вместе со всеми. Чем плохо? Математика у них на уровне, ребята на физмат без проблем поступают, русский-литературу тоже хорошо преподают, хотя русичка вроде как старорежимная, старушка такая с брошкой, рассказывала еще, что при царе в гимназии латынь преподавали и греческий. Ну зачем, скажите, сдался этот греческий? Если кто про Персея хочет почитать, так можно в библиотеке книжку взять, «Мифы Древней Греции», там русским языком все подробно описано про этих греков, какой они героический народ.

Только Васька рассудил по-своему. Не понравились ему интернатские. Какие-то все одинаковые, сказал. И одеты абы как, и рассуждают будто под копирку. Самостоятельного мышления нет, то есть.

— А какое тебе еще самостоятельное мышление? — кипятилась Татьяна. — Вон в учебнике все написано, как нужно думать. Учебники умные люди составляли, между прочим. Не чета вам, пацанам. Чего тебе недостает-то? Хлеба с маслом? Нынче мы еще о-очень хорошо живем. Вот во время войны в молотовском детдоме в день пять граммов сахара, десять граммов масла, тринадцать граммов лапши, еще сколько-то граммов муки и крупы. Как тебе такой паек? И ничего, выжили! — Она почти сорвалась на крик.

Она для него наизнанку готова вывернуться, вот, даже в кино в кои-то веки выбралась на фильм «Первый троллейбус». Хороший фильм, там еще ее любимый артист играет — Олег Даль. А Васька сказал, что это кино восхваляет рабочий класс и унижает интеллигенцию. Нет, в самом деле, там выпускники школы Сергей и Светка закачивают учебу и выбирают дорогу в жизни. Сергей поступает в вуз, а Светка идет работать водителем троллейбуса. Идет она туда не потому, что плохо училась, а потому, что ей так хочется. Девушка из обеспеченной семьи.

— Мам, ну вот тебе понравится, если я после школы пойду работать водителем троллейбуса?

— То есть тебе хочется вырваться из-под родительской опеки? Ну-ну.

Васька как-то сник и долгих разговоров с ней больше не заводил, а если спрашивала — отвечал односложно, а через пару дней сказал, что домой поедет, нечего ему тут делать, в деревне этой. Скучно.

Хотя вроде и с ребятами подружился. Целыми днями во дворе пропадал. Вернется — как рыцарь в ледяной броне. Варезки в снежной крошке возле печки кинет, туда же штаны в белом панцире, следом валенки. Весело вроде время проводил, с толком.

8.

Удивительно быстро Васька все-таки вырос. Когда Галина Ивановна, баба Галя, умерла, ему семнадцать стукнуло, в десятый класс только перешел, и вдруг такое горе.

Татьяна вроде бы знала, что баба Галя хворает, ну так старики все хворают, привычка у них такая — чуть что за сердце хвататься, да и лет не так много было бабе Гале, в январе 66-го только шестьдесят стукнуло, на юбилее гуляли. Миша ей овечью тужурку справил как раз, она давно о такой мечтала, радовалась, даже плясала.

Татьяна с бывшим мужем до сих пор видеться не хотела, однако пришлось. Миша Веселов не старый еще мужик, а лоб плешивый совсем, и ходить Миша стал как-то боком, раньше за ним такого не замечала.

И вот опять пришлось встретиться. Только в дом зашла, Васька к ней кинулся:

— Мама! Мама! Бабушка умерла!

Хотя она и без него знала, что умерла баба Галя, но, видно, нужно было Ваське свое горе вслух высказать, выпустить наружу, оттого и пожаловался. А кроме Васьки, бабу Галю, похоже, никто и не любил. Миша даже спокойный такой за столом сидел, будто не мать у него умерла, а какая-то чужая тетка, соседка.

Татьяну увидел, аж присвистнул:

— Ну ты кра-ая. Гляжу, плащик болоньевый себе справила по последней моде. Причесочка, все при всем. Ничего себе так сельская училка.

— Я директор интерната, — отрезала Татьяна и отвернулась к окошку.

Миша опять присвистнул:

— Дире-ектор, иди ты! Небось от местных кавалеров отбоя нет.

Татьяна только отмахнулась. Дел нужно было много устроить: место на кладбище заказать, гроб купить, поминки справить. Миша на похороны шестьдесят пять рублей выделил, больше не смог, как он выразился. И то хорошо. Денег Татьяна к тому моменту успела немного накопить. Думала Ваське к выпускному костюм заказать, а теперь вот как получилось. И как вообще с этим выпускным? В городе Ваську одного не оставишь в бабкином доме. А с отцом он тем более жить не станет.

— Дак ты... это... как же... директор-то? — не унимался Миша. — Институт, что ли, кончила?

— Заочно окончила физмат, — сухо и по-деловому ответила Татьяна. — А тебе какое дело?

— А я что? Я, может, просто радуюсь за тебя. Жена как-никак, хоть и бывшая.

— Да? Что-то ты поздно об этом вспомнил, — Татьяна вовсе не собиралась с Мишей любезничать, но и ругаться не хотелось при Ваське.

— Василий, вот что, — произнесла она строгим голосом. — Давай-ка не раскисай, соберись. Я бабу Галю тоже любила... — Она чуть не прикусила язык, когда это произнесла. — Но так вот теперь получается, что она умерла, а нам нужно жить дальше. Так что послезавтра похороним бабу Галю, а там ты со мной поедешь, в интернате десятый класс окончишь.

— Это чего вдруг в интернате? — выдернулся Миша. — Он в этом доме прописан, между прочим. Пускай тут и остается.

— С кем? С тобой?

— А то и со мной. Я ему родной отец как-никак.

— Может, и Зинку свою сюда приведешь?

— Да пошла она! — Миша грязно выругался. — Вдоволь кровушки моей насосалась, стерва.

— Вот как! — хмыкнула Татьяна.

Но так ничего и не решили, что с Васькой делать. Дождь еще зарядил с такой силой, что окна стали непроглядны, будто сплошь залиты слезами. В такую погоду бабу Галю хоронить — хлопот не оберешься. Это же сколько времени на кладбище под дождем стоять, да и могила водой успеет наполниться... Вот такие бытовые и мало соотносящиеся со смертью мысли посещали Татьяну. Пироги и салаты нужно еще заказать в магазине «Кулинария», самой стряпать некогда, да и непривычно готовить на столько народу. Хотя сколько народу на поминках будет? Разве что еще соседей позвать...

Миша успел принять на грудь — знал ведь, где у бабы Гали чекушка в буфете припрятана на всякий случай. Так вот, приложился и каяться принялся:

— Мне стыдно в этом признаваться, но меня самого от себя тошнит, я себя ненавижу из-за этой своей беспомощности, ну как так, я же мужчина... Я не знаю, как из этого вылезти, я понимаю, что один не справлюсь...

— Только я тебе тоже помогать не стану, — отрезала Татьяна.

Поздно вечером, когда Миша к Зинке своей отчалил, сын вдруг притулился к Татьяне, она даже вздрогнула от внезапной нежности.

— Мам, как же оно так-то?

— А вот так, что ты поедешь со мной. Я так решила. Ничего, в нашем интернате тоже неплохо учат, тем более тебе всего-то год остался. А там поступишь в институт...

— Нет, мам, я не про то. Как же всё теперь, когда баба Галя еще недавно была, и вдруг ее нет?

— Ой, Вась, ну что ты глупости спрашиваешь, будто маленький. Все мы когда-нибудь умрем, и нас не станет. То есть тело наше умрет, а дела останутся.

Татьяна заметила в самом углу на табуретке таз с замоченным бельем и отметила про себя, что немного же незавершенных дел баба Галя на земле оставила. И еще добавила:

— Вот после бабы Гали ты теперь остался и должен постараться жить так, чтобы ей не было за тебя стыдно.

— Так ведь нет же ее теперь, то есть совсем нет, вот и стыдиться некому.

— Я говорю, не было бы стыдно. То есть, если ты что-то собираешься сделать, хорошенько подумай, что сказала бы баба Галя.

Васька носом ей в плечо уткнулся, и по его вздрагивающим плечам Татьяна поняла, что он плачет.

— Человек до конца не умирает, сынок. — Она гладила его жесткие, упрямые волосы. — Он остается жить в своих близких. Внутри тебя, например. И может, ты что-то успеешь доделать в жизни за бабу Галю, ну, что она сама не успела...

И пока она успокаивала Ваську как могла, в голову лезла всякая ерунда вроде той, что ей же придется достирать за бабу Галю это белье, потому что больше некому...

Хоронили бабу Галю в старом сарафане, проеденном на спине молью, потому что в гардеробе у нее ничего иного не оказалось, только пара фланелевых халатов и этот сарафан. Один халат, конечно, совсем новый был, «нарядный», но не лежать же в гробу в домашнем халате. Куда делось красивое платье с блестками, в котором баба Галя на юбилее гуляла, никто не понял. Ладно, покойница в гробу на спине лежит, так что дырки на сарафане не видно. А халаты баба Галя в самом деле очень любила, даже Татьяну наставляла в свое время:

— Халат — вот это самое ценное. Без него никуда. Ну, еще и ночнушка нужна, да подлинней. В ней когда и до туалета добежишь. Платок на плечи накинул — и дуй вперед.

На кладбище еще случился такой курьез, что соседка Людмила Никифоровна, которая пыталась у открытой могилы религиозные гимны петь, хотя на нее и шикали: «Замолчи, стыд-то какой!» — умудрилась прямо на гроб большой железный крест положить. Вроде как баба Галя в Бога верила — про себя, тихонько, так пусть теперь почиет во Христе с миром. А Татьяна заметила, что крест-то не христианский, а немецкий наградной, еще с Первой мировой, наверное. Но ничего не сказала, потому что как бы там ни было, а баба Галя вроде бы и заслужила награду, если по-простому рассуждать. За Ваську, которого вместо родной матери воспитала, за непутевого сына Мишу, которого тоже тянула как могла, да и просто за всю свою неласковую жизнь. Но только почему так получается, что вроде бы баба Галя все делала правильно — по своему разумению, а жизнь прожила — и что? На прощание и сказать особенно нечего. В голове крутилась казенная фраза: «мелкособственническая идеология»,

то есть баба Галя исповедовала именно эту мелкособственническую идеологию. Как там писал Багрицкий:

Недаром учили: клади на плечи,
 За пазуху суй — к себе таща,
 В закут овечий,
 В дом человеческий,
 В капустную благодать борща.

Именно такой была баба Галя. И сколько ни старалась Татьяна, но сама не испытывала к Галине Ивановне простой благодарности за то, что та Ваську воспитала и что вроде он достойным человеком вырос, потому что баба Галя и его присвоила. Татьяна втайне даже радовалась, что Васька наконец в настоящий дом переедет, то есть в интернат.

— Мам, — после поминок еще спросил Васька, — у меня ведь еще были бабушка и дедушка?

— Какие еще бабушка и дедушка? — Татьяна сперва совсем ничего не поняла.

— Твои родители. Что с ними случилось? Они на войне погибли? Ты никогда не рассказывала.

— Да и рассказывать нечего, — отрезала Татьяна грубовато. — Кулаки они были. Враги советской власти.

— Как?

— Ну, ты уже большой, поймешь. Так вот, слишком хорошо мои родители жили, в достатке, когда крестьяне вокруг голодали. А они хлебом не хотели ни с кем делиться. Тогда у них комиссары конфисковали все до последней крошки, чтоб голодных накормить, а их самих в Сибирь отправили. И там они умерли, я думаю.

— Но разве так можно с людьми?

— Можно. Время было такое, что иначе нельзя было.

— А ты разве не пыталась разузнать, ну, что с ними стало?

— Зачем?

— Ну как... Родители все-таки. Семья, значит.

— Моя семья — молотовский детский дом. Другой не знала, Вася, да и не жалею об этом. А родителей у меня, считай, как не было. Отказалась я от них.

— Как отказалась? Почему?

— Потому что они кулаки, говорю же тебе. А если родители кулаки, меня бы и на учебу не взяли, и в комсомол бы не приняли. Лишенцы — было в анкете такое слово. Понятно?

9.

По радио звучала бодрая музыка и говорили о том, как счастливы советские люди. Об этом вещали каждый день уже много лет подряд, так что невозможно было и думать иначе. Татьяна сама так именно думала,

но вовсе не потому, что так говорили по радио. Она с радостью замечала изменения, которые происходили вокруг. Вот, например, в самом начале осени заменили треснувшую пополам ржавую колонку у перекрестка, подлатали и приподняли просевшее крыльцо интерната, вдобавок шефы привезли целых десять пар лыж, будет чем заняться зимой. И в роно Татьяну Петровну уважали, интернат был на хорошем счету, выпускники в вузы поступали с первого раза.

Только Васька ходил смурной, а на уроках сидел — как будто отбывал наказание. Ей об этом именно так сообщали учителя, что мальчик способный, но на уроках отвечает будто бы из-под палки. И все-то для него было не так: и автобус в город редко ходил, и остановка разбитая, и лужи вокруг интерната такие, что потонуть можно. Да что там лужи! Лужи по осени всегда были, как же без них, и дорога была разбитая, но не хуже, чем в других поселках, и грузовики в грязи буксовали точно так же повсюду.

Жизнь менялась, поселок строился, но очень медленно и несуразно. На месте некогда пышного соснового бора валялись срубленные деревья, ржавеющие рельсы, озеро у берега подернулось мазутными пятнами. Наступавший прогресс калечил природу, сдирал с нее растительный покров, оставляя рытвины и бесформенные скопления глины, брошенные стройматериалы, проволоку, известку. Странно, что Татьяна начала явно замечать безобразие только сейчас, глядя вокруг как будто Васькиными глазами. И все то, что все-таки удавалось построить, выглядело наспех пристегнутым, приваленным к чему-то другому, неуютным и попросту некрасивым.

Прежде ее как-то не волновал общий вид поселкового магазина, то есть не волновал вообще: зашла, купила продукты, вышла. И вот будто впервые она заметила, какое это грязное, низкое и темное помещение с горой деревянных ящичков у дверей, почти заслонявших проход. А еще иногда у входа стояла окровавленная колода с огромным топором, которым рубили мясо. Васька сказал, что она напоминает средневековую плаху. Татьяну передернуло, но с тех пор ей так именно и представлялась эта колода — как будто на ней вот только что кого-то казнили.

Почему Васька замечал вокруг только плохое? Кто его научил? Баба Галя? Но в городе повсеместно были такие же лужи и магазины чистотой не блистали, напротив, по вечерам у гастрономов вырастали огромные очереди. И кино в поселке крутили такое же, как в городе да и по всей стране. В конце концов, должно же и снабжение когда-нибудь наладиться, и все остальное. Совхозы работают, заводы и фабрики выполняют производственный план. Это где-нибудь в Америке безработные ночуют в метро, а у нас безработных нет, все при деле.

Потом Татьяна случайно услышала по радио: чтобы понимать красоту, нужно иметь ее внутри. Выходит, Васька носил внутри себя эту красоту, а она — нет. Но ведь она сама выбрала ему имя. Василий Веселов — это звучало как стихотворение. Красиво.

А читал Василий Веселов исключительно фантастику, ничего другого не хотел читать, даже по школьной программе. Звездолеты, иные миры,

путешествия во времени... Татьяна никак не могла понять, почему он не может удержаться в настоящем времени и в настоящем мире. Неужели современность настолько неуютна, что из нее хочется сбежать?

— Вась, ты сколько ни читай про жизнь на Марсе, а завтра утром все равно проснешься и пойдешь в интернат по лужам, которые тебе так не нравятся. На Марсе, кстати, может быть, такие же лужи, этого никто не знает наверняка.

Васька молчал, уткнувшись в книгу. Он намеревался поступать на исторический. История — это очень хорошо, у нашей страны богатая и славная история, и самое главное, что она творилась прямо на глазах и на памяти простых людей. Вот баба Галя еще до революции родилась. Бывало, выпьет рюмочку и начнет рассказывать, что и при царе неплохо жилось. Отец у нее на заводе работал, известный мастер был, так и года не знала семья, не то что... Татьяна несколько раз заставляла момент, когда бабу Галю приходилось осекать, чтоб не больно-то откровенничала про детство. Потому что детство — оно и на войне детство. В детстве ты ни за что не отвечаешь вообще, поэтому оно и предстает в светлой такой дымке. А Васька что? Он сам недавно из коротких штанишек вырос, что там понимает вообще?

Вторую четверть Васька окончил без троек, даже по биологии получил пять, хотя учительница и жаловалась Татьяне, что-де Вася на уроке пускается в опасные разговоры, будто бы прогресс природную гармонию нарушает, ну, что красиво только там, куда еще человек не добрался, а куда добрался — там именно поваленные деревья, ухабы, проволока, горы извести, ну и так далее. Вась, а как же без этого в космос полетишь? Индустриализация именно призвана построить космический щит родины, придется немного потерпеть безобразия.

Под Новый год в сельпо завезли костюмы. Стандартной модели, но все вполне приличные с виду. Поселковым мужчинам они были ни к чему, некуда было их надеть, а вот выпускнику в самый раз. Интернатские ребята такие костюмы позволить себе, естественно, не могли, а вот Татьяна с премии купила. Костюм уверенности в себе прибавит любому парню. Он как пропуск во взрослый мир. А Васька рослый, крепкий, костюм на нем сидел тюелька в тюельку, нигде ни отнять, ни прибавить. Только Татьяна сама радовалась больше Васьки. Он, конечно, спасибо сказал — и только. Как будто и не ему купили.

Ладно, молодые — они всегда неблагодарные, не понимают еще, как деньги достаются и что на эти деньги купить можно. Если б еще каждый день в сельпо костюмы привозили, а то ведь там такая одежда, что только в огород ходить. Эх, Васька, Васька.

На каникулах Васька отправился в город «к отцу». Если бы тот ему отец был, а то так, недоразумение какое-то. Татьяна все за поселковыми девочками наблюдала, как они кудри выют да в коротких юбочках на танцы бегают, и так ей хотелось им сказать: куда вы, дурочки, так хотите попасть? Замуж? А муж ваш станет водку пить, а потом еще крадю себе заведет из тех, кто попроще. Татьяна давно заметила, что если женщи-

на более-менее культурная, книжки читает, про Анну Каренину какие-то свои мысли высказывает, так муж от нее вскорости сбегает к простой бабе, с которой не нужно притворяться и умные разговоры поддерживать. Взять, к примеру, «англичанку» Софью Абрамовну. Красотка как с картинки, ножки точеные, зубки один к одному, кудри натуральные, только на работу приехала по распределению и через три месяца за электрика замуж вышла. Вроде видный парень, а с каждой получки напиваться стал да еще ее поколачивать — чтобы сильно не зазнавалась. Подумаешь, по-английски разговаривает, а свет отрубят — и куда она со своим английским? В общем, муж только затем и нужен, чтобы у детей отчество было. А воспитать уже можно и без отца.

Татьяна Ваське в город еще десять рублей дала. В кино там захочет сходить или в кафе. Не у отца же спрашивать, да тот и не даст, жадный.

На сей раз Васька как-то быстро из города домой вернулся, каникул еще дней пять оставалось, мог бы в городе погулять, так ведь назад приспичило. Татьяна выспрашивать не стала, что там да почему, но про себя радовалась, что вроде бы привязался сынок к поселку, понял, что и тут можно развлечения найти.

Потом ей сообщили, что Васька перед Новым годом с интернатской девочкой роман закрутил. Надя Мокроносова в девятом классе училась. Ничего особенного вроде собой не представляла. Обыкновенная девочка. Мокроносова, одним словом. Дворянка из семьи алкоголиков. Отец по пьянке в сугробе замерз, а мать на рыбокомбинате работала, потом вроде опять замуж вышла за судомеханика, ну и Надя не нужна оказалась, только под ногами путалась, отправили в интернат.

Вроде бы Татьяна Петровна и сама без родителей выросла, понимать должна ситуацию, да только по-своему она поняла эту ситуацию. А именно: что у нее родители хоть и мироеды были, то правда, только люди они здоровые, от работы никогда не отлынивали, поэтому и она выдюжила в детдоме, упорством брала. Сама, без родителей. А у Надьки мать — сучка мокрохвостая, наверняка Надька всякого успела навидаться в родном-то доме, да какая ж наследственность у дочки? Не ровен час сама к спиртному потянется. Вот тут Татьяне трудовик и вспомнился, недаром говорил, что хорошие у нас ребята, а ведь, не дай бог, сопьются. Нет, в самом деле, пропал же в городе Федя Кошкин, который во всех интернатских спектаклях играл. Такой красивый был парень! В культпросветучилище поступил, а там на первом же курсе повезли студентов на картошку, ну и научился к бутылке прикладываться, в конце года из училища вылетел. Говорят, дворником устроился, ну то дело, хоть воровать не пристрастился. Федя Кошкин. Пример перед глазами.

А тут Васька еще эту девочку в гости решил привести. Испеки, говорит, мама, ватрушку. К нам Надя Мокроносова вечером зайдет. В шашки с ней поиграем и в лото. Ты будешь с нами в лото играть?

Какое лото? Татьяна как смогла отнекалась, что дел много, нужно к новой четверти подготовиться, так что чаю попейте и на кухне потом играйте в свое лото.

Надя Мокроносова с виду очень скромной показалась Татьяне, даже будто немного туповатой девочкой. Ватрушку еще брать стеснялась, сахар в чай класть стеснялась, на вопросы отвечать стеснялась. А всего-то Татьяна ее спросила, кем она хочет стать после школы, куда пойдет учиться. Надя пожала плечами: «Пока не решила». А вот пора бы уже решить и цели своей добиваться.

Васька еще оборвал:

— Мам, ты же не на собрании.

Татьяна рукой махнула и пошла в гостиную читать «Работницу», не знала она, как иначе общаться с этой Надей.

Ну, вроде бы ничего страшного не случилось. Посидели на кухне да и разошлись. Ладно, вот Васька экзамены сдаст, в институт поступит, и закрутится у него совсем другая жизнь. Он про эту Надю Мокроносову и не вспомнит.

Только все равно не спалось Татьяне Петровне, долго ворочалась в постели, чутко прислушивалась к каждому шороху. Акустика в доме такая, что слышно, кто в какой квартире чихнет. К полуночи только утихли звуки, и за окном воцарилась глухая непробудная тишина. Тогда наконец Татьяна провалилась в глубокий колодезь сна, и привиделась ей Галина Ивановна. Никогда ведь не посещала ее, а тут пришла в том виде, как ее похоронили, и с железным крестом на груди.

— А вот, — говорит, как будто только вчера расстались, — я теперь с генералами в одном измерении нахожусь. Потому что считается, будто я на войне погибла, а дырка на спине — это пулевое ранение. Тут на боевые заслуги особо не смотрят, главное, что орден имеется. Железный крест абы кому в могилу не положат.

И такая она вся довольная, улыбается.

— На войне погибнуть не страшно, — рассказывает. — Тут не разбирают, кто виноват, кто прав, всех в одно общежитие селят, потому что делить нам больше нечего. Женщин, правда, маловато. И не поговорить по душам, вот хоть тебе пожалуюсь.

Татьяна аж подпрыгнула на кровати. Приснится же эдакая дрянь! Нужно, что ли, на могилу к бабе Гале съездить.

Поднялась, затопила печь. За окном еще тьма была непроглядная, ни огонька, ни звездочки. Часов шесть, наверное. Уж больше и не уснуть. Вскипятила чайник, позавтракала остатками ватрушки, кисловатой показалась, видно, сахару вчера пожалела. Пожадничала. А все из-за этой девочки Мокроносовой, будь она неладна, разбередила душу...

10.

Печорин находил счастье в издевательствах над людьми и моральных пытках. Никакой он не лишний и тем более не сломанный человек. Разве кто-то калечил его намеренно? Так можно ли безнравственность Печорина ставить в вину светскому обществу? Ну и так далее.

Примерно в этом духе рассуждал Василий Веселов во вступительном сочинении на исторический факультет. Самого сочинения Татьяна

Петровна в руках не держала, но Вася ей подробно пересказал. Так случилось, что за это сочинение Вася получил твердый трояк, и доказывать что-либо приемной комиссии было бесполезно. Преподаватель посчитал, что абитуриент слишком дерзок и что эта его дерзость основана практически на пустом месте, так как, прежде чем выносить собственное суждение, молодому человеку следует Лермонтова прочесть от корки до корки. И не только Лермонтова. Пушкина тоже с Радищевым. А он читал?

Никуда Татьяна Петровна жаловаться не пошла, потому что не может же такого быть, чтобы честное и доказательное сочинение взяли и завалили просто так. Ну, не просто так, конечно, а нужно было своего человека на это место пристроить. Так говорили, по крайней мере, но ведь этого просто не могло быть. Татьяна Петровна не верила. Что же такое получается, товарищи? Кумовство настоящее! Но как же так, при социализме?! Завалил сочинение, по общему конкурсу не прошел, — значит, были на то веские основания. Умей принимать неудачи, не ищи лазейки. Ничего, Вася, отправишься в армию, пару лет послужишь, ума наберешься, а потом на льготных условиях будешь поступать. Может, еще и факультет другой выберешь. Жизнь такая штука, что никак не узнаешь, что там, за следующим поворотом.

Татьяна Петровна пыталась разговаривать с Васей бодрым голосом, хотя к горлу подступало рыдание.

И пышных проводов не хотела устраивать, однако в поселке принято было провожать в армию коллективно, с баяном и водкой, чтобы первые дни после расставания родителям было не так тоскливо. Поставили столы во дворе, соседи пирогов напекли, салатов накрошили, баянист дядя Костя песни наяривал за здорово живешь. Надя Мокроносова пришла вся в кудрях, веселилась, пела вместе со всеми. Вася сказал, будто она писать обещала, да что там эти девичьи обещанья. Уедет ведь — и как отрезали. Ну, это и к лучшему. Какая там любовь в восемнадцать лет?

Веселые получились проводы. Все вокруг твердо верили, что отслужит Василий свои два года, сыновний долг родине отдаст и вернется домой настоящим мужчиной, что и требовалось доказать.

Вскоре первое письмо пришло: «Привет, мама. У меня все нормально, жду присяги. Я очень соскучился, посылаю всем привет. Скажи, что очень жду писем от друзей, и передай мой адрес. Кто хочет мне написать — всем отвечу. Присяга у нас 10 октября, а потом распределят уже по частям. Мама, пришли мне теплый свитер, носки шерстяные, зеленку и еще средство от вшей, а то прямо заели. Ну, пожалуй, и все. Больше не знаю, что писать. Я тебя очень люблю! Я вернусь, обещаю! Подробнее в следующем письме. Целую, твой сын Василий».

Вроде бы ничего необычного Вася не написал, заурядное сыновье письмо, но Татьяна Петровна перечитывала его и слева направо, и снизу вверх. И всякий раз находила что-то новое между строк. Теплый свитер просит прислать — значит, забнет в казарме, а средство от вшей — это уж вообще дело неслыханное. Сколько они в интернате с этой заразой воевали, так ведь побороли в конце концов. А что же в Советской армии вшей победить не могут?

Она отнесла письмо в школу, вслух прочла в учительской и громко повозмущалась этими вшами. Завуч Светлана Игнатъевна даже посоветовала ей написать про вшей в газету, и Татьяна Петровна было загорелась идеей, но передумала. А вдруг сведения дойдут до армейского руководства, тогда ее Васю назовут жалобщиком да еще отправят куда подальше.

Недели через две Василий написал, что адрес у него теперь такой: Львов, воинская часть 3238. Татьяна Петровна еще удивилась, почему такой короткий номер воинской части, обычно же шестизначный, интернатские учителя часто письма от сыновей получали. Но Львов — это хорошо, красивый город, ей рассказывали. Да и на Украине всегда сытней жилось, и овощи свои, и фрукты, весна уже в феврале приходит, так что свитер, может, и не пригодится.

Еще Василий писал, что часть у них не простая, в нее не каждого возьмут, а только самых крепких. Вот форму парадную выдали: синие штаны и фуражку с синим околышем. Выйдешь в такой форме в увольнение — на улице к тебе все относятся с уважением, а шпана брызгами так и разлетается по сторонам. Смешно так выразился: «брызгами разлетается». Татьяна Петровна долго улыбалась этим «брызгам».

Однажды вечером Надя на чай зашла. Ей Вася тоже письмо прислал, и это письмо резануло Татьяну Петровну так больно, как острый нож-финка, все нутро по живому распорол, хотя она и вовсе виду не подала.

«Ты бы знала, как я был счастлив, когда получил от тебя весточку, — писал Вася. — А когда читал письмо, то у меня чуть ли слезы на глазах не выступили. Еще от матери письмо пришло вместе с твоим. Ты бы знала, какой это ценный момент жизни, когда на раздаче писем называют твою фамилию. Те, кому не приходят письма, сразу же меняются в лице, и настроение падает.

У меня пока все в норме, если можно так сказать. Гоняют тут нас, как коней. Когда нас из военкомата забирали, говорили, что мы там будем как кони бегать, но мы даже не предполагали, что это будет именно так. Спортивные занятия у нас как минимум два раза в день — утром и перед ужином по часу.

Это уже четвертое письмо тебе, сколько, интересно, до тебя дошло? Когда будешь писать мне ответ, сообщи обязательно, куда решила все же идти учиться, да и вообще чего интересного, как отдыхаешь и с кем, как праздники отмечаешь.

Письмо это, я думаю, не успеет к твоему дню рождения прийти, хотя мне бы очень хотелось. Каждый раз, когда я ложусь спать, я думаю о тебе и о том, как бы я хотел, чтобы в этот момент ты была рядом. Да уж, тяжело это, жить одними мечтами, по крайней мере на ближайшее будущее, а остальное зависит только от тебя. Как же хочется посмотреть в твои глаза и произнести, что я тебя очень люблю.

Передавай всем привет от меня огромный, скажи, пусть пишут, обязательно отвечу. Сейчас времени, правда, нет, чтобы писать, только если по ночам, и раз в неделю бывает у нас час солдатского письма».

— Ну, и куда же ты, Надя, надумала поступать? — спросила Татьяна Петровна, едва совладав с дрожью в голосе.

— В педагогический. Я хочу быть такой, как вы.

— Да? — Признание её все-таки польстило. — И какой же предмет ты хочешь вести?

— Я хочу работать в начальных классах. Чтобы все сразу преподавать — и письмо, и математику. Чтобы быть для ребят любимой учительницей!

В глазах ее при этом вспыхнули искорки, а лицо сделалось просто милым.

— Наверное, это правильно, — уже спокойно ответила Татьяна Петровна. — Я тоже начинала как учительница младших классов, и дети меня очень любили.

Ей вспомнилось, как однажды они с ребятами ездили смотреть кроликов в подшефный совхоз. Дети думали, что кроликов разводят просто так, ради забавы, а потом им сказали, что кроликов забивают ударом по голове, шкурки снимают и шьют из них шубы и шапки. И все дети от этой новости дружно ревели. Не надо было им рассказывать, в самом деле. Потом бы узнали как-нибудь.

Татьяна Петровна глубоко вздохнула. Надя поняла ее вздох так, что пора уходить.

Осень хлынула злыми дождями, не оставлявшими никакой надежды на малейшие проблески солнца. Интернатские будни спасали. В заботах о мелком ремонте здания, бытовом обустройстве молодых учителей, приехавших по распределению, горячем питании воспитанников и работе в подсобном хозяйстве самая острая тоска приглушалась, и каждое новое утро Татьяна Петровна велела себе не раскисать, держаться прямо, корректировать учебные планы, распекать нерадивых учеников, вести собрания так, как если бы перед ней сидел не десяток учителей, а взвод бывалых бойцов. И все-таки в потаенной глубине неустанно пульсировало: Вася. Где-то там есть мой Вася.

Она пробовала вспомнить его маленьким, как смешно он мотал головой, пытаясь присосаться к ее груди, какие у него были шелковые розовые пяточки и крошечные ручонки. Почему она так легко оторвала его от себя, оставила бабе Гале? Могла ведь и не оставить. Ну, помыкались бы немного в сырой интернатской комнате на сквозняках. Вокруг все так живут — и ничего, закаленные вырастают дети.

А дождь все шел, монотонный и уже нестерпимый, как зубная боль. Из-за этого дождя на небе не бывало луны, и тем мрачней и невыносимей становились одинокие вечера. Татьяна Петровна писала Васе долгие письма, рассказывая о каждом своем дне вплоть до мелочей, даже советуясь по каким-то бытовым вопросам, хотя от него письма приходили самые обычные, без затей: привет, мама, я не хвораю, стреляю метко, подтягиваюсь сто раз и даже научился крутить «солнышко» на турнике. И она понимала,

что Вася вовсе не скучает по ней, по своей прежней жизни, напротив: каждый день приносит с собой что-то новое, он учится многому — не сухой науке, а самой настоящей жизни. Скучает ли по своей Наде? Ну, ему еще придется набить свои шишки, насильно-то не отвадишь.

Гармонист дядя Костя, который жил возле самого интерната, взялся разучивать какой-то новый сложный мотив. Начиная звонко, мастеровито, и музыка лилась бодро, как струя молока в подойник, но вдруг проскакивали в игре фальшивые нотки, и тогда Дунай, пес дяди Кости, принимался отчаянно выть. Этот его вой, протяжный, надрывный, пробирал до самых костей, особенно гадко становилось в сырые промозглые вечера, когда ветер в трубах завывал в унисон, и ничего с этим нельзя было поделать, потому что дядя Костя в поселке был уважаемым человеком.

К декабрю наконец рухнул снег, в одну ночь похоронил под собой раздолбанную колею центральной дороги, щербатые крыши, голые палисадники, указательные пальцы печных труб, нацеленные в самое небо, уличную грязь и опустевшие птичьи гнезда, покинутые до весны. Татьяне Петровне так все представлялось, что когда птицы спешно покидают насиженные места — это они массово эвакуируются, потому что даже люди к каждой новой зиме готовились, как к войне.

Интернатский сарай нужно было насытить дровами. Для этого во дворе выстраивалась цепочка воспитанников, по которой расколотые поленья передавали в самое чрево. «К отопительному сезону готовы!» — рапортовали заголовки абсолютно всех газет, а люди все пилили, кололи, укладывали дрова в аккуратные поленицы, и кто-то сказал девчонкам, что если из середины поленицы вытащить полено и оно будет гладкое, без сучков, то и муж случится добрый и красивый, а если сучковатое, то вспыльчивый и злой. Девчонка одна расстроилась до слез, когда вытщила свое полено — не просто сучковатое, но еще и с бурым пятном в сердцевине, будто с червоточиной. Вот уж слез-то было. А еще комсомолка. Ты что же, Тося, бабьим рассказням веришь. Мало ли что там в старину говорили, темные люди-то были, даже в оживших покойников верили. Которые в саване сидят на кладбище и глупых девиц поджидают. Ну, дурочка ты моя!

Так уговаривала девчонку Татьяна Петровна. А когда все разошлись, взяла да и сама вытянула полено. Просто так, шутки ради. Замуж она больше не собиралась, какое там! Полено ей попалось березовое, кривое. Мало того — сучковатое, так еще пуля в нем застряла крупнокалиберная, медведя уложит. Охнула невольно да и закинула это полено подальше, с глаз долой. Хотя, конечно, это был очень глупый поступок. Следовало бы его утилизировать. Попадет такое полено в печь — пуля жажнет и на месте убьет. Пошла за сарай, подобрала это кривое полено, чтобы отдать завхозу.

На Новый год Татьяна Петровна испекла ватрушку, чтобы хоть как-то отметить праздник, пригубила вина. На улице молодежь кричала и веселилась, соседские собаки сходили с ума, кто-то распевал во все горло:

«Когда весна-а придет, не зна-аю...» Конечно, ей не спалось. Татьяна Петровна села писать Васе очередное длинное письмо и сама прослезилась между строк, до того душевно вышло про новый, 1968-й, который будет лучше предыдущего. Ведь так и должно быть, что год от года в нашей стране становится только лучше и лучше. На днях новые книжки завезли в сельпо, я купила для тебя Брэдбери, «Вино из одуванчиков», из интереса сама перелистала и увлеклась. Оказывается, Брэдбери не только фантастику пишет, а еще и очень интересно размышляет о самых простых вещах. О том, что вино хранит в себе прошедшее время, те события, которые случились, когда люди делали это вино. «Вино из одуванчиков. Сами эти слова — точно лето на языке. Вино из одуванчиков — пойманное и закупоренное в бутылке лето». Потрясающее открытие. Выходит, что черничное варенье, которое я сварила в прошлом августе, — это пойманное в банку лето 67-го, когда ты еще был дома. Теперь я буду смаковать это варенье буквально по ложке в день, чтобы продлить ушедшее лето. А помнишь, как на пятидесятилетие Октябрьской революции писали письма потомкам? Некоторые я помню наизусть: «Вам, живущим в XXI веке, наверное, не в новинку полеты землян на другие планеты. Вас не удивит сообщение о строительстве города где-нибудь на Венере, мы же только мысленно заглядываем в ваше настоящее. Но мы гордимся тем, что живем в эпоху покорения космоса, что мы — современники первопроходцев». А еще было одно смешное такое письмо: «Мы мечтаем о коммунизме, о том времени, когда можно есть бесплатно мороженое и ходить в кино, когда уроки за нас будут делать машины, а учителями станут терпеливые роботы». Представляешь, через пятьдесят лет такие же ребята найдут и вскроют эти капсулы и как будто бы попадут в прошлое! А ты все мечтал о машине времени. Письма — вот настоящая машина времени...

Капсулы с письмами в будущее замуровали в нише памятника Ленину на центральной площади поселка до лучших времен.

Вьюги крутили снежные завитки, заносили дороги, отрезая поселок от внешнего мира, и такая злоба слышалась в долгом завывании ветра, что хотелось, как в детстве, залезть с головой под одеяло и забыться, заснуть до самой весны.

Из-за снежных заносов дверь во двор не открывалась с утра, и тогда с трудом удавалось просочиться в щелку. Интернатских детей не отпускали гулять: играйте в спокойные игры! И они рисовали, клеили поделки, ребята постарше пропадали в столярке, а девчонки шили. Надя Мокроносова однажды сказала Татьяне Петровне, что в интернате гораздо лучше, чем в обычной школе, потому что здесь не важно, кто как одет, и это как раз важно. То есть дома ей форму покупали на вырост, вперед на три-четыре года. И сперва эта форма на ней висела мешком, а через год на локти уже приходилось ставить заплатки. Все девчонки в сентябре щеголяли новыми платьями, а Надя ходила в старье, и это было ужасно.

— Ну, милая, есть вещи и пострашнее заплаток, — ответила Татьяна Петровна и подумала, что интернат вообще — правильная вещь, прича-

ет ребят к коллективизму. Это в семье всякое случается: пьет отец и мать поколачивает, а ребенок все это видит. Иногда до того полудикие дети в интернат поступают, что им вилка в диковинку. Пытаются сосиску подцепить на ложку. Впрочем, сосисок они тоже не видели, дома ели одну картошку и квашеную капусту. Ну, еще кильку в томате родители покупали...

11.

С утра 21 августа радио плевалось гневными словами. «Подрывная акция Запада», «попытка расколоть социалистические страны», «товарищ Брежнев выступил с речью», «Александр Дубчек», «войска СССР, Польши, ГДР, Венгрии и Болгарии», «установить полный контроль»... Татьяна Петровна плохо понимала, что случилось, вернее, просто не брала в голову. Наскоро позавтракав, побежала в интернат. В учительской педагоги с бледными сосредоточенными лицами жались по углам в такой же растерянности, как и она сама, а историк Михаил Филимонович вещал, задрав вверх бородавчатый палец, что чех Александр Дубчек говорит о каком-то социализме с человеческим лицом, будто бы до сих пор это самое лицо было звериным. СССР блокировал аэродром в Праге, высадив семь или даже восемь отрядов десантников, которые дадут прикурить этим чехам. Чехи — ребята трусливые, он это еще на войне понял. Почему, думаете, фашисты не разрушили Прагу? Потому что чехи и не думали сопротивляться. Какие они вояки? Вот поляки сражались...

Татьяну Петровну слегка кольнула тревога: а вдруг Михаил Филимонович говорит что-то непотребное? Чехи — трусливые ребята, так получается? Но они же с нами в одном социалистическом лагере... Нет, в самом деле, какого еще социализма им надо? Говорят, в Чехословакии несколько сортов колбасы в открытой продаже. Валентина Максимовна, биологичка, рассказывала. У нее сын в Прагу на какой-то конгресс ездил, так вот сказал, что чехи якобы рыбу не едят, потому что мяса в магазине навалом. А вот пожили бы эти чехи денек-другой на молотовском интернатском пайке: пять граммов сахара, десять граммов масла, тринадцать граммов лапши, еще сколько-то граммов муки и крупы, — тогда бы поняли, что такое социализм и что такое коллективный дух.

Коллективный дух в интернате, по правде говоря, был так себе. Пахло подгоревшей едой, прогорклым маслом, не очень свежим бельем, в спальнях для учеников начальных классов откровенно разило мочой. Дети в интернат поступали нервные, писались, страдали экземой, диатезом, и все попытки поддержать гигиену оканчивались плачевно, потому что многие воспитанники попросту не понимали, зачем каждое утро чистить зубы и раз в неделю менять белье. К старшим классам выравнивались, пытались навести красоту, подстричься по-взрослому, даже шили себе брюки клеш. Татьяна Петровна знала, что никакими репрессивными мерами порядок в интернате не поддержать, нужна ежедневная кропотливая работа по исправлению и воспитанию души... Вот и слово это опять вынырнуло: душа. Но ведь у человека нет никакой души...

Татьяна Петровна очнулась. Михаил Филимонович все еще говорил о советских танках в Праге. Однако предстоящий учебный год никто не отменял, и нужно было утвердить расписание на первую четверть, ввести в курс дела молодых специалистов, которые прибыли по распределению, в том числе новую математичку. Вроде бы она физмат окончила с красным дипломом, а с виду ну чистая дурочка с веснушками. Татьяна Петровна покачала головой. Привести в порядок спальни, постелить чистое белье, возле каждого умывальника положить мыльницу с хорошим куском мыла, развесить полотенца...

Она любила эти последние дни лета. Отнюдь не за редкое тепло и щедрый урожай ягод. Она готовилась встретить учеников — старых и новых, принять в свою большую семью. Эти слова, стершиеся от употребления все, как медные пятаки, для нее были исполнены смысла. Она не лукавила, называя интернат семьей, с чистым сердцем на торжественной линейке произносила: «социалистическое общежитие», «моральный облик строителя коммунизма», «передовой отряд советской молодежи», имея в виду комсомол, хотя в комсомол принимали уже практически всех, кроме самых отпетых негодяев. Но они тоже имели шанс на исправление...

Татьяна Петровна решила, что в этом году на торжественной линейке обязательно скажет пару слов о Советской армии, стоящей на страже завоеваний социализма.

Писем от Василия вот только не случалось уже давненько. Последнее пришло в начале августа и не содержало в себе ничего необычного: привет, мама, я жив-здоров и т. д. Если в сельпо завезут другие книги Брэдбери, обязательно купи. Вернусь — буду читать запоем...

Буду-читать-запоем, буду-читать-запоем... Фраза привязалась к ней и не отпускала, почему-то отдаваясь в голове перестуком колес, как будто Василия могли отпустить в отпуск или уже навсегда по какой-то невысказанной причине, и вот он ехал в поезде дальнего следования, а поезд, выдыхая пары, мчался вперед, как оголтелый, боясь выскочить из расписания.

Так прошло две недели в хлопотах первых учебных дней, и вот в среду, четвертого сентября, когда Татьяна Петровна после уроков переругивалась в интернатском коридоре с завхозом по поводу маляров, которые оставили по углам комья извести, на лестнице появился незнакомый военный, офицер. Приблизившись, он приложил руку к козырьку, представился как майор Буйнов и поинтересовался, может ли поговорить с Татьяной Петровной Веселовой.

— Да, это я, — ответила она нейтрально, не успев вынырнуть из перепалки с завхозом.

Майор Буйнов прокашлялся в кулак и выдал по-военному четко:

— Татьяна Петровна, гроб с телом вашего сына Василия Веселова прибыл в поселок гужевым транспортом. Расходы на захоронение берет на себя штаб военного округа. Приносим вам искренние соболезнования.

Татьяна Петровна не поняла, почему завхоз бросился к ней и подхватил под руки. Да что такое случилось? Отбившись от завхоза, она спросила:

— Что еще за гужевой транспорт, товарищ майор? И почему гроб с телом... с телом...

Мгновенно побледнев и сделавшись блее свежей известки на стене, она рухнула на пол.

Двадцать четвертого августа Василий был убит в Праге выстрелом в голову, поэтому вернулся на родину в свинцовом гробу, который доставили со станции колхозной лошадью — грузовик в тот день находился в ремонте. Татьяна Петровна мучилась одной очень странной мыслью: как же Васеньку похоронят в казенной одежде. Может быть, попросить вскрыть гроб и надеть на Васеньку выпускной костюм? Он так ладно на нем сидел... Татьяна Петровна сказала об этом майору, но тот ответил, что вскрывать гроб категорически нельзя.

— Почему?

— Санитарно-гигиенические нормы не позволяют.

На похороны приехал отец, Михаил Веселов, но даже не подошел к ней, только водку глушил прямо из горла. Плакал и к бутылке то и дело прикладывался: «Сынок, сына. Как же ждал тебя. Как надеялся, что простишь...» И слезы вытирал рукавом пиджака. Потом его увели куда-то.

Из ближайшего гарнизона прислали четверых солдат, которые вырыли могилу и опустили в нее гроб с телом Васеньки. Татьяна Петровна поочередно подошла к каждому и спросила, а вот откуда известно, что в гробу именно Васенька? Вдруг там лежит кто-то другой? Майор Буйнов сухо отрезал:

— По документам Василий Михайлович Веселов. Других сведений не имею.

Потом в школьной столовой справляли поминки. Были чьи-то соболезнования, слезы и объятия. А потом вдруг наступила полнейшая тишина и какой-то странный покой. Бесчувствие. Без тоски по Васеньке, без боли потери и тоски расставания, без чувства вины за то, что была для него почти чужой матерью, без громких рыданий, да просто без слез. В ней как будто истаяли абсолютно все чувства, вот как возле печки тают кусочки льда, налипшие на валенки. Раз — и нет.

Татьяна лежала, уставившись в потолок, и повторяла про себя: «Это я умерла. Меня больше нет». Хотелось щелкнуть выключателем и отрубить навсегда остатки своего бытия, чтобы больше ничего не видеть и не слышать, не двигаться, не дышать.

На тумбочке возле кровати осталось надкушенное яблоко. Со странным злорадством Татьяна заметила, как поврежденный бок покрылся рыжим налетом, тление поразило яблоко и буквально на глазах поглощало спелый плод. Все вокруг стремится к распаду, смерти. Так действует второй закон термодинамики: чтобы поддерживать жизнь в мире, необходимы ежечасные усилия по возобновлению тепла и порядка, но ей не хотелось двигаться. Печь окончательно выстыла, каждый выдох клубился паром в сумерках пустой квартиры. Ну и пусть. Вскоре прервется и это дыхание, и никто не помешает ей умереть в своей холодной постели.

Утро ударило в окошко густым медово-желтым лучом, высветило на тумбочке морщинистое потемневшее яблоко, медленное умирание плода порадовало ее, как будто яблоко принимало ее смиренный уход, они были заодно. Татьяна утвердилась в своем правильном и честном решении. Все остальное — интернат, коллеги, ученики, сама жизнь — сделалось совсем не важным, потеряло цвет и превратилось в карандашный эскиз на белом ватмане дня, и этот эскиз можно было взять и стереть простой ученической резинкой.

Ей хотелось пить, но она не нашла в себе сил, чтобы встать и дойти до кухни. Она смотрела на яблоко. Еще вчера яблоко издавало терпкий аромат, первый налет ржавчины только усиливал запах самой жизни, но уже сегодня потянуло гнилью, и Татьяне это понравилось. Над яблоком клубились мелкие мошки, взявшиеся неизвестно откуда, будто родившиеся из этой гнили. Мошки роились возле самого ее лица, но она не хотела даже поднять руку, чтобы отогнать их.

Ее затянуло солнечное блаженное забытие, и она обрадовалась, когда в комнату вошел Васенька и присел возле печки, чтобы развести огонь в остывшем зеве.

— Васенька, — позвала она, — тебе же сюда нельзя, ты умер.

Но Васенька ей не ответил.

Тогда она все-таки поднялась и на деревянных ногах приблизилась к нему, осторожно погладила ежик его упрямых волос. «Но вот же я не сплю, — во сне решила она. — Я трогаю рукой его волосы, и они колют мою ладонь, так во сне не бывает».

В этот момент она очнулась в своей постели и наконец ощутила, до чего же вокруг холодно. Ночной заморозок прихватил стены, вода в ведре обожгла холодом, однако она все же зачерпнула ее ладонью и брызнула на лицо.

Нужно было одеться и, наверное, выйти на улицу.

Только дней через десять она впервые ощутила вкус еды. Неожиданно обнаружила, какой отвратительно склизкой перловкой кормят детей в столовой. Ее чуть не вырвало прямо в тарелку. Прикрыв рот ладонью, Татьяна бросилась вон, к помойному ведру в коридоре, и ее вывернуло на глазах у воспитанников. Едва переведа дух и выпустив быстрое «простите», Татьяна выскочила на улицу.

Холодный сентябрьский воздух освежил голову.

Неожиданно ранние заморозки прихватили еще сочную изумрудную траву и деревья, которые все никак не хотели сдаваться и сбрасывать листву. Ни проблеска желтизны, ни красного кленового листика на дорожке — лето в том году выдалось долгим и жарким, птицы, подсуетившись, успели высидеть два выводка потомства на всякий случай, едва оперившиеся птенцы теперь спешно готовились к перелету. А потом кто-то как будто взял и отрубил тепло, радость и птиц. Пернатые затихли в своих гнездах в испуге от резкого холода, инея и ледка на лужах.

Татьяна бесцельно брела вперед вдоль стены, завернула за угол. Тишина и тоска слились в один клубок, как будто она совершенно оглохла. Внезапно сквозь эту тишину прорвался резкий высокий возглас. Так могло кричать живое существо, от отчаяния призывая на помощь кого-нибудь, кто оказался рядом. Татьяна вздрогнула. Звук повторился. Она остановилась и, оглядевшись, заметила в траве под тополем какое-то движение.

В траве сидел, растопылив крылья по сторонам, подрошенный птенец дрозда. Он был размером как взрослая птица, но брюшко еще отличало желтизной. Птенец изо всех сил пытался взлететь, бил крыльями, но у него ничего не получалось, и он растерянно озирался по сторонам, испуская пронзительные вопли. Она приблизилась к птенцу, но он не отреагировал. Скорее всего, он еще не представлял себе всей опасности, которой подвергался на земле. Первая же кошка задерет его просто из любопытства. Татьяна протянула к птенцу руку, взяла в ладонь. Она знала, что иногда птицам бывает сложно взлететь с земли, их нужно легко подтолкнуть вверх. Татьяна потрясла ладонью, но птенец только сильнее вжался в нее. Вероятно, он слишком сильно ударился о землю, попытавшись вылететь из родного гнезда. Тельце его пошатывало даже при безветрии, желтые глаза блуждали по сторонам. Он выглядел слишком беззащитным в огромном мире, о который только что разбился. И от этого зрелища такая горечь внезапно подкатила изнутри, что Татьяна громко, почти на рыдании, вздохнула. Птенец вздрогнул, попытался расправить крылья, вытянул шею, но уже не в силах был закричать, а в следующее мгновение уронил головку и застыл, сложив крылышки. Он умер.

Тогда Татьяна впервые за долгое время смогла заплакать. Она вспомнила, что ей горько не от зрелища мертвого птенца, а совсем по другой причине. Резкая боль пронзила нутро, и она закричала — оттого, что все раз и навсегда кончилось.

К ней вызвали фельдшера. Он сказал, что, если хочется плакать, это хорошо. Значит, нужно плакать. Кричать. Жаловаться. Можно даже выть. Все будет лучше. Лучше, чем полное бесчувствие.

12.

Осенью 1973 года в роно был однодневный семинар для директоров сельских интернатов и школ. Семинар закончился в четыре часа, а автобус с автовокзала уходил только в половине седьмого, нужно было где-то скоротать два с половиной часа. Она наскоро перекусила в служебном буфете, кормили там неплохо, но она почему-то стеснялась есть при посторонних людях. Можно было бы, конечно, прогуляться по городу, но погода была ветреная, сырая, а ее как раз угораздило одеться не по погоде — легкий плащик и платочек в горошек. С утра солнце светило, даже думать не хотелось о том, что погода испортится, и вот пожалуиста.

Поеживаясь от ветра, она пересекла улицу по направлению к книжному магазину и некоторое время скоротала там между полок, но потом

заметила, что продавщица с высоко взбитой прической очень внимательно за ней наблюдает, и Татьяна Петровна, стусевавшись, поспешила за дверь. Вдруг еще подумают, что она хочет украсть книжку? Стыд-то какой. Татьяна Петровна вообще неуютно чувствовала себя в городе, среди чужих людей. Она понимала, что по большому счету никому здесь не интересна, даже в роно от нее требовали исключительно планы и отчеты по этим планам, иного просто не спрашивали. А зря. Она бы рассказала, какой замечательный праздник они готовят к седьмому ноября, какие костюмы удалось сшить для интернатского хора и как девочки исполняют русский танец — это ж настоящее загляденье!

Уткнув нос в воротник плаща, она направилась в сторону автовокзала, надеясь пересидеть оставшееся время в зале. Там, по крайней мере, было тепло и торговали пирожками с капустой.

— Татьяна Петровна! — неожиданно окликнул ее звонкий высокий голос.

Она вздрогнула, огляделась по сторонам... Дорогу ей преградила женщина с коляской, в модном голубом пальто.

— Татьяна Петровна! Вы не узнаете меня?

Может, это бывшая ученица? Нет, Татьяна Петровна действительно ее не узнавала.

— Я Надя. Надя Мокроносова. То есть теперь Егорова.

Надя? Ну да, конечно, это была Надя Мокроносова. Только без подсказки Татьяна Петровна точно бы ее не узнала. Надя округлилась и коротко подстриглась. Нежный газовый шарфик, повязанный вокруг шеи, трепетал на ветру.

— На-дя. — Она не могла скрыть искреннего удивления. — Наденька, да какая же ты стала красивая! Дай-ка я обниму тебя, Наденька.

Она не могла сдерживать слез, хотя знала, что ей не следует, никак нельзя плакать. Она ведь каждое утро убеждала себя в том, что она сильная, что сможет преодолеть еще и этот день, что в ее жизни все равно остается радость...

— Татьяна Петровна, да что вы! Успокойтесь, вы только не плачьте, пожалуйста. Я так рада вас видеть, вы себе даже не представляете.

Татьяна Петровна наконец совладала с собой и, насухо утерев слезы платочком, сказала:

— Надя, а у тебя в коляске ребеночек! Ты замуж вышла?

— Да, представляете! И вот дочке уже целых десять дней. Я ее Танюшей назвала в вашу честь.

— Ой, правда? Наденька, да ты моя дорогая! — Она опять обняла девушку, от нее так хорошо веяло юностью, здоровьем, надеждой. — А можно я взгляну на девочку? Не бойся, у меня глаз хороший.

— Конечно, она у меня настоящая красавица!

Надя откинула уголок одеяльца. Маленькая Танечка сладко спала, сложив бантиком крошечный ротик, в неведении, что окружающий мир бывает жесток и несправедлив...

— А муж у меня моряк, — похвасталась Надя. — Подолгу, правда, в море уходит, зато потом я на него надышаться не могу. Вот, пальто мне привез и сережки подарил за Танюшку... Ой, Татьяна Петровна...

— Что?

— А это ничего, что я такая счастливая?

— Наденька, ну какие глупости спрашиваешь. Даже не думай. Я очень за тебя рада. В конце концов, человек ведь и рождается для счастья.

И она еще долго смотрела им вслед — как они удалялись вниз по улице, и теперь даже не замечала сырого холодного ветра, который продувал насквозь ее плащичек. Ей было удивительно хорошо в эту минуту и потом, уже на автовокзале, где полы вместо уборщицы подметал сквозняк — сырой поток воздуха гонял по грязному полу бумажки и обрывки пакетов.

А в интернате тем временем случилось ЧП. Мальчишки разбили окно в кабинете на первом этаже. Огромная дыра зияла на полстены, такое большое стекло еще попробуй достань. Столяр посмотрел, сказал, что сможет застеклить только половину, а вторую половину придется забить досками, ну временно, конечно, а там что-нибудь придумаем.

Хулиганов поймали. Ими оказались второклассники Мещеряков и Копейкин. Последний вообще был в интернате на самом плохом счету, хотя определили его сюда только в начале учебного года, из обычной школы перевели, потому что он и там успел разбить все, что можно. Матери у него давно не было, отца только водка интересовала. Зачем ему этот довесок? Вот и отправили Копейкина в интернат как абсолютно безнадежного человека. А он с виду Копейкин и был: такой маленький, что в карман засунуть легко. Однако в первый же день на учительском столе журнал обоссал, чтобы чернила расплылись и его двойка вместе с ними. Учительница кричала: «Не буду я учить Копейкина. Вот хоть режьте — не буду». Никто, конечно, ее резать не стал, в другую параллель Копейкина перевели, там учительница поостроже была. Ей достаточно только из-под очков на класс взглянуть — и все, как мыши, сидят тихонько.

Вдобавок Копейкина мучила экзема, да такая, что смотреть больно — руки по локоть в коросте и возле ушей парша. Вот Мещеряков и стал над ним издеваться, обзывал шелудивым. Подрались на перемене, Копейкин хотел от супостата в окно сбежать, раму на себя дернул, да силы не рассчитал. Тяжеленная рама по инерции в стенку ударила, стекло — вдребезги. Крику было много, битое стекло по всему полу, вдобавок Копейкин все-таки из окна на улицу сиганул, коленки и ладони в кровь разбил. Плакал.

В директорском кабинете он уже не плакал. Сидел такой маленький и безмолвный, с перебинтованными ручонками, уперто смотрел в пол. Татьяна Петровна, которая вроде бы должна была пригрозить Копейкину отчислением из интерната, тоже молчала, потому что Копейкин вызывал единственно жалость с нехорошей примесью гадливости — тоненькая шейка его, выдерживавшаяся из ворота, была покрыта красноватой

коростой. Наверняка Копейкина изводил постоянный зуд. Куда такого отчислишь? Разве что в другой интернат, для трудновоспитуемых, а от туда у Копейкина один путь — в детскую колонию, потому что никого это заведение для трудновоспитуемых не перевоспитывает, а колония тем более.

Татьяна Петровна, прокашлявшись, взяла со стола папку с личным делом ученика. На папке было аккуратно выведено чернилами: «Копейкин Василий Михайлович, г. р. 1965».

— Василий Михайлович? — неожиданно для себя повторила вслух Татьяна Петровна. Конечно, она и прежде знала, что Копейкина зовут Вася, но сегодня вдруг его имя будто повернулось к ней новой гранью.

— Я Василий Михайлович, ну и чё? — Копейкин оторвал взгляд от пола.

— Какое у тебя, оказывается, длинное красивое имя. А знаешь, Василий Михайлович, я тоже была в детстве сперва очень маленькой, и меня все вокруг звали Танькой, а потом вдруг однажды назвали Татьяной, и я сразу за одно лето взяла и выросла.

— Ну и чё? — сказал Василий Михайлович.

— А то, что ты, Вася, однажды тоже вырастешь. И станешь большим и уважаемым человеком.

— Чё, правда? — Копейкин спросил с большим удивлением, а потом вдруг расхохотался. — Нет, в самом деле? Или вы чё, так шутите? Ну вы даете, Татьяна Петровна! А-ха-ха.

— Ты напрасно смеешься, Василий Михайлович, давай я тебя буду так называть, чтобы ты поскорее вырос.

— Чё, правда вырасту?

— Это я тебе обещаю совершенно точно: ты обязательно вырастешь.

Татьяна Петровна понимала, что ведет себя абсолютно непедagogично. Она сошла со своего директорского пьедестала, она не стала ругать Копейкина. Василия Михайловича. Отчасти еще потому, что все вокруг только и делали, что ругали его, и он сам давно не обращал на эту ругань никакого внимания. Более того — возможно, он для того и пакостил всем вокруг, чтобы на него наконец обратили внимание.

— И вот что еще я тебе обещаю, Василий Михайлович, — продолжила она очень серьезно, как будто говорила со взрослым. — Я не стану отчислять тебя из интерната. Хотя все учителя только этого и ждут, по правде говоря. Потому что считают тебя человеком отпетым, конченным то есть. — И опять она поступила чрезвычайно непедagogично. Нельзя же вот так прямо заявлять ребенку, что он человек отпетый.

— Ну и отчислите, мне-то чё, хуже будет? — огрызнулся Копейкин и чуть было не ругнулся, но прикусил язык. — Ну и пожалуйста. Не одна ли малина, в каком интернате...

— Послушай, Копейкин, я оставляю тебя в интернате под свою личную ответственность, понял? — Она слегка повысила голос.

— А вам-то чё, больше всех надо? — Копейкин опять чуть не выпустил изо рта ругательство. — Такая добренькая, да?

Коллеги потом именно так и спрашивали: «Татьяна Петровна, а вам это надо?» — именно возиться с этим Копейкиным, как с наследным принцем. Задания по математике с ним выполнять, по двадцать пять раз повторять одни и те же правила, пока он наконец не поймет и не усвоит это все, дальше — ни шагу. Спешить некуда.

Так Копейкин и таблицу умножения усвоил, и навыки устного счета, и приемы запоминания. Он даже научился рисовать геометрические фигуры от руки. И хотя Копейкин утверждал, что «в гробу видел эту вашу сраную математику, больших денег у меня никогда не будет, а мелкие я и так подсчитаю», Татьяна Петровна упорно забирала его после уроков в свой кабинет и там между третьей и четвертой задачей мимоходом выспрашивала всякие житейские мелочи, как с ним обращался отец, не бил ли. Бил, конечно, как же без этого. Других методов воспитания не знала семья Копейкиных. Но Васе нравилось, когда отец возвращался домой навеселе. В подпитии он добрым делался, сидел на кухне и плакал, что никудышный он человек, заработать прилично не может, а все почему? Потому что фамилия у него такая — Копейкин. И ты, Васька, Копейкин, а значит, будешь таким же нищепродом, учиться тебе вовсе незачем, что толку-то, когда заработать все равно не дадут трудящемуся человеку. Представляете, у нас дома даже радио не работает... Ну и так далее.

Вот тут-то, на этом открытии глубинных причин нищеты и безобразия в семье Копейкиных, впервые царапнула Татьяну Петровну одна простая мысль.

— Вась, а ты по дому скучаешь? — спросила она.

— Мне и тут неплохо, — буркнул в ответ Копейкин, но больше ничего не сказал, хотя на самом деле сказал очень много. Если тут неплохо, то есть хорошо, значит, там...

Татьяна Петровна даже помотала головой, скидывая морок. Стоило ли обольщаться? Копейкин был очень сложный ребенок, который ни минуты не мог сидеть спокойно, раскачивался на стуле, крутил головой, а засыпая, сосал кончик простыни — так рассказывали нянечки.

Вторая четверть подходила к концу, на носу были новогодние каникулы, и Татьяна Петровна размышляла с оттенком ужаса, как же теперь Копейкина отправить домой на каникулы, к пьянице папаше, который опять его бить начнет, естественно. У мальчика экзема почти прошла, остались на локтях небольшие бляшки — Татьяна Петровна справилась в интернатском медпункте... Экзема у Копейкина, может, от такой жизни и возникла, а потом вследствие экземы — агрессия против всего мира, такое случается, она читала в журнале «Здоровье». Нагрнуть, что ли, домой к Копейкину со школьной проверкой? Увидеть все собственными глазами? А что, в обычной школе учителя начальных классов ходят по домам, смотрят, есть ли у ребенка нормальные условия для учебы... Боже, что за мысли лезут в голову. Кому сказать, так ведь решат, что совсем с ума сошла Татьяна Петровна, чтобы из-за какого-то сопляка... Да и травить потом наверняка начнут директорского любимчика, дети такие, они фаворитов на дух не переносят.

Хотя больше всего на свете Татьяне Петровне хотелось обнять Копейкина, погладить упрямый ежик его волос. Теперь она как никогда прежде остро переживала, что ей попросту некого обнять. Она могла подружески взять ученика за плечи, но не более того. У нее не осталось в мире ни одной родной души, вообще никого, кто бы нуждался в ней, как и она в нем. Для всех она была только директором интерната, а ведь ей едва перевалило за сорок. Она вздрагивала, если дети на улице кричали: «Мама!» Слово отдавалось в голове двумя болезненными ударами молоточка. «Мама!» — никто никогда больше так не окликнет ее, но ведь и она сама никого так не называла. Мама — какое хорошее детское слово, тягучее и сладкое, как сгущенка.

У Копейкина тоже не было мамы. И теперь она понимала, что дети, лишенные материнского тепла и участия, в самом деле неласковые. Так говорила про нее баба Галя. Неласковая ты. Неласковая. Наверное, она была права.

И от Копейкина нельзя было ждать ничего похожего на простую благодарность. Он, наверное, считал, что она занимается с ним из вредности, даже в наказание за плохое поведение. Он и не думал исправляться. Особенно доставалось юной математичке Галине Федоровне, чуть не на каждом уроке эту Галку-училку ждал сюрприз: намыленная доска, склеенные страницы в журнале, сажка на тряпке,дохлая мышь на стуле. По правде говоря, Галка-училка заслужила свое прозвище не напрасно, она только и умела каркать у доски что-то малопонятное и задавать термины выучить наизусть, а к ученикам относилась как к малолетним преступникам, причем ко всем без исключения.

Физрук тоже заслужил клей на стуле. Разве можно было заставлять учеников бегать десять кругов под дождем, когда под ногами на поле хлюпали лужи и грязь во все стороны летела из-под кед? Конечно, Татьяна Петровна ни с кем не могла поделиться откровением. Воспитанники обязаны были уважать учителей — и точка. Каждый учитель, Вася, может научить тебя чему-то хорошему! «И плохому тоже», — неизменно отвечал Копейкин и учился именно плохому. От любого человека, который встречался на его пути, он черпал именно плохое. Даже у сторожихи тети Нины перенял манеру чихать так, что стекла дрожали. А всяким нехорошим словам он успел научиться еще до интерната в родном доме, там, где «даже радио не работает».

Однажды у него из кармана выпала пачка папирос. Откуда папиросы? «Батя у меня курит, батины это». Хотя трудовик утверждал, что это его папиросы, которые на днях пропали со стола в мастерской, точно пачка его — ровно трех папиросин недостает, на перемене перекурил и пачку на столе оставил: «Сам дурак! Разве можно доверять этим засранцам?» И вот вскоре после этой жалобы трудовику в сапоги, оставленные там же, в мастерской, наложили по самое не хочу. Шмон стоял еще три дня, как он эти сапоги на помойку отнес. Кто наложил? Копейкин, кто же еще. Он ведь в столовой жрет за троих, а самого на просвет видать. Куда добро-то уходит? Понятно куда. Трудовик еще неделю ругался грязно и длинно,

наплевав на педагогические принципы, которые «на этих отморожков не действуют».

И вот «это говно» забрали на каникулы домой, где не работало «радио». Татьяна Петровна наблюдала с крыльца, как за ним явился отец — тихий с виду дядька в выдавшей виды фуфайке и потертой кепчонке. Ходил, ноги приволакивая, в землю смотрел. А Вася радостно припустил ему навстречу с крыльца. Она невольно попыталась придержать его за руку, непонятно даже зачем, но он грубо вывернулся, кажется, даже огрызнулся: «Отстань!» — и побежал вприпрыжку навстречу своему отцу-пьянице.

Родной отец все-таки, которого Копейкин, наверное, любил, а разве могло быть иначе? Когда они удалились со двора, взявшись за руки, Татьяна Петровна даже отвернулась, чтобы не смотреть им вслед. Зачем она привязалась к этому мальчику по имени Василий Михайлович? На что надеялась, ведь ее сына уже пять лет как нет на свете, и воскресить его невозможно...

«Отстань!» — до сих пор звучало в ушах. Да кто она такая этому Васе? Едва вернется домой — тут же забудет. Она побрела со двора прочь, на ходу соображая, а что же ей делать дома? Ужин готовить — так можно просто чаю попить с бутербродами. Ну, журнал почитать. Ну, телевизор посмотреть. Каждый вечер она влезала в просторный фланелевый халат, который хорошо защищал от сквозняков, а если под него еще и теплую сорочку с начесом пододеть, так и вообще славно. Ее квартира походила на склеп: здорово тянуло из-под пола, доски прохудились совсем, давно надо было подлатать, да все как-то некогда...

Теперь она часто сидела перед телевизором с чашкой чая, почти не вникая в происходящее на экране. Мысли текли плавно, мимо, почти не оставляя следов в сознании, потому что на вопросы, которые то и дело возникали в голове сами собой, как пузыри на водной глади, ответов попросту не могло быть либо же они находились где-то в совсем ином измерении. Что вот она такое — жизнь, например? И прилично ли думать об этом в солидном возрасте? Жизнь сама собой течет вперед изо дня в день, из года в год по накатанной колее. И пока она так течет — все в порядке. Странно, но в юности Татьяне Петровне представлялось, что жизнь — все-таки что-то другое. Борьба за победу, например, новые достижения. Кто чего-то в жизни достиг — тот молодец. Победитель. Но если так рассуждать, чего достигла она? Многого. У нее хорошая должность и неплохая зарплата, только нет самого главного — ее ведь, по большому счету, никто не любит, вообще никто. Даже бабу Галю, обычную почтальоншу, любил внук Вася. «Ба, я те лю», — выдернулось на поверхность из глубин ее памяти.

Сама Татьяна Петровна давно уже не думала про любовь. Она произносила это слово только в контексте патриотического воспитания. «Любовь к Родине живет в сердце каждого из нас» — так говорила она на торжественной линейке, но эта любовь теперь была чем-то очень холодным, как и сама Родина, продуваемая промозглым осенним ветром.

Не стоило ждать от Родины ответной любви, Татьяна Петровна поняла это в тот момент, когда о крышку свинцового гроба ударили комья земли.

Но сегодня, при виде Копейкина, который вприпрыжку последовал за своим бедовым отцом, ее кольнуло странное чувство, очень похожее на нежность. Может быть, оно проистекало из сожаления, что за ней никто уже не побежит вприпрыжку. Или вообще из сожаления обо всем на свете, что все когда-нибудь кончится, свежее яблоко потемнеет, кожура сморщится, трещинки тронет плесень. Все идет своим чередом — второй закон термодинамики, против него не попрешь. Но разве могли вызывать сожаления законы физики? И неужели эта ее нежность тоже закончится, как и все остальное, растворится в стывлом воздухе позднего октября?

После каникул Копейкин в интернат не вернулся. Сперва думали, приболел парнишка, бывает. Осень выдалась холодная, мокрая, а дома у него какие условия? Или, может, папаша ушел в запой, а самостоятельно Копейкину не добраться до интерната... Все оказалось гораздо хуже. Как в роно рассказали, старший Копейкин с похмелья разбушевался, Васька от него на кухне заперся, а Копейкин дверь плечом снес, на кухню ворвался, горячий чайник с плиты схватил и сына обварил кипятком. Правда, как потом объяснял Копейкин-старший, обварил он не сына, а огромного паука, который к Васькиному плечу присосался. Как бы там ни было, но кожа у мальчика с плеча чулком сошла. Так что в больнице Вася лежит, отца, наверное, родительских прав лишат. «А Вася вернется в интернат?» — спросила Татьяна Петровна на всякий случай, хотя сама прекрасно знала, что не вернется. Интернат — для тех, у кого какие-никакие родители есть, поэтому отправится Вася из больницы напрямую в детдом, судьба его решена, можно сказать, и точка.

Татьяна Петровна вышла из роно на негнущихся ногах. Ей очень хотелось сказать прямо там, в роно: товарищи, отдайте этого мальчика мне. Раз уж он больше никому не нужен... То есть он мне как раз нужен. Очень нужен. Я ведь еще молодая, у меня все условия... Нет, не то, совсем не то. А нужно так: Родина у меня одного сына забрала... Ой, нет, опять не то!

Так она в тот раз ничего и не сказала в роно. Да и некому было, если честно, инспекторша за столом с таким лицом сидела, что разговаривать с ней — все равно что со стенкой, любое слово горохом назад отлетит и по полу покатится. Однако для себя Татьяна Петровна решила твердо, что недолго Васе ходить Копейкиным, что за фамилия в самом деле — Копейкин? Несерьезно это для человека. Она своего добьется, и вскоре станет Копейкин Василием Веселовым, ее настоящим сыном. Она же упертая, из кулацкой семьи, значит, костями ляжет, а своего добьется.

Татьяна Петровна купила на рынке пару красных яблок, кулечек грецких орехов, связку сдобных баранок и поехала в городскую больницу выручать из беды Василия Михайловича. Автобус пришел на остановку удивительно быстро, и это означало, что мир услышал ее горячую просьбу и теперь впереди обязательно будет счастье. Обязательно будет.

Наталья НИКОЛАШИНА

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ

Р а с с к а з

Я беру подработку на выходные: рекламный текст о резине В. О том, что она продумана настолько, что ей не страшна любая непогода, и вообще безопасность — ее конек. Статья закончена, а я чувствую себя первобытным человеком, который уже научился убивать мамонта и разводить костер, но еще не догадался рисовать на стенах и бродит мрачный после сытного ужина по своей относительно теплой и светлой пещере, томимый неясным подвывающим желанием. И я, подобно далекому предку, встаю из-за компьютерного стола и начинаю ходить по своей благоустроенной двухкомнатной квартире.

Часы показывают, что я уже полчаса слоняюсь без дела: из кухни в дочкину комнату, потом, сделав почетный круг по гостиной, в кухню. Время поджигает. Ирка, редактор, ждет от меня текст. Надо заставить себя сесть и еще раз вычитать его перед отправкой, но я не могу. Я разрешаю себе походить еще десять минут, потом еще пять. Тянуть больше невозможно. Я вдруг очень кстати вспоминаю свою соседку бабу Шуру, мы живем на одной площадке. Каждое утро она ползет на наш пятый этаж с двумя сумками, дышит, как паровоз, и говорит мне, если встретит: «Ну вот, в магазин сходила, теперь надо обед наладить. День да ночь, сутки прочь». В ее безрадостном и стойком существовании я нахожу для себя странное удовлетворение и сажусь за текст.

...Большой диаметр шины, высокое внутреннее эксплуатационное давление, повышенная прочность брекера существенно уменьшают деформацию рисунка протектора. Таким образом сохраняется энергия, которая могла бы быть потеряна из-за внутреннего трения. В результате снижается сопротивление качению и значительно возрастает энергетическая эффективность. Шины хорошо проходят стыки дорожного покрытия, не шумные, обеспечивают комфорт. Цена покрышек полностью подтверждает качество...

В подъезде не было ни одной лампочки, зато иногда забредали на ночлег бомжи и крысы. Каждое утро я переступала порог своей квартиры и выходила в подъезд, как в крошечный космос. Ноги становились ватными от предвкушения мягкого, шевелящегося. К тому же в августе, в звездопад, в меня влюбился Женька по прозвищу Художник. Мы с моей подругой Эммой стояли посреди двора, задрав головы, и ловили падающие звезды. Мимо проходил Женька, он остановился рядом с нами, но смотрел не в небо, а на меня. А потом отозвал в сторонку и сказал:

— Ты красивая, когда мечтаешь. А знаешь, что я загадал?

Я не знала, что загадал Женька, но почему-то ответила:

— Дурак.

Развернулась и ушла.

Женька влюбился в меня мрачно и безнадежно. Возле моей двери появилась надпись: «Любовь — боль и дерьмо», а на стенах — рисунки, являющие загробную жизнь в аду. И как проводник в эту жизнь — смерть с косою в человеческий рост. Смерть светилась (в краску Женька что-то подмешивал) в темноте и провожала меня укоризненным взглядом.

Последний пролет я пробежала по дикой инерции, как курица, которой только что отрубили голову, и со всей дури распахивала дверь.

Меня встречала влажная осенняя тишина, пахнущая грибами. И в этой тиши длились темные стволы деревьев, и среди них стояла красивая Эмма в долгополом пальто. И было совершенно не определить: достала Эмма пальто из бабкиного сундука или сшила у известного кутюрье по самым модным лекалам.

— Ты опять без фонарика? — глядя на мое испуганное лицо, догадалась Эмма.

— Батареек нет, нужны пальчиковые, их нигде не достать.

— Ладно, что-нибудь придумаем, пошли.

За окном школьного класса моросил дождь. Кажется, уже неделю. Он то припускал, и тогда по лужам скакали резвые пузыри, то замирал, превращаясь в водяную пыль. Мы не помнили, когда он начался, и почти привыкли жить без солнца, как в рассказе Рэя Брэдбери.

Эмма подошла к моей парте, взяла рюкзак Коржикова и швырнула его на свое место, а свой положила на его.

— Привет, — хитро улыбнулась Эмма.

— Что, совсем, что ли? По-человечески попросить нельзя было? — попытался хоть как-то защититься от бесцеремонности Эммы мягкотелый Коржиков.

— Эмма, ты зачем пересела к Вере, чтобы болтать? Сама учиться не хочешь и другим не даешь? — глядя в журнал, вяло высказалась географичка.

— Елена Самсоновна, самодостаточный человек может сидеть, с кем ему нравится, и при этом учиться. Я и сама прекрасно понимаю, когда можно болтать, а когда нужно слушать.

— Да, — равнодушно отреагировала географичка. — Ну хорошо, открываем тетради и записываем тему урока: «Природные условия и природные ресурсы». — Она вздохнула и посмотрела в окно.

В Израиле, куда Елена Самсоновна собиралась на ПМЖ, с природными ресурсами все плохо, а вот природные условия — триста солнечных дней в году и Мертвое море с грязью, творящей чудеса. Географичка опять вздохнула. Ответ из посольства должен был прийти на следующей неделе. Она могла думать только об этом.

— Так, открываем параграф номер восемь, читаем самостоятельно и письменно отвечаем на вопросы после параграфа.

Географичка была уже там, а здесь ее не было. Она лежала в шезлонге на пляже в солнцезащитных очках с белой оправой и шляпе с широкими полями, постройневшая на десять килограммов и помолодевшая на десять лет. А из воды к ней навстречу шел богатый смуглый Йося...

Каждый вечер за ужином, разливая по тарелкам суп из кубиков, моя мама говорила что-то в таком роде: «Дики двадцать лет ничего не делали, только пили да детей строга́ли, а вчера Нюрка мне и выдала, что вызов им пришел из Германии, всем семейством уезжают на историческую родину. Вот так, вот тебе и пропащие». Или: «Сегодня заскочила на рынок и встретила там Кольку, бывшего одноклассника, двоечника, торгует сантехникой, уже дочке на квартиру наторговал». Отец благодарил за ужин и говорил: «Ладно, пойду позанимаюсь». «Господи, да кому нужны твои фотографии! Нет, непробиваемый человек!» — гремела мать тарелками в спину отцу.

Отец выходил на балкон, садился на обшарпанный неустойчивый табурет нога на ногу, не спеша закуривал. Он сидел согнувшись, худая спина колесом, будто грел котенка за пазухой или собственную душу. Смотрел в даль, ограниченную соседней пятиэтажкой. И казалось, что в этой влажной тиши изо всех уголков небольшого заводского города смотрят на него его двойники. Они так же сидят нога на ногу в китайских сланцах на шатких табуретах, курят и смотрят отрешенно вдаль, медленно вращаясь вокруг Солнца. Отец докуривал сигарету, брал старенький «Зенит» и шел в сумерках фотографировать теплые огоньки невзрачных домов, улицы, заброшенные скверы, пустынные, жутковатые детские площадки. Просто так, потому что ему это было интересно.

Я как попало конспектировала параграф, время от времени поглядывая в окно. Под старым, почти облетевшим тополем от дождя прятался Женька, даже не прятался, просто стоял. Он, как и мой отец, смотрел перед собой невидящими глазами. И ему было плевать, что промок до нитки. Может, в этот момент у него в голове рождался сюжет картины, которая украсит очередной лестничный пролет. Бывает, люди рождаются в семьях потомственных профессоров, Женька с зеркальной точностью родился в семье потомственных маргиналов. Дед пил, отец сидел. При этом Женька был талантлив, как какой-нибудь праправнук заслуженного деятеля искусств. Только он не смел в это поверить.

После школы мы с Эммой зашли в кафе «Молодежное» на пересечении улиц Лермонтова и Толстого.

В кафе было тепло, но неуютно. Стены просторного квадратного зала были обиты до середины деревянными панелями, выше выкрашены бледно-розовой краской. Ровными рядами стояли скучные квадратные столики, покрытые синтетическими, тоже розоватыми скатертями, на столиках стояли маленькие вазочки с искусственными ромашками. На стенах висели стеклянные пыльные бра в форме поникших бутонов. В кафе никого не было.

Толстая буфетчица в нелепо высоком белом колпаке и фартуке совершенно равнодушно посмотрела на нас и обреченно спросила, что мы будем. Потом так же обреченно налила нам какао и положила на блюдце два рогалика не первой свежести и даже не второй.

Мы сели за столик возле большого, почти до пола, окна в форме арки. Я посмотрела на выгоревший плакат «СОКИ-ВОДЫ» за спиной буфетчицы и спросила Эмму:

— Почему мы сейчас в Париже?

Это была наша игра. Почему сейчас поздняя осень, а не ранняя весна, почему математичка не замужем и так далее. Нужно было назвать три признака. Можно больше, но не меньше.

— А, э, мы едим круассаны.

— Ладно.

— Женщина на остановке кутается в тонкий плащ. — Эмма кивнула на окно. — Это француженка, одетая не по погоде, потому что ждет любви.

— М-м-м, ну допустим.

— А! Ну и конечно же, Эйфелева башня!

— Эйфелева башня?!

— Ну да. — Эмма кивнула на телевизор.

— Ты скажи это буфетчице, она подумает, что мы ку-ку.

Эмма прыснула.

Через две недели кафе закрыли, а на его месте открыли банк. Вскоре банк лопнул, и несколько лет здание пустовало. Теперь там магазин бытовой техники.

Дверь открыл поддатый Овчинников. Артист из театра, где мама Эммы работала художником-оформителем, и ее сожитель.

— Эмма, Вера, проходите. Представляют, мне зарплату выдали в театре селедкой. Десять килограммов селедки. Я им говорю, я что с ней буду делать, солить? Смешно, правда, каламбур. Так наш режиссер поделился со мной прекрасным рецептом домашних консервов, через пять минут все будет готово.

— А я думаю, чем так воняет. Нет уж, ешьте сами. Где мама? Мы только ключи забрать от мастерской.

— Гм, мама отдыхает, у нее разболелась голова.

— Опять выпивали?

— Чисто символически, чисто символически, под селедочку.

— Овчинников, будешь спаивать мать, я тебя выгоню. Ма-а!

— Ну что ты так кричишь, я здесь, у меня раскалывается голова. Кругом эта рыба, это невыносимо, он превратил кухню в рыбную лавку Снейдерса.

— Да, во всем виноват Овчинников. Во всем виноват Овчинников, как всегда, Вера.

— Мне бы позвонить, — смущаясь, сказала я.

— Конечно, пожалуйста, проходите.

— Алло, мама. Я останусь сегодня у Эммы.

На другом конце провода что-то шумело так, будто взлетал самолет.

— Что? А, хорошо. Ты сегодня что-нибудь ела? — прокричала в трубку мама, словно мы разговаривали по межгороду.

— Да, круассаны.

— Что? Ну ладно, опять машинка потекла, да что ж ты будешь делать! Ничего не может нормально починить, рукожоп!

В трубке что-то оборвалось и запыкало.

— И помни, Овчинников, ты обещал, — завязывая кеды, сказала Эмма. Что именно обещал Овчинников, я так и не узнала.

— Кремень! Подождите!

Он принялся выворачивать карманы брюк, на пол упало несколько мятых, будто постиранных купюр. Он торопливо, бормоча себе под нос «во всем виноват Овчинников», подобрал их и сунул Эмме в карман пальто.

Автовокзал находился возле Театра оперы и балета. Театральную площадь заполнили люди. Странные, тревожные люди. Справа от центрального входа выстроилась линейка торговщиц, состоящая в основном из женщин неопределенного возраста. На их самодельных прилавках из раскладушек лежали скопом жуткие синтетические вещи: носки, трусы, полотенца, постельное белье. Слева собралась небольшая толпа вокруг миссионеров из Америки. Молодой бородатый американец что-то эмоционально вещал о Боге. Его переводил русский парень. Девушка-американка раздавала собравшимся брошюры.

Нам было жутко интересно посмотреть на живого американца. Он говорил о Боге, о любви и сострадании эмоционально, но без обаяния, слишком серьезно, как фанатик. К нам подошла его напарница и с млейшей улыбкой протянула книжечки с глянцевыми страницами о жизни Христа. Мы полистали их. Это оказались комиксы. Иисус был очень красив, напоминал супергероя и вызывал не те чувства. Мы с любопытством рассматривали картинки, как вдруг до нас донеслось:

— Друзья, вы готовы открыть свое сердце для Бога прямо сейчас и навсегда впустить его в свою жизнь?

— Да! — радостно отозвалась Эмма и замахала брошюрой, словно флажком.

— Да! — подхватили еще люди из толпы.

— Отлично! Тогда соберемся плотнее, друзья, возведем руки к небу и воздадим молитву нашему Создателю!

Эмма схватила меня за руку и потащила в самый центр. Глядя на нас, потянулись еще люди. Мы стояли с незнакомыми людьми плечом к

плечу и воздавали молитву Господу. Мы постепенно входили в какой-то экстаз.

— Может, бросим все и уедем с этими миссионерами?! — крикнула мне прямо в ухо Эмма.

— С ума, что ли, сошла?! Пошли уже, на автобус опоздаем. — Я потянула ее за рукав. Но Эмма продолжала в упоении поднимать руки и лицо к небу и кричать: «Я люблю тебя, мой Создатель!»

Мастерская Эмминой мамы находилась в шахтерском поселке километрах в двадцати от города. По сути, это была обычная однокомнатная квартира в хрущевке, которая досталась ей от какой-то бездетной дальней родственницы.

Мы вышли из автобуса на конечной остановке и нырнули в темную вонючую арку, тайный ход, который отрезал нас на целую ночь от привычного мира. Мимо нас проехал сублимный эксгибиционист на велосипеде, насвистывая красивую мелодию из известного фильма. Эмма схватила первый попавшийся булыжник и кинула в эксгибициониста:

— Вали отсюда, дебил!

Он не ожидал такой реакции, поднажал на педали и растаял в лабиринте серых пятиэтажек.

Мы закрылись на все замки, но никак не могли избавиться от чувства, что сейчас раздастся вкрадчивый стук в дверь выследившего нас эксгибициониста.

— Цца! — сказала Эмма, и это «цца!» прозвучало как «эврика!». — Делай пока бутерброды.

Я достала из пакета банку шпротного паштета, майонез и батон. Эмма нырнула в бар и вынырнула оттуда с остатками какого-то ликера и шоколадкой в белом налете. Мы сделали по глотку.

Я посмотрела в окно. Тучи слегка расступились, и показалось закатное солнце. Оно освещало волнистое пожухлое поле и высокий красный горб обработанной земли на горизонте. Поле было похоже на море, а отвал — на корабль, попавший в штиль. Возле окна стоял мольберт, а на нем картина с полем, напоминающим море, и красным отвалом, похожим на корабль, попавший в штиль. Других работ в мастерской не было. В голову слегка ударило, напряжение ушло. Хотелось стоять и смотреть. Почему-то вспомнился Женька, стало его немного жаль.

Мы допили ликер и закурили одну американскую сигару на двоих (ее мы тоже нашли в баре), валяясь на панцирной кровати. Стемнело, взошла луна. Я подумала, как странно: мы можем идти в школу или на работу, или выгуливать собаку, или пить ликер и курить сигары, а она смотрит на нас, всегда смотрит на нас, вечное напоминание, что не хлебом единым... «Не хлебом единым» — эту фразу я прочитала недавно в одной книге. Она казалась мне красивой и вселяла надежду.

— Эмма, мне кажется, мы с тобой особенные и жизнь проживем особенную. Ты станешь известным модельером, я — журналистом.

— Верка-а, ты напилась.

— Да нет, не смейся. Красивый сегодня день получился, правда.

— Да, особенно, когда я в эсбг... эбсги... короче, в того дебила на велике камнем швырнула, очень красиво получилось.

— Ты крутая, а я испугалась.

Эмма неожиданно обняла меня.

— Верка, я тебя так люблю, ты мне как сестра. Давай никогда не расставаться, неважно, будет наша жизнь особенной или нет.

— Согласна.

Эмма спала, а я никак не могла уснуть на новом месте. Да еще дождь стучал по карнизу монотонно, через одинаковые, довольно длинные промежутки времени. Видимо, наверху какое-то время созревала капля, а потом срывалась вниз, ударяя о карниз. «Кто здесь?» — спросил Мюллер. — Дождь, — ответил Штирлиц и забарабанил пальцами по стеклу». Вспомнился анекдот.

Уснула я только под утро. И мне снилась красивая большая белая собака с длинной шерстью. Мы сидели с ней на лужайке возле Эйфелевой башни. Я обняла ее и спросила:

— Так какие батарейки брать?

— Бери солнечные, не прогадаешь, — ответила собака и улыбнулась.

* * *

По телевизору две женщины рекламировали покрывало. Я сидела в удобном Иркином кресле, пила подстывший кофе без сахара и молока и не могла оторваться от экрана. Поначалу покрывало показалось мне полной безвкусицей: аляпистое, с огромными розовыми розами и сиренью. Но женщины так настойчиво и по-матерински добросердечно уверяли меня, что это покрывало безупречно как с практической, так и с эстетической точки зрения, что я начала сомневаться. Я поставила чашку с кофе на журнальный столик, впилась глазами в покрывало и погрузилась в чудное, похожее на невесомость состояние невозможности принять решение. Что же такое это покрывало: верх безвкусицы или все же верх совершенства? От взрыва мозга меня спасла Ирка, вовремя подоспев с очередной дозой черного кофе и двумя микроскопическими эклерами.

Я не знаю, зачем я дружу с Иркой, мы с ней абсолютно разные, и можно ли это назвать дружбой. Она худая, стремительная, напряженная, как кобылица, участвующая в скачках. На нее хочется поставить. На нее разумно ставить, она всегда приходит первой. Мы работаем вместе в одной редакции, она редактором, я копирайтером. Сейчас она бьется в кровь и пот, обучая меня искусству написания вирусных статей.

Ирку по жизни несет патологическое стремление к оберточной красоте, не дающее ни секунды на передышку. Ее жизнь — эстетически организованное обслуживание собственного организма, суета сует. Ей хочется, чтобы все было идеально: упругое тело, маникюр, брендовая одежда и косметика, фарфоровая посуда, шелковые простыни, что там еще. К своим сорока она три раза побывала замужем. Мужьям нравилось только ее упругое тело, все остальное утомляло. Хотелось сбежать, и они сбегали. Ирке нравится меня воспитывать, я от скуки делаю вид, что поддаюсь ее воспитанию.

— Я хочу пересадить тебя на новости.

— Может, не надо меня пересаживать? Меня не интересуют новости. Я человек с вялой жизненной позицией.

— Ну, тогда будем учиться писать вирусные статьи. Они давно по тебе плачут. Двигайся.

Ирка плюхнулась рядом со мной на диван, открыла ноутбук.

— Сейчас одно видео покажу.

И она показала мне ролик, в котором отец работал на нескольких работах, но притворялся для дочери успешным и богатым, чтобы она могла обучаться игре на скрипке в дорогой музыкальной школе. Маленькая, не по годам эмпатичная девочка знала об этом, но подыгрывала отцу, не из корыстных побуждений, а чтобы не ущемить его достоинства. Она занималась очень усердно и стала победительницей престижного конкурса. Короче говоря, ролик повествовал о самых нежных и тонких взаимоотношениях между отцом и дочерью. Признаться, он тронул меня.

— Что, глаза на мокром месте, правда круто? — спросила воодушевленная Ирка. — А знаешь, как это работает? Четкая структура и триггеры.

И она принялась объяснять мне фокус.

— Круто, — вздыхая, ответила я, будто только что на моих глазах карета превратилась в тыкву. Впечатление от ролика лопнуло, как мыльный пузырь.

— Ир, — я робко подергала Ирку за рукав. — Ир, может, я и дальше буду тянуть резину про резину? Скучно и добросовестно.

— Исключено. Надо преодолевать себя. Теперь нужно постоянно учиться чему-то новому. Помнишь, как у Кэрролла, нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!

Из-за горящего в комнате света казалось, что на улице темнее, чем было на самом деле. В окне отражались две женские фигуры, одна сидела сутуло и неподвижно, как не до конца наполненный мешок, другая, как заряженная частица, сновала туда-сюда, прибирая со стола. И тут совсем вдруг, со всей космической тягучестью: «Был в лампочке повышенный накал, невыгодный для мебели истертой...» Я замолкла, удивляясь, до чего чуждо и отталкивающе звучит мой собственный голос.

— Ты что, совсем рехнулась? Я чуть чашку не разбила. Между прочим, из Китая в прошлом году сервиз привезла, светится в темноте.

— Радиоактивный?

— Кто? Что? Сервиз? Да ну тебя, — обиделась Ирка. — Хочешь — сиди на своей резине до старости, хрен с тобой.

— Да ладно, Ира, не обижайся, я пошутила. Просто настроение сегодня такое... Осень...

Я снова посмотрела в окно, там смешно и активно жестикулировала Ирка, не замечая, как быстро сгущаются сумерки. Она говорила что-то о своем лимитированном терпении и невозможности нянчиться со мной до конца дней своих. А тем временем на телевизшке включили разноцветные лампочки. Она светилась очень ярко и была похожа на телевизшку.

Владимир СЕМЕНЧИК

ОТЖАРЩИКИ

*Трагикомедия о любителях
подледной рыбалки*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сергея, средних лет, выглядит простецки.

Марина, его жена, со следами стройности в фигуре.

Антон Волгин, доцент, очкастый и седобородый.

Инна, его супруга, научный работник, миловидная дамочка бальзаковского возраста.

Ульяна, лет за сорок, коричневая от загара, низенькая и поджарая.

Витек, ее муж, крупный дядька с помятым лицом несгибаемого алко-голика.

Костя, менеджер Газпрома, красавец-мужчина с обаятельной улыбкой и пивным животиком.

Тимур Игнатов, активный пенсионер, жилистый, с седой щетиной.

Бураницик.

Спасатель МЧС.

1.

Квартира Сереги и Марины. Из кухни в коридор на цыпочках выходит Сергей в зимнем рыбацком костюме, в руках рюкзак и сапоги. Натягивая сапог, роняет прислоненный к стене ледобур. Грохот сотрясает квартиру. Сергей замирает. Из спальни выглядывает Марина.

Марина (*зверским шепотом*). И когда ж ты наловишься уже, а? Всю квартиру провонял этой рыбой! Просишь его как человека: не шуми, мы с Сонечкой поспать хотим... Что, без грохота клевать не будет?

Сергея. Марин, ну я ж не хотел...

Марина. Да ты, кроме своей долбаной рыбалки, вообще ничего не хочешь уже! Ни работать, ни ремонт сделать! И со мной уже не помню, когда хотел! А денег не хочешь дать хоть сегодня? Сонечка вон из куртки совсем выросла.

Сергеа. Я не стараюсь разве? Подожди, вот зубарь скоро попрет, на берегу сдавать буду. А лучше насушу и продам — так в два раза выгоднее.

Марина. Ой, бизнесмен он у нас! Да ты на бензин в три раза больше угрохаешь, чем заработаешь на этой корюшке! Всюду ее навалом, до-рогущая, пятьсот рублей! Не берет никто. А вяленую в гараже сами и сожрете с пивом. И чего тебе не пойти хоть в то же такси, все деньги в дом, хоть какие...

Сергеа. Да копейки там сейчас платят, Марин! Ремонт дороже встанет... Ты лучше на кухню зайди, там вам с Сонькой подарки на 8 Марта.

Марина. Ой, надо же! Неужели не забыл... *(Уходит, тут же возвращается с перекошенным от обиды лицом. В руках коробочка «Рафаэлло» и новая сковородка, на ручке которой — розовый бантик.)* Вот подарок так подарок! Да им только по башке тебя треснуть, может, поумнеешь! *(Замахивается на Сергеу сковородкой.)*

Сергеа *(вырвав у жены сковородку, хлопает себя по лбу).* Чуть не забыл! Сегодня ж моя очередь отжариваться! *(Прячет сковородку в рюкзак, хватая бур, второй сапог и выскакивает из квартиры.)*

Марина *(вслед).* Можешь и ночевать на своей рыбалке! Хоть бы этот лед оторвало уже скорей...

2.

Квартира Волгина — видно, что здесь живут интеллигенты. Волгин, одетый в рыбацкое, но без куртки и сапог, собирает на кухне рюкзак. Спohватившись, идет в коридор, из шкафа извлекает вазу с тюльпанами и сверток. Сзади неслышно подходит Инна.

Инна. Ах ты мой рыцарь Ланселот!

Волгин. Инночка, милая, ты как тут... Все-таки разбудил, прости!

Инна. Не волнуйся, я сама проснулась! Очень хотелось поскорее получить подарки. Кстати, напрасно ты цветы так оставил, они бы за ночь завяли.

Волгин. Да вроде свежие, даже раскрылись немного...

Инна. Правильно. Потому что я вечером воды в вазу налила.

Волгин. Кхм... Спасибо!

Инна *(со смешком).* Не за что, Волгин! Это было в моих интересах. *(Забирает вазу, идет на кухню и ставит на стол. Волгин идет за Инной.)* Ну, а это ты что так красиво завернул?

Волгин. А, это же главный сюрприз! Буквально вчера успели доставить из Японии. Тираж всего сто двадцать экземпляров — и один у тебя! Невероятно шикарное исследование шаманизма айнов! Очень будет полезно для твоей докторской.

Инна. Да?.. В самом деле... необыкновенный сюрприз. А ты, кстати, не забыл еду из холодильника взять?

Волгин. Инночка, подожди с едой, посмотри же, какое невероятное издание! Правда, пока только на японском, но я вспомню иероглифы и помогу главное понять. *(Разрывает упаковку и, не взглянув на кни-*

гу, протягивает жене. На обложке — рыбак-японец рядом с огромным тунцом, а внизу название — «Fishing in Japan»). Правда же, великолепно? С 8 Марта, дорогая!

Инна (сухо). Волгин, ты и сегодня в своем репертуаре! А напомни-ка, пожалуйста, почему необходимо ехать на рыбалку именно в женский праздник?

Волгин. Ну как же, Костя же из Москвы прилетает! С Кариной. А завтра они уже в Токио — дня на три. Это он ей такой сюрприз сделал, восьмимартовский!

Инна. И себя не забыл, как обычно...

Волгин. Инночка, так совпало по датам, не сердись, я тебя умоляю! А хочешь, быстренько собирайся и тоже с нами?

Инна (саркастично). Нет уж, милый, я лучше твой подарок поизучаю. В тепле. Подготовлюсь, так сказать, к рыбалке в Японии.

Волгин. К рыбалке? В Японии? Ты о чем? (Инна берет из его рук книгу и показывает обложку. Волгин отшатывается.) Японский городской! Черт их раздери, этих самураев! Это же для Кости подарок! Мы с ним обычно презенты друг другу делаем, редко ведь встречаемся. Я этот альбом на неделю позже заказывал... Кстати, Костя нам с Серегой шикарную зимнюю палатку везет в подарок. В Норвегии купил.

Инна. Ну и чудесно, а то ты вечно с соплями возвращаешься. Кстати, если бы я в главном офисе Газпрома работала, как ваш драгоценный Костя, давно бы вам снегоход подарила.

Волгин. Дорогая, прости, ну перепутал! Твой подарок тоже прилетит на днях. Ты просто обалдеешь!

Инна. Да я уже! Праздник, можно сказать, удался... (В кармане Волгина пикает смартфон. Он смотрит на экран и вскакивает.) Что, Костя приземлился?

Волгин. Ну да. Я помчался, ладно? Мы ему обещали сразу ехать на залив!

Инна (обнимая мужа). Осторожнее там! Я слушала прогноз, сегодня ветер, как вы это говорите? Отжатый?

Волгин. Отжимной, Инночка, отжимной... (Мягко освобождается из объятий Инны и торопливо выходит в коридор.)

Инна. И МЧС эсэмэску прислало: на лед выходить опасно, возможен отрыв припая.

Волгин (из коридора). Да они каждый день шлют! Им чем меньше народу на льду, тем спокойнее. Если МЧС слушать, будешь вообще всю зиму дома сидеть.

3.

Квартира Ульяны и Витька. Повсюду вешала с сохнущей корюшкой — даже на окнах вместо занавесок развешана рыба на жестких планках. Витек в ватных штанах бестолково шарается по кухне, заглядывая во все ящики и шаря по полкам. Ничего не находит, грузно опускается на стул.

Витек. Чертик-чертик, поиграл и отдай! (*Трижды плюет через плечо.*) Вспоминай, Витек, думай-думай-думай! Ну тут же где-то заначил! Двадцать третьего февраля бухали с мужиками когда...

Ульяна (*заглядывая в кухню*). Слушай, ты мою гирлянду самую уловистую не брал?

Витек. Это какую?

Ульяна. Ну какую-какую... Такую! С синими мохнушками на крючках, они еще в темноте светятся. Я на те выходные с ней вас обловила всех.

Витек. Скажу, если скажешь, куда мою чекушку перепрятала.

Ульяна. Отвянь, алкашня! Нужна мне твоя водка, я ж в завязке! И где ж моя золотая гирляндочка, а? Да собирайся ты пошустрее, на утренний жор не успеем, ехать час и пердохать по льду не меньше. Иди уже, машину грей!

Витек. Ульяночка, где чекушка, а? Мне бы починиться после вчерашнего...

Ульяна. Да ты совсем ку-ку? Тебе ж рулить!

Витек. Я думал, ты сядешь...

Ульяна. А харя не треснет? Это ж каждый раз так, нажрется вечером, а утром: «Ульяночка, порули...» Во тебе! (*Сует ему кукиш, потом начинает шарить в кухонном ящике.*) И где ж моя гирляндочка золотая? Где ж моя уловистая, с синими мохнушками? (*Вдруг поворачивается и грозно идет на мужа. Витек опасливо пятится.*) А ничего вообще, что сегодня 8 Марта? А ты меня рулить хотел заставить! Ну, что шарами лупаешь? Где подарок?

Витек. Да не забыл я... На льду хотел подарить. (*Достает из-за пазухи сверток с красными сердечками, протягивает жене.*) Держи, поздравляю!

Ульяна с хищной гримасой рвет бумагу, извлекает зимнюю удочку, пару рыбацких перчаток, гирлянды на корюшку-зубатку.

Ульяна (*пробуя удочку на упругость*). Ну угодил, Витенька, ничё такая! И на зубаря будет работать, и на малоротку. (*Разглядывает гирлянды.*) Так, эта — фигня, эта нормуль — вроде «Барракуда», крючки «шестерка»... Ой, ну-ка, ну-ка... (*Внимательно изучает очередную упаковку.*) Да это ж она, моя золотая, с синими мохнушками! Ах ты, подлюка, говоришь, не брал?

Витек стремительно драпает в коридор, хватая рюкзак, рыбацкие санки и выбегает во двор. Там открывает гараж, заводит машину. Выходит с пластиковой «полторашкой», откручивает пробку, жадно глотает, занюхивает кулаком.

Витек. Ну, Ульянка! Фашистка! (*Делает еще глоток.*) А пробирает, градусов полста точно есть. (*Блаженно улыбаясь, оценивающе смотрит на бутылку.*) Не, надо две брать. Праздник же!

4.

Холостяцкая берлога Игнатова. Хозяин спит на древней кровати с панцирной сеткой. У стены — велосипед и две пары лыж. В окне между рамами сушится корюшка. Смартфон на табуретке внезапно играет гимн СССР: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...» Игнатов отключает звук.

Игнатов. С добрым утром, Тимур Денисович, с днем рождения вас!

Игнатов вскакивает, быстро делает махи руками, наклоны, приседания... Затем ровно двадцать секунд, считая их вслух, стоит на голове. Несколько раз отжимается. Идет на кухню, сует голову под кран. Вытирается, наливает из термоса кофе и, прихлебывая, начинает звонить, поставив смартфон на громкую связь.

Игнатов. Илья, дружище, привет! Ты уже в дороге, угадал?

Голос в трубке. А то! Я вторую неделю мотаюсь. Не всегда, конечно, пруха, и скупщики борзуют, но тыщи на три в день сдаю.

Игнатов. Вчера где ловили, знаешь? Куда рвануть, чтоб верняк, а?

Голос в трубке. И охота вам сопли морозить! Хочешь, я вяленого зубаря привезу, сколько надо. По оптовой цене, честно!

Игнатов. Ты с кем сейчас говоришь, Илья? У меня пенсия семнадцать тысяч.

Голос в трубке. Я твоим корешам хотел предложить. У тебя же один, ты хлестался, вообще с Газпрома, на рыбалку к нам на Сахалин гоняет. Может, возьмет, ты спроси его. У меня посол мягкий. Миллера угостит под пивасик, а тот Путина — а чё? Еще круче поднимется.

Игнатов. Ладно, спрошу. Так скажешь, куда есть смысл?

Голос в трубке. Дуйте на мыс Свободный, до треноги. Где меньше машин, там и тормозитесь. Ключет на двадцати метрах и глубже. Только это, поглядывайте там! Трещину буранщики вчера засекли, где-то в километре от берега.

Игнатов. Понял. Спасибо. На льду, если что, свяжемся.

Игнатов одевается. Звонит смартфон. Взглянув на экран, Игнатов не берет трубку, продолжает застегивать рубаху. Но мелодия не утихает, и он сдается.

Голос Ульяны. Тимурчик, приветтики! С днем варенья тебя, мой ты золотой, видишь, я помню! Здоровья тебе сибирского, как говорится, и удачи, чтоб рыба клевала и все стояло, ха-ха-ха! Слушай, я тут подумала, ну и свезло же тебе! Сегодня все мужики баб поздравляют, а бабы — наоборот, тебя должны! Во приколы!

Игнатов (холодно). Почему, я тоже тебя поздравляю, Ульяна Батьковна, с международным днем! То есть с праздником женским! Тебе тоже ни хвоста, ни чешуи...

Голос Ульяны. Ага, спасибочки, а то я терпеть ненавижу, когда не клюет. Зубарь, навага, малоротка, да хоть песчанка вот такусенькая, с мизинец, лишь бы хапала! Короче, болтать некогда, вы же едете? А куда решили? Короче, ехайте в самый угол залива, пока в забор не упрутесь. Там вчера дербанили до темноты. Я сотни три взяла, размер отличный, и по льду не пять кэмэ пердохать, а два где-то.

Игнатов (*потеплевающим голосом*). Понял, спасибо! Давай, Ульяночка, я уже на низком старте, Серегу жду.

Игнатов отключает смартфон, но он снова звонит. Игнатов берет трубку.

Голос Сереги в трубке. Игнатов, выходи, подлый трус! Буду через три минуты.

5.

Ледовое поле с причудливыми торосами упирается справа в горбатый мыс. Над сопками розовеет рассвет. На льду видны редкие фигурки самых нетерпеливых рыбаков. Их объезжает снегоход, тянущий салазки, где жмутся друг к другу рыбаки, которые не любят ходить пешком. Серега, Игнатов и Костя стоят на берегу. Костя в дорогом рыбацком костюме, в желтых сапогах, он обнимает упакованную в чехол палатку, пухлую и высокую.

Костя. Мужики, вы не представляете, как я счастлив! Какая красота тут у вас, да вы не понимаете просто! Не балдеете уже, привыкли. А я эту поездку, как солдат дембеля, ждал!

Игнатов. Может, как преступник свободы?

Костя. Зря стараешься, Тимурчик. Я здесь, и я счастлив! Ура! (*Подпрыгивает от переизбытка чувств.*) Я ведь чуть не сдох от нетерпенья, под конец уже часы считал и минуты. (*Поворачивается к Сереге.*) Да я писал тебе...

Серега. Ага! Как проснется у себя в Москве, так и давай по ватсапу пикать: скорей бы уже с вами на рыбалку, да какой сегодня клев, да пришли отчет, да сними на видео... Я вот, если честно, не понимаю, когда ты работать успеваешь?

Игнатов (*Косте*). Слушай, а ты не прихватил с собой сигаретки такие приятные, прошлый раз их брал?

Костя. С вишневым вкусом? Не, я от них кашлять стал, перешел на ментоловые. Будешь?

Игнатов (*внимательно разглядывая пачку*). Ты что? Зачем такую купил, да еще друзей угощаешь? На ней же «Рак горла» написано!

Костя. Прощу пардона... Не понял...

Серега. Тимур предпочитает «Импотенцию». Ему она уже по барабану. Или еще лучше — «Угрозу выкидыша»... (*Трогает палатку.*)

А она реально здоровая! И не лень тебе было из Норвегии да через Москву переть? У нас тут не хуже есть.

Костя. Таких нет! И потом: когда бы я тут покупал тебе подарок?

Игнатов. А чего это подарок — ему? Когда у меня сегодня... *(Обиженно отворачивается.)*

Костя *(быстро соображая, в чем дело)*. Вот ты, Тимурчик, зря думаешь, что я про твой день рожденья забыл. Это на двоих подарок, тебе и Сереге! Палатка же двойная. Считай, две комнаты, полог в центре опускается. По комнате на брата!

Серега. Да я палатки как-то не очень... Если только ветрюган даванет, тогда да. А так мне в городе стен хватает. Ты, Костя, зря думаешь, что мы не видим тут... Ну, эту красоту. Я вон люблю на птиц смотреть. Чайки, как дети в школе, орут, на переменке. А орлан — чисто курица, сядет на торос, нахохлится. Кинешь ему рыбку, так он еще выкобенивается, не за всякой взлетит... Даже вороны — ржачные такие, когда из-за обьедков дерутся! А в палатке что? Сидишь над лункой, как над унитазом, да оттуда рыбу таскаешь.

Игнатов *(Косте)*. Просто Серега у нас на рыбу сильно жадный. За зубарем же бегать надо, если хочешь хорошо взять. Он вообще прав: палатка к месту привязывает. Пока увидишь, где замахали, пока свернешься. Прибежал — а там уже не ловят.

Костя. Зато комфорт! Тебе рыба главное или удовольствие? Обязательно поставим! Я, когда дует, не люблю. Не то что мерзну, а кажется, меня сейчас поднимет — и докатит до самой Америки. Вы представляете, братцы, там, как океан закончится, сразу — Америка! Я ведь в детстве не верил, что она есть. Думал, врут, чтобы нас убедить, будто мы лучше всех в мире живем. А у них, мол, безработица и негров линчуют.

Игнатов. А я зато Сталина в Мавзолее видел.

Костя. Да ты, Тимурчик, мамонт! А я вот уже скоро десять лет в Москве, а туда ни разу не зашел. Как-то не тянет... Зато когда палатку поставим, у нас будет не хуже Мавзолея! Все на экскурсию приходите будут! Гляди, какая она плотная, — это двойные стенки. А если печку включить газовую, вообще хоть ночуй! Я в Канаде, на озера когда ездил рыбачить, видел: там в похожих палатках неделями на льду живут. Во житуха, да? Проснулся — и уже на рыбалке!

Игнатов. На озере можно ночевать. Не страшно. Я той зимой уболтал одну подругу: давай Новый год на льду отметим, в палатке, на Тунайче, возле острова. Тогда мы только с ней сцепились, она еще планы насчет меня строила. Думала, наверно, что на озере у нас будет романтик, что я так хочу ей предложение сделать — в новогоднюю ночь: только мы, звезды и наша любовь...

Костя. А ты чего ее звал?

Игнатов. Чтобы скучно одному не было, вот чего! Ну, опять же, она наготовила с собой всякого вкусного... Короче, пришли мы, еще светло, поставили палатку, наловили селедки на сковородку...

Костя. Ты отжаривался, да? Эх, мужики, как я мечтаю свежей рыбки поесть на льду, чтобы она на сковороде еще прыгала!

Сергея. Сегодня по-любому поедим. Я сегодня отжарщик.

Игнатов. Ну так вот, выпили, закусили — тепло стало, надышали, понимаешь, напугали... Само собой, вмазали, праздник же. Я настойки своей фирменной взял, на кедровых орешках — вещь! А ночью даванул как мороз, градусов тридцать да с ветерком. Мы всю одежду на себя, в спальники залезли, а не помогает. И главное — плитка не фурьичит, газ замерзает, я отогрею на себе, а он пых-пых — и потух снова. Ну что, говорю, Настюха, станцуем? Греться как-то ж надо! Натанцевались мы до рассвета, веселый Новый год получился. Утром вылезая, стал палатку собирать — хрен вам! Низ как каменный, намертво приморозило. Хорошо, топор был, а так бы и бросили. Два часа отколупывал.

Костя. Молодец, чё скажешь! Очаровал невесту. *(Пауза.)* Мужики, а чего мы так долго тут? Может, уже буранщиков искать пойдем?

Сергея. Да вон они перед тропой тусуются. Странно, Волгин обычно не опаздывает. Говорю ему вчера: может, на мне все и поедим? А он как обычно: ой, неудобно, баракло из багажника к тебе перетаскивать... Чего там перетаскивать — рюкзак да санки.

Игнатов. Это Инна ему велит, чтоб сам за рулем. Страховка типа, что не выпьет.

Костя. Во бабы — дуры! Но за это мы их и любим.

6.

Беседу прерывает треск двигателя: к друзьям на снегоходе лихо подкатывает буранщик.

Буранщик. Садись, полетели! Вчера с самого утра перла как больная, на любые крючки. Профукаете, потом до вечера можно без толку сидеть.

Игнатов. Это где она перла? На волшебном острове Ватсап? Или в бухте Инстаграм? Там — да, каждый день ловят. Полные, блин, мешки! Отвези нас туда, дорогой! А то у нас этой зимой уловы — плакать охота, сколько ездим — ни разу даже по сотне не взяли.

Сергея. Почем возишь?

Буранщик. Пятьсот с носа. Ну, едете, нет?

Игнатов. Пятьсот! Да тут три кэмэ, не больше. *(Сергею.)* Я за столько сам тебя на санках дотащу!

Костя. За деньги даже не парьтесь, мужики. Вы меня довели, я вас. *(Буранщику.)* Подожди, земляк, сейчас соберемся и поедим! *(Вынимает бумажник, поворачивается к Сергею.)* Где этот Волгин? Звякни ему, чего он тормозит?!

Сергея. Я уже пробовал, он вне зоны. «Абонент — не абонент». Э, Костик, убери деньги, я и сам могу заплатить...

Игнатов. Не надо сам. Костя у нас кто? Газпром! А Газпром — что? Национальное достояние. Пусть хоть раз за хороших людей забашляет.

Появляется Волгин, тянувший за собой санки с рыбацким барахлом.

Волгин. Еле нашел вас! А позвонить не могу — телефон сломал.

Костя (*обнимая его*). Ну, молоток, приехал! Как я рад, ты не представляешь!

Волгин. Да я, идиот, карман забыл застегнуть, а когда нагибался трос прицепить, он и выпал. И как я не заметил? Главное, обидно: сам же и наступил на него!

Сергея. А трос зачем? Пугаешь!

Волгин. «Ниссан» пробовал вытащить из кювета. Девушка совсем неопытная, похоже. Стоит на дороге, плачет. А на пассажирском кресле пацан, натурально синий! Я по тормозам, естественно. Трос, говорю, есть? Он мычит... Телефона жалко!

Костя. А мы уже волновались, где ты. Думали, проспал.

Игнатов. Получается, день с аварии начался? Хреновая примета...

Сергея. Ладно, не каркай! Костя вон и так весь извелся. (*Бураничку.*) Эй, мы готовы!

Бураничник. Сюда падайте. (*Указывает на салазки и, пока все мостятся друг за другом, говорит Сергею.*) Ты телефон мой забей, вечером заберу вас, со скидкой. (*Кричит остальным.*) Плотнее к задку жмитесь, так сцепка лучше. (*Косте.*) Так, говоришь, Газпром башляет?

Костя (*садясь на заднее сиденье*). Да легко! Довезешь, где сразу клюет, — плачу двойную цену!

«Бураничка» медленно сползает на лед. Вдруг справа появляется Ульяна.

Ульяна. Тимурчик, Сергей, погодите! Стой, говорю, стой!

«Бураничка» тормозит, Ульяна подбегает к салазкам.

Ульяна. Ну как чуяла, что вас встречу! Родненькие вы мои, дайте хоть обниму! (*Указывает на Волгина.*) О, и этот с вами выгрется?

Волгин (*с вызовом*). Да, мадам, имею право! Кстати, поздравляю с международным, так сказать, женским праздником! Желаю сегодня поймать полный вкладыш!

Ульяна. Спасибочки-спасибульки! Так приятно!

Появляется Витек. Он тащит большие семейные санки-волокуши.

Витек. Всем здорово!

Сергея. А вы что, пешком?

Ульяна. На билеты не хватает! Мой Витек зарплату в винноводочный сразу тащит. Вот рыбка выручает, наловлю — и живем.

И кредиты проклятушие с нее платим. А так бы я тоже бы прокатилась. С такими кавалерами! (*Указывая на Волгина.*) Да хоть и у этого на колёночках...

Костя (*Ульяне, пересаживаясь в салазки*). Место свободно, мадам, залезайте. С праздником вас! Всё, погнали уже скорее!

Ульяна (*Витьку*). Удочки мои давай! Да быстрее ты, тормоз! А лучше цепляй мне рюкзак, скорей дочапаешь.

Витек. Не надо рюкзак! Я сам! Эй, а как вас найти там?

Костя. Мы палатку поставим. Оранжевую, такая двойная, огромная, как дворец, не спутаешь.

Снегоход уезжает. Витек лезет в рюкзак, достает «полторашку» с самогоном, делает хороший глоток. Лицо его расплывается в улыбке.

7.

Ледовая «поляна» между торосами. В просторной палатке без курток и шапок сидят над лунками Костя, Волгин и Игнатов. Серега снаружи уселся на ведре и ловит двумя удочками, подергивая их по очереди коротко и резко. Ульяна так не может, она слишком азартна: постояв минуту на одной лунке и не дождавшись поклевки, перебегает на другую, потом на третью и снова на первую. Вид у всех разочарованный.

Оно и понятно: рыба не клюет. Совсем.

Костя (*нагибаясь к лунке, кричит*). Рыба, просыпайся! Я восемь тысяч кэмэ летел к тебе на свидание! Почувствуй мою любовь! Ответь взаимностью!

Игнатов. Ты лучше на жалость дави. Смотри, как надо... (*Наклоняется к лунке.*) Дедушка Нептун! Пожалей меня, я живу на одну пенсию!

Костя. Рыба, ну будь ты человеком! Мне улетать завтра! Ну, клюнь, пожалуйста, хотя бы навага... (*Волгину.*) Антон, ты можешь с научной точки зрения объяснить, почему именно сегодня такая подстава? В тот единственный, блин, день, когда я здесь, на воле, и на тебе — полный облом?!

Волгин. Ну я, знаешь, не ихтиолог вообще-то... Но могу предположить, что из-за падающего атмосферного давления водная биомасса постепенно смещается от зоны бентоса в более высокие слои пелагиаля.

Игнатов (*Косте*). Понял?

Костя. Неужели даже на отжарку не надергаем?!

Серега (*громко, чтобы слышали в палатке*). Нету рыбы сверху. Я с полчаса пробую на разной глубине, и под самую лунку поднимал. Нигде даже не нюхает. Полный игнор.

Ульяна. Праздник называется! Зачем я, как дурочка малахольная, с вами поехала? Застряли тут с палаткой, а за рыбой бегать сегодня надо! Серега, пошли вон на ту полянку сходим. Видишь, чайки там клюют

что-то. Видать, народ вчера ловил, навагу не взяли. Тут метров триста всего.

Сергеа. Ага, триста... Минимум пятьсот. И каша на льду... Иди, если неймется.

Ульяна. Бур возьму твой, ладно? А Витек придет, наш оставит.

Сергеа. Да на здоровье!

Ульяна пытается поднять бур — длинный, со вставкой, чтобы пробить самый толстый лед. И обнаруживает, что бур вдвое выше ее.

Ульяна. Серезенька, ну сделал бы мне в женский день подарочек, а? Ну не хочешь — и не лови там, мне только прокрути пару дырок.

Сергеа. Извини, никак. Я сегодня отжарщик. Как я уйду? Пусть вон Тимур сходит.

Игнатов. А я не могу. Мне сначала выпить надо. И закурить. Я же только на рыбалке развязываюсь. А то бы помер уже, наверно...

Ульяна. Хочешь, на сигарету? А мой придет — нальет, он сто процентов взял. Паси его, не паси — бесполезно, свинья грязь найдет!

Игнатов. Эх, Ульянка, вот ничё ты не помнишь. Я же объяснял принцип: пока первую не поймал — ни рюмки, ни сигареты! Это у тебя рыбалка — промысел, а для нас — ритуал, понимаешь? Сегодня мы и так уже нарушили, а надо пешком идти. Потопаешь по морозцу час, а лучше полтора, пропотеешь, а потом как первого зубастого выхватишь, вот тогда и первая затяжка такая сладкая... После первой рюмки, конечно, только эту рюмку нельзя ни в коем разе закусывать! Весь смак перебьешь... Да что ж это и правда такое! Вообще глухо! Надо еще пожаловаться. (*В лунку.*) Рыба, мне завтра уху варить не из чего!

Костя (*подхватывая*). Рыбка, хочешь стать золотой? Давай я тебе денег в лунку кину? Только клюнь, ну пожалуйста!

Волгин (*негромко, Косте*). Я читал: японские ихтиологи выяснили, что перед непогодой азиатская зубатая корюшка хаотично перемещается по акватории. Возможно, если отойти на сто метров, там действительно будет клев. Но я лично не рискну с Ульяной идти.

Костя. Боишься, приставать начнет, а муж застучает?

Волгин. Не смешно. Глупое предположение...

Костя. Антон, без обид! Может, мне рискнуть здоровьем? А то так и уеду без единой поклевки. Ульяна эта ваша прикольная, я смотрю. Опытная — видно. И азартная, да?

Волгин. Такой азарт лечить надо! Я однажды пошел с ней отдельно, пробуриться помог... Сели идеально! Небольшая поляна, вокруг торосы сплошные — никто не обурит и рыбу не распугает. И знаешь, бывает так, у меня по три-четыре на гирлянду цепляются, а Ульяна не ловит. Крючки были у меня синие, с коротким цевьем, идеально в тот раз сработали. А у нее нет таких, и полное фиаско. Как она меня измучила, нет слов! Сама не ловит и мне не дает! То лунку ей рядышком с моей пробури,

то крючки похожие поищи... Потом совершенно обнаглела: дай, говорит, твоей гирляндой половить!

Костя. Ну да, это все равно что у казака его шашку попросить...

Волгин. Я бы другую аналогию провел: это как взять чужую зубную щетку.

Костя. И ты дал?!

Волгин. Ага, сейчас! Она меня почти всегда облавливала, а тут — я! Так она присела подальше, а ветерок в мою сторону, и я слышу: бубнит что-то над лункой, как бы ворожит. Побубнит-побубнит — и лунку перекрестит. А слова нелепые какие-то, я в точности не запомнил. Ну, примерно так:

«Корюшка моя ненаглядная,
 Красавица ты нарядная,
 К лунке моей подойди
 И мои крючочки скорее найди,
 А вон тому гондону их оборви
 И ко мне во славу Божию плыви!»

Вот что я ей сделал, чтоб таким словом обзыватьсѧ?

Костя (смеясь). А я все никак не пойму, чего ты на нее куксишьсѧ! Тоже нашел, на кого обижатьсѧ. Будь выше! Она правда с рыбы живет?

Волгин. Ну не только... Еще черемшу собирает, грибы, ягоды. А зимой — ну да, наловит и торгует на рынке. Пару дней рыбачит, день продает.

Костя. Ну вот. А ты заработать ей мешал. Так что, считай, получил за дело. С ее точки зрения, конечно.

Волгин. Все равно, зачем обзыватьсѧ? Мы же не в детском садике!

Костя. Золотые слова! Сейчас поймаем, отжаримсѧ, нальем — и я вас помирю, заставлю выпить на брудершафт!

Ульяна (кричит). Тащѧ! Только не сорвись, роденькая моя, только не сорвись!

Ульяна выбрасывает на лед первую рыбку. Тут же клюет у Сереги. Затем оживаетсѧ Игнатов, следом — Волгин. Только Костя сидит без поклевки и чуть не плачет. Волгин, сняв рыбу с крючка, замечает несчастное лицо Кости. Протягивает ему свою удочку. Костя опускает гирлянду, от неожиданной поклевки теряет равновесие и падает на лед. Встает, чуть не плача: добыча ушла. Опускает гирлянду снова, тут же подсекает, машет руками, выбирая леску, и, вытащив зубаря, исполняет хаотичный танец и, не в силах сдержать чувств, целует свою рыбку, нюхает ее, вдыхая огуречный запах.

Костя. Пахнет, мужики! Я нашим в клубе рыбацком рассказываю — не верят... Антон, ну хоть ты объясни, зачем ей именно огурцом нужно пахнуть?

Волгин. Есть теория, что этот запах выделяют самки, чтобы привлечь самцов.

Игнатов. Надо же! Все как у людей.

Костя делает селфи со своей первой корюшкой.

Костя. Сейчас на сайт клуба выложу — народ взвоят от зависти! Эх, жалко, запах нельзя выложить, да? Странно, не грузится чё-то...

8.

В палатку заглядывает Серега.

Серега. Хотите, чтоб не клевала больше? Почему за первую никто не наливает? Тимур, доставай!

Игнатов. Я думал, ты сегодня берешь.

Серега. Опять приступ склероза? Я сегодня вон все для от жарки припер. Даже сковородку новую.

Пауза.

Волгин. А что вы на меня смотрите? Если бы я спиртное в рюкзак положил, Инна бы умерла от инфаркта.

Серега. А в машине прятать не пробовал?

Волгин. Костя, ну почему надо обязательно наливать на рыбалке? Это какой-то алкаш придумал: якобы, если за первую рыбку не выпить, потом клева не будет! А никто этого научно не проверял...

Костя. А я бы обмыл свою первую! (Сереге.) Ты почему не сказал? Я бы с собой вискарика взял вкусного...

Пауза. Игнатов роется в рюкзаке — вдруг все же не забыл настойку... Серега поворачивается и на пороге сталкивается с Витьком.

Витек. Ну вы и умотали! Еле увидал, весь народ ближе сидит.

Игнатов. Вить, ты же мне друг? У тебя вмазать есть?

Витек. Ну а как же? Маленько... (Кивает в сторону Ульяны.) Праздник же...

Серега. Капнешь Косте? Он вообще первую поймал в этом году.

Витек достает из рюкзака полную «полторашку» и сразу прячет обратно. Вынимает на треть пустую. Все делают вид, что не замечают его манипуляций.

Витек (Косте). Это ты, значит, из Москвы половить на один день прилетел?

Костя. Сам в шок!

Витек. Сколько на эти деньги зубаря можно купить?

Витек наливает самогон в подставленную Игнатовым крышку термоса, сам прикладывается к бутылке.

Сергеа. Не пей!

Витек (*испуганно пряча бутылку за пазуху*). Что, моя идет?

Сергеа. Не. Забыл? Надо же Косте «ура!» крикнуть. Троекратно. За его первую!

Костя выпивает самогон, ему кричат: «Ура! Ура! Ура!» Витек, выпив и слегка поколебавшись, наливает всем.

Сергеа. Ух, хорошо!

Костя. А крепкий, похлеще виски!

Волгин. Бр-р-р...

Сергеа. Ладно, хорошего понемножку. Давайте все по лункам, пока ловится.

Все начинают сосредоточенно рыбачить. Витек, прежде чем выйти наружу, один выпивает еще порцию самогона.

9.

Начинается поземка... Перед каждым из друзей уже кучка рыбы — больше всех у Сергеа и Ульяны, они так и рыбачат на воздухе. А у Витька нет и десятка хвостов, зато, укрывшись в палатке от глаз супруги, он с помощью друзей приканчивает первую бутылку. Лицо покраснелось, он разделся до футболки. У Кости стало хуже с дикцией, у Игнатова — с координацией. Только по Волгину не скажешь, что он пил.

Костя. Мужики, вы вот ва-аще не понимаете, какие вы везунчики! Если бы я был президент, то взял бы и приказал: переносим Москву прямо вот сюда, на залив. Прикинь, какой шикардос будет! Небоскребы, как в Нью-Йорке... И на берегу наш офис центральный! (*Икает.*) И я так раз — с работы вышел, а у меня тут персональный снегоход! Раз-два — и ловишь свежую рыбку на ужин! Во, мужики, а жарить не пора уже?

Волгин. Утопия! Хотя красиво...

Игнатов. Ого, у меня, кажись, сразу штуки три сели! Тяжело как идет! (*Вытаскивает средненькую рыбку.*) Не понял... Где другие?

Волгин. Да ты ее за хвост зацепил, вот она и сопротивлялась всеми фибрами.

Игнатов (*разглядывая рыбку*). Где у тебя тут фибры? Антон, фибры внутри или как? Может, покажешь, ты же у нас капец какой умный!

Волгин. Тебе в таком состоянии нет смысла объяснять.

Игнатов. В каком еще «таком» состоянии? (*Привстает со стульчика и падает на бок.*)

Волгин. Вот именно в таком! Ты назавтра все равно ничего не помнишь!

Витек (*кивая в сторону Ульяны*). Потише, горячие финские парни! Давайте по крайней — и план делать.

Костя (*кивая на опустевшую бутылку*). А это что — уже все?

Витек (*смущенно*). Ясен пень! А вы чего пустые приехали?

Игнатов. Это Серега попутал...

Костя. Эх, господа мужчины, не стыдно? Единственной женщине-рыбачке никто не предложил даже рюмочки! В женский, так его, день! Мне — очень стыдно. Я ей свою порцию отдам! (*Наливает в чашку чай — и туда же свой самогон. Витек делает протестующий жест, но поздно: Костя уже высунулся из палатки.*) Ульяночка, отдохните! Вас ждет бокал глинтвейна в честь Восьмого марта.

10.

В палатку входит Ульяна.

Ульяна (*Витьку, указывая на его жалкий улов*). И это — всё? Ты чё ваще тут делал? (*Внимательно смотрит на него, поворачивается к остальным.*) Так, кто моего мужика напоил? Я, как хотите, за руль не сяду, я вечером в темноте слепая курица.

Игнатов. Можно заночевать в машине. Утром ехать зато не надо. Встал и опять лови.

Ульяна. А на работу ты за него пойдешь? (*Витьку.*) Все мало тебе в горло, все мало! Ты ж обещал рулить назад!

Костя. Он не хотел, это мы его уломали. (*Протягивает Ульяне чашку.*) И очень просил вам оставить!

Игнатов. Подтверждаю!

Волгин. Примите поздравления! Всегда удачной рыбалки!

Ульяна. Ой, что-то не верится! Ой, складно поете... (*Опрокидывает чашку, сипит что-то невнятное, отмахиваясь от закуски, которую протягивает Костя.*) Е-е-ерш твою едрить да через пятое колено! Ого себе глинтвейн! Да в ём же... Точно! (*Неожиданно бьет кулачком в скулу Витька, он хватается за щеку и отступает в угол.*) Ты где прятал, сволочь? Думал, я твою сивуху не узнаю? Да мне пробку понюхать хватит! Ну, давай — наливай тогда еще. А тебе — во! (*Сует Витьку кукиш.*) Сегодня я точно не рулю! Мой праздник!

Витек. Так нету больше, Ульяшенька! Я немножко брал, кончилась...

В палатку заходит Серега, застегивает за собой полог. Снаружи уже сильная метель...

Серега. Чё-то заметать стало не по прогнозу. Пересажу пока с вами. Заодно отжарюсь.

Костя. Ура! Давай скорей, а то у меня слюна скоро высохнет.

Сергеа. Только отжарщик рыбу не чистит.

Игнатов. И я не буду. Пусть Волгин!

Волгин. Вот еще новости! Разве моя очередь?

Игнатов. А кто в прошлый раз триндел, будто я желчь не убрал и типа горчило? Вот и покажи класс! А что — пусть чистит по науке...

Ульяна. Какая там наука особая! Чик-чирик — и на сковородку. Мой пока разденется с рыбалки, так у меня рыба уже пожарена. (*Игнатову.*) Кидай сюда наважку, она слаще.

Костя. Ульяна, я, как столичный джентльмен, не могу вам позволить 8 Марта чистить рыбу. Давайте ножик, я все сделаю. А доска разделочная есть?

Ульяна (*расчищая сапогом от снега лед возле него*). А как же! Тебе пошире или такая сойдет?

Костя чистит рыбу. Ульяна не может сидеть без дела и берет его удочку. Но клева уже нет. Игнатов и Волгин тоже напрасно подергивают свои удочки, а Витек дремлет, прислонясь к стенке палатки. Сергеа достает газовую плитку и сковородку, берет у Кости порезанную на куски рыбу, начинает жарить. В воздухе разносится дразнящий, ни с чем не сравнимый запах.

Сергеа. А что, отличная сковородка... И чего Маринке не понравилась?

Костя. Я сейчас язык проглочу! И губы тоже! Сергеа, имей совесть, дай попробовать... (*Хватает протянутый на ноже кусок, обжигается, роняет, поднимает, дует на него и сует в рот.*) О-о-ом-м! Ум-м-м! А-ам! Полный кайф! Как же это вкусно! Нет слов! (*Умоляюще.*) А можно еще?

Ульяна. Да уж потерпи, сейчас на тарелки выложим. Ты что, жареной рыбы никогда не ел? Эй, граждане, мечи на стол, кто чем богат.

Сергеа, Игнатов и Волгин достают свои запасы.

Сергеа. Сто раз он ел. Сам и приучил нас отжариваться, мы раньше ленились... Это ж сковородку таскать, плитку, масло, муку! Баллон замерзает, под мышкой греешь его... Геморрой, короче.

Ульяна. И отжарщику обидно, да? Все ловят, а ты им жрать готовишь!

Сергеа. Ну, тоже да... Зато какой запах, а? Как-то без этого уже и рыбалка — не рыбалка, скажите, мужики?

Волгин. Истину глаголешь!

Костя. О, кстати... Мужики, надо что-то делать!

Сергеа. В смысле?

Костя. Неужели мы за такой шикарный стол — и без выпивки сядем? Так и будем просто жрать — как собаки?

Костя выразительно кивает на прикорнувшего Витька. Тот приоткрывает глаз и мгновенно закрывает. Ненатурально всхрапывает.

Ульяна. Да ну... вы ж у него всё скушали.

Игнатов (*нарочито громко и серьезно*). Предлагаю в магазин послать, кто меньше поймал. Буранщика если найти, за полчаса слетает легко. Давайте скидываться.

Костя. Не надо, деньги есть. Эх, я бы за водку сто баксов не пожалел! (*Витек открывает один глаз.*) Или даже двести... (*Витек открывает оба глаза.*) А если бы пузырь тут образовался, прямо вот сейчас, отдал бы ваще полштуки! А то обидно, рыба же стынет.

Витек (*вскакивая*). А у тебя есть? Покажь! (*Костя вынимает купюры. Витек бросается к рюкзаку и возвращается с полной «полторашкой».*) А за самогон сколько дашь?

Ульяна. Ох, нифигасе! Витенька, это точно ты?

Витек. А чё?

Ульяна. Да ничё... Это ж какая у тебя, блин-компот, сила воли! Прямо пленный партизан! Павлик Морозов!

Волгин. При чем тут Павлик Морозов?

Сергеа. Ладно, давайте уже за стол. Остывает же.

Костя. Наконец-то! Эх, мужики, как я счастлив! Ни за какие деньги это не купишь!

Костя дает Витьку две купюры, причем одну выхватывает Ульяна, но вторую Витек успевает сунуть в шапку.

Игнатов (*наливая всем*). Ну, что, по традиции: за отжарщика!

Все чокаются, пробуют рыбу. Восторженно причмокивают и чавкают. Игнатов наливает по второй. Потом по третьей. Вдруг издали доносится слабый прерывистый гул сирены.

Сергеа. Тихо! Слышите? Вроде с берега гудит? По ходу, эмчээсники включили...

Ульяна (*пьяненьким голосом*). В ушах у тебя гундит! Это ветер.

Игнатов. Я тоже не слышу.

Волгин. Ты не показатель. Уши в каком году мыл?

Костя. Братцы, хорош вам, ну-ка, хряпните мировую! Сергеа, слабо еще одну сковородку сделать? Я почищу.

Пока жарится вторая порция, все выпивают и закусывают. Градус веселья все выше. На гул сирены никто уже не обращает внимания. Внезапно перед палаткой с характерным треском возникает черная полоса воды — трещина. С каждой секундой она становится шире. Палатка с рыбаками на отколовшейся льдине плавно уходит вдаль.

Вокруг палатки — снег и ветер, а внутри — тепло и уют. Витек дремлет на стульчике, лицом в колени. Ульяна свернулась в семейных санях-волокушах. Игнатов растянулся на рюкзаке. А Костя упал на лед и спит, подложив кулак под голову. Серега и Волгин сидят напротив друг друга, между ними — почти пустая «полторашка» и остатки закуски.

Волгин. ...И все-таки ты обязан сформулировать: в чем для тебя смысл рыбалки? Внутренний, самый глубокий, понимаешь? Вот наши предки, первобытные, они тоже добывали рыбу, это научный факт. И у них был единственный смысл — хотелось жрать. Им не надо было убежать от цивилизации, от семейных уз...

Серега. Но бабы их сто процентов доставали! «Дорогой, когда мы уже поменяем шкуры на входе в нашу пещеру?»

Волгин. Не съезжай с темы. Я вот для себя давно сформулировал.

Серега. Ну?

Волгин. Я, когда рыбачу, как бы ставлю эксперимент. Новые условия каждый раз: погода там, фаза Луны, высота прилива... И все уловы записываю! Могу открыть тетрадь и сказать, сколько чего ты или Тимур поймали, допустим, семь лет назад. В конкретный день марта.

Серега. Ну, прикольно... А дальше что?

Волгин. Когда данных соберу достаточно, придумаю, как обработать. И буду знать, в каком месте и в какое время выше процент удачи.

Серега. Ладно, я объясню сейчас... А давай еще по одной? Мозги в кучку собрать.

Волгин (наливает Сереге, себе, смотрит на часы). Ого, без пяти четыре. Может, тебе хватит? Не успеет выветриться...

Серега отмахивается и выпивает. Протирает снегом лицо.

Серега. Я, наверное, только здесь мужиком себя чувствую. Хозяин сам себе. Только тут свобода, понимаешь? Хочу — метнусь за торо-сы, хочу — возле берега сяду. Или вообще брошу ловить и буду орланов рыбкой подкармливать. И ни одна падла мне ничего не прикажет! Потому что я мужик, а не конь педальный! И это моя жизнь и моя добыча! А может, самое главное — мой риск! Сколько мы раз по льдинам прыгали, помнишь?

Волгин. Да уж... Мне и первого раза хватило!

Серега. А я тогда провалился, помнишь? И знаешь, что представил? Будто время моей жизни собрано в песочных часах, и если по судьбе, то последние песчинки уже должны вниз упасть... А я одним рывком, когда сумел на льдину выскочить, эти часы — раз! — и будто перевернул, понимаешь? И у меня теперь много-много песчинок впереди. И каждая — день жизни! Я такого восторга даже из детства не помню.

Волгин. Да, представляю... А давай уже это сонное царство воскрешать будем?

Сергея (*кивая на выход из палатки*). Давай, только я гляну, что там делается. Может, буранщика увижу, махну.

Сергея выходит, заслоня лицо от снега. Делает несколько шагов — и чуть не падает в воду. Глядит по сторонам, обходит палатку и вновь упирается в кромку льдины. Идет вдоль нее, пытаясь разглядеть, широка ли полоса воды. Пытается звонить по телефону, прячет его в карман.

Сергея. Сонечка, доченька, ты только не плачь, папка обязательно что-нибудь придумает...

В палатке Волгин пытается растолкать Игнатова и Костю. Наконец сердито машет рукой и выходит.

Волгин. Ого! Ну и метет! Не видел буранщика?

Сергея. Звонить ему надо. А у меня связь не ловит. Давай с твоего.

Волгин вынимает смартфон, пробует включить.

Волгин. Я же сломал! Накаркал Тимур: примета ему плохая... Что делать будем? (*Сергея молчит. Волгин начинает догадываться, что случилось.*) Мы плывем, что ли? Ты не шути так! Ты далеко ходил? Нас что, реально оторвало? Ты же говорил, прогноз терпимый! Черт, дернуло Костю прилететь! Мы же вообще не собирались сегодня! Восьмое марта же, какая рыбалка! Сергей, надо бегом к берегу! Эти пусть дрыхнут, мы помощь хоть позовем... Успеем! Тот раз тоже конца трещине не было! Лед должен где-то смыкаться, надо только перемычку найти!

Сергея. А где берег? Ты видишь? Куда идти, знаешь?

Волгин (*тыча рукой в снежную муть*). Туда, конечно! Или нет, туда... Можно по геолокации определить! Черт! Сигнал же не ловится... Думай, Антоша, думай! Эврика! Звони в службу спасения, она везде доступна, номер еще такой простой... 911.

Сергея. Это у америкосов. У нас 112. Только срывается. Я пробовал. По ходу, мы из зоны покрытия вышли. Давно, наверно, относит.

Волгин. Нам же обязаны помочь! Они не имеют права отсиживаться! У нашего МЧС есть на воздушной подушке судно! По льду летит, по воде — одинаково...

12.

Волгин вбегает в палатку, толкает Костю — тот мычит, отворачиваясь. Волгин пинает его ногой.

Волгин. Просыпайся, идиот! Нас из-за тебя в море унесит!

Костя не реагирует. Входит Серега и растирает ему лицо снегом.

Костя. Ай! Вы что, обалдели? Я ночь не спал, имейте совесть...

Костя снова норовит улечься, но Волгин хватает его за куртку.

Волгин. Дай телефон, скорее! (*Костя протягивает смартфон Сереге, тот пробует звонить.*) Ты какого лешего прилетел, а? Сидел бы в своей Москве, на твою зарплату там любой рыбы можно купить!

Костя (*Сереге*). Чего он? (*Волгину*.) Перепил, брат?

Серега. Вот непруха, и этот вне зоны.

Игнатов (*неторопливо садясь*). Вы буранщику звоните, что ли? Тогда я сейчас пешком пойду, рыбы не сильно много, дотащу.

Волгин. Вы... вы... вы... придурки! Вы до сих пор не поняли? Мы плывем!

Костя. Как?

Серега. Ну, помнишь, вроде сирена гудела. Это эмчээсники сигналили, что припай отходит.

Костя. Так вы не прикалываетесь? Мы на льдине? Нам же с Кариночкой утром в Токио лететь! Билет невозвратный... А после отпуска меня повысить обещали... (*Мотает головой и вдруг хватается Серегу за грудки.*) Ты какого хрена меня сюда затащил? Я ж говорил, если будет погода! А теперь что получается: мы тут сдохнем, да? Утонем? Или тупо замерзнем и умрем? Умрем, да?

Ульяна (*в похмельном раздражении*). Ну ты, потише, попугай московский! Прямо как мой Витек, он тоже от ужастиков по телеку прется. (*Передразнивает.*) «Боже, мы все умрем!»

Витек (*потягиваясь*). Смотрю, и что? А тебе только и надо сериалы твои сопливые. Мужики, похмельиться осталось?

Серега. Сейчас все протрезвеете! Никогда же раньше столько бухла не брали! (*Ульяне*.) А тут, как нарочно, ты упала на хвост.

Ульяна. Так вы ж меня сами... Восьмое же марта, вы чё, кавалеры! Я думала, мне сегодня будут рыбу с крючков отцеплять...

Волгин. А можно рот закрыть и помолчать просто? (*Ульяна изумленно замолкает.*) Вот так, спасибо.

Серега. В общем, мужики: труба дело. Нас оторвало и несет, а куда идти, не видно. Связь не ловит. Честно — я вот не знаю, что делать.

Игнатов. Ешкин кот! Ты серьезно? (*Косте*.) Это все из-за подарка твоего дебильного! Дворец он припер... Сидели б на воздухе — давно бы на берег ушли.

Витек. Хотел же три бутля взять! (*Хватаясь за голову*.) Эх, я ж их как клад запрятал! Пропадут, обидно...

Ульяна. А я борща наварила бадью полную! (*Витьку*.) Говорила тебе — на балкон поставь, а ты — сын уберет, позвоним со льда... Вечно влезешь, когда не просят, всю жизнь мою так испоганил!

Игнатов. Значит, не зря мне опять этот сон приснился!

Ульяна. Какой?

Игнатов. Да из детства случай. Как мы весной играть на берег прибежали, а с моря прибило льдину здоровую, на ней мотоцикл с коляской и три черных мешка. Пригляделись — а это рыбаки. Мертвые, конечно. У мотоцикла покрывки сожжены, а у мужиков лиц нет — птицами поклеваны. Страшно до жути, а мы оторваться не можем, все смотрим! Потом говорили, рыбаков этих от Магадана принесло.

Ульяна бросается к Витьку, тот ее обнимает, а Костя падает на колени и неумело крестится.

Костя. Господи, помоги! За что меня? Если, может, лишнего где-то взял, так это для сына... Я больше в сто раз отдам, только спаси, Господи!

Ульяна. А я поняла... Наказание мне это! Я ж рыб поймала — мильён! Получается, я же убила их! Они дрыгались, бедненькие, жить хотели, а я их завялила и продала... Это мстят они нам, трупки сушеные! Теперь, Витенька, их черед, завтра рыбы нас с тобой скушают!

Волгин. Хватит чушь нести! Нас будут искать, непременно! У меня студенты, и учебное пособие дописать надо, ерунда осталась... Инночка всех на ноги поднимет, до ректора дойдет, а он обратится в правительство! Только бы погода утихла, да? (*Серге.*) На твоём самом точном сайте разве прогнозировали такое?

Сергеа. Честно? Да. (*Волгин замахивается, Сергеа перехватывает его руку.*) Только к ночи! Я думал, проскочим. Косте же всю зиму обещали, он так ждал.

Костя. Опять я виноват? Вы что из меня козла делаете отпущения? Господи, клянусь, я на лед больше ни ногой! Только с берега, карасиков...

Игнатов. Не думал, что будет так неохота... ну, туда. Я, если уж правду сказать, мужики, всегда вам завидовал, что вы моложе. Ну, что у вас больше кайфа жизненного впереди. Зря, значит, завидовал. Одна цифирька последняя будет у всех на могилках.

Витек вдруг выскакивает из палатки, рванув молнию на выходе. Хватает свои сани, кидает на плечо онемевшую Ульяну и тащит к краю льдины. Все спешат за ним. Витек ставит сани рядом с водой, придерживая их за веревку.

Витек (Ульяне). Тебя выдержат они, слышь! Тут, может, метров сто до припая всего! (*Протягивает ей рыбацкую черпалку.*) Только не раскачивай, тихонечко гребь вот этим. А там сообразишь, на берегу машины гудят, слышно.

Ульяна. Витенька! Родненький! (*Обнимает Витьку.*) Я если ругаюсь, ты не слушай, я ж любя это... А я точно не потону?

Витек. Уже плавала, забыла?

Ульяна. Так это вы меня на веревке перетаскивали. Пять секунд — и на месте. Тогда и хлопцы с рюкзаками катались, и ничё. Ой, а вы тут как? Я ж одна там свихнусь!

Витек. Да садись уже! Подмогу зови, как дойдешь!

Витек берет жену в охалку, сажает в сани и толкает их к воде. В эту минуту Серега и Игнатов бросаются на него, валят на снег и вырывают веревку от саней, а Серега хватается Ульяну за капюшон.

Серега. Вылезай! Ты знаешь, сколько плыть? А если волны? Черпанешь бортом — и каюк! В такой воде минуты хватит, чтобы околеть.

Ульяна (упираясь). А что делать? Хочешь — тут подыхай, а мне неохота!

Серега. Хватит! Придумаем что-нибудь. Главное, не замерзнем. И с голоду не помрем, вон сколько надербанили, можно рыбу жарить.

Игнатов. А что, будем ждать, греться да отжариваться... Антон, твоя вроде очередь?

Волгин кивает. Все покорно уходят в палатку. Серега достает из рюкзака фонарик и вешает на крючок под крышей. Повисает молчание. Снаружи быстро темнеет.

13.

Вокруг палатки — тьма и снег, а внутри все собрались вокруг тусклого фонарика. В круге света — сковородка, полная жареной рыбы, но никто не ест. Костя смотрит на часы.

Костя. Кариночка с ума уже сошла, конечно. Мы бы сейчас такси вызывали в аэропорт...

Волгин. Договорились же — не нагнетать! Думаешь, моя Инна спокойно почивает? Или Маринка Серегина?

Ульяна. А я бы поспала, так вы ж не даете.

Волгин. Вернемся, меня Инна точно убьет.

Игнатов. А я тебе давно говорю: мужику одному лучше.

Ульяна (Волгину). Бедненький! Не слушай Тимурку, ему жена когда-то попила кровушки. Хочешь, я с твоей поговорю, по-простому, по-бабски?

Волгин. Добрая ты что-то сегодня...

Ульяна. А чего нам теперь-то собачиться? Ты прости, это я подначивала тебя... И вы меня простите-извините, ребятки, если кому чего плохое по нечайке сделала!

Волгин. Да я сам тоже виноват...

Серега. Что это вы как перед расстрелом? Скоро утро, нас искать начнут. Катер точно отправят. Только сигнал бы какой подать... Тимур, а помнишь, мы фальшфейер с собой таскали? Не у тебя он?

Костя (*понура*). Мы его в небо жажнули. За моего первого зубаря в прошлом сезоне.

Витек. Похмелиться бы... А чай остался у кого?

Сергея. Снега вон пожуй, полегчает.

Витек. Лучше уж сдохнуть! Только сразу чтоб...

Волгин. Ну вот, все в миноре опять! Да нам повезло, если подумать! Льдину могло просто раскрошить, и мы бы тупо утонули. А так можем хоть неделю жить! Вода есть, дом относительно теплый, а еду — поймаем. Рыбу вполне можно есть мороженую, даже вкусно. И главное: палатку спасатели издалека увидят! Костя молодец, что такую догадался...

Слова Волгина заглушает громкий скрежет. Справа от палатки начинает расширяться черная полоса воды. Сергей с Игнатовым берут фонарик и выходят. Увидев полосу, спешат назад.

Сергея. Рядом ломает! Драпаем, в темпе!

Костя. Куда бежим? Надо в центр льдины!

Ульяна (*Витьку*). Кидай барахло в сани!

Игнатов (*Сергею*). А палатку? Снимаем?

Сергея. Да нас кинет с ней в воду, ты что! Это ж как парус!

Все спешно уходят. Сергей, выбежав, возвращается за сковородкой.

14.

Полдень. Снега нет. Рыбаки жмутся друг к другу. Сергей сидит отдельно, закрывая голову от ветра сковородкой, рядом — ледобур.

Витек. Эх, знал бы, четыре «полторашки» бы взял!

Ульяна. А я бы сальца домашнего...

Волгин. Хватит, а? Душу зачем травить?

Костя. А я не хочу ни есть, ни пить. Согреться хочу и уснуть. Потом чтобы проснуться — а мы с Кариночкой в Токио, а вот это все — сон дурацкий!

Сергея. Отдохнули? Пять минут прошло. Уши затыкайте.

Встает, ставит бур и бьет по нему сковородкой. Раз, другой, десятый... Противный громкий звон. Звон стихает. Из разных кулис появляются Инна и Марина с телефонами. Инна набирает номер, телефон Марины звонит.

Марина. Что, вам звонили, нашли?

Инна. Нет, я подумала, вдруг у вас какие-то новости... Нету, да? Ой, я уже ни плакать не могу, ни злиться! Зачем он поехал, зачем?! И ведь я сама разрешила! Ну что мне стоило сказать: Антоша, ты с ума

сошел, ведь сегодня 8 Марта! Он бы и спорить не стал, он у меня такой (всхлипывая)... рыцарь.

Марина. И мой! Он такие сюрпризы нам оставил с Сонечкой на праздник, с таким вкусом выбрал, не поверите!

Инна. Это приятно... Мой тоже...

Марина. Вдруг они просто сломались, а? И стоят, где связь не ловит. А помочь некому, не поехал никто, вон как замело. Инна Павловна, вы не попросите своего знакомого в мэрии, чтобы он дал технику и проверили дорогу? Я пока Сонечке не говорю про папку...

Инна. Да, непременно попрошу... (Отключает телефон.) Нет, лучше им пока не знать. Обе машины нашли пустые на берегу, какие могут быть варианты? Лучше не думать, нет! Не может с ним этого случиться! Антоша, милый мой, хороший, рыцарь ты мой Ланселот...

Марина (положив трубку). Господи, ты только вернись, Сереженька! Как мы без тебя? Не хочешь таксистом — не надо, я помню, какой ты приходил черный после смены... Мы и на мою зарплату протянем, а ты дома побудешь, с Сонечкой уроками позанимаешься. В парк пойдем гулять, как раньше, помнишь? Ты нам венки сплетишь из одуванчиков, а Сонечке — двойной, как у принцессы...

Инна и Марина уходят. Серега снова со всего размаха стучит по буру сковородкой. Раз, другой, десятый... Рыбаки застыли, закрыв глаза. Вдруг на краю льдины появляется человек и идет к ним. Когда он подходит, видно, что это спасатель МЧС в оранжевом костюме-плавке.

Спасатель МЧС (Сереге). Хватит греметь! Сообразил же, за пять кэмэ слышно! Ну что, отдохнули, нарыбачились? На берег все едем, или, может, кто останется?

З а н а в е с .

Константин ГОЛОДЯЕВ

МОСТ В БУДУЩЕЕ

Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали (Великого сибирского пути, как ее называли) имело стратегическое значение для Российской империи. Поэтому правительство не согласилось на заманчивые условия иностранных концессионеров, а строило дорогу за казенный счет.

После утверждения в 1887 г. Средне-Сибирского варианта прохождения магистрали (через Омск, Томск, Красноярск) в Приобье появляются железно-

Константин Яковлевич Михайловский

дорожные изыскатели. В их задачу входило гидрографическое обследование реки Обь для выбора варианта мостового перехода через нее. Начальником работ и председателем комиссии по изысканиям Западно-Сибирского участка дороги был назначен известный транспортный строитель Константин Яковлевич Михайловский. Были созданы несколько изыскательских партий. Начальником шестой партии (Колыванской) по прокладке линии через Колывань и далее на восток назначен инженер-изыскатель Николай Георгиевич Михайловский (более известный нам как писатель Гарин-Михайловский), начальником пятой (Обской) — инженер Викентий-Игнатий Роецкий. Но ввиду недостатка средств партию Роецкого включили на правах отдельного изыскательского отряда с самостоятель-

ным финансированием в состав партии Н. Г. Михайловского.

Девятнадцатого июня (все даты по старому стилю) Н. Г. Михайловский вместе с основным составом выехал из Колывани на восток, на прокладку магистральной линии до Поломошной — Почитанской (район Юрга — Яя) и для определения вариантов захода ветки в Томск. Отряд же Роецкого на следующий день приступил к детальным изысканиям места мостового перехода через Обь в нескольких десятках километров южнее Колывани, где наблюдались большие выходы на поверхность скальных участков. В конце августа К. Я. Михайловский

Викентий-Игнатий Роецкий

вместе с подрядчиком работ, успешным военным инженером полковником В. И. Березиным (настоящая фамилия — Березовский) прибыл в район Кривошекова, ознакомился с результатами технических расчетов Роецкого, осмотрел место перехода и одобрил его «как единственно возможный». Непосредственный руководитель инженера Роецкого Н. Г. Михайловский позднее также поддержал выбор кривошековского варианта: «согласно распоряжения Начальника работ направление на Кривошеково представляется как магистральное направление»¹.

Уже в феврале были подготовлены материалы для строительства мостового перехода: поперечные профили реки, железнодорожного полотна и др., но еще до конца 1892 г. в департаментах Госсовета, Комитете министров продолжались споры, что же все-таки вы-

годнее для казны: строить через крупные реки капитальные мосты или будет достаточно паромных переправ, за которые так ратовал Н. Г. Михайловский, не веривший в будущее Транссиба. И вот наконец 16 февраля 1893-го на расширенном заседании Комитета министров, Департамента государственной экономии Госсовета и Комитета строительства Сибирской железной дороги окончательно одобрен вариант постройки моста через Обь — как «наиболее целесообразный в техническом отношении» проект. Через одиннадцать дней решение «утвердить направление Средне-Сибирской железной дороги от перехода р. Оби у сел. Кривошекова» собственноручно подписал император Александр III: «Исполнить»². 27 февраля 1893 г. — законодательная дата рождения Новосибирска.

В марте был утвержден и первоначальный проект моста через реку Обь, разработку которого профессор Петербургского института инженеров путей сообщения Николай Аполлонович Белелюбский и инженер Николай Борисович Богуславский начали еще в 1891 году.

Решением инженерного совета Министерства путей сообщения было рекомендовано применить для Обского моста сварные пролетные строения системы Гербера (современные консольно-балочные), когда одни пролеты ложатся на мостовые опоры (быки), а промежуточные, подвесные, опираются на выступающие консоли первых. Здесь были применены уже опробованные

Николай Аполлонович Белелюбский

конструктивные разработки Белелюбского, известные в мире как «сопряжения русского типа».

Отверстие моста (ширина между береговыми устоями) составляло 360 саженей. Прочность моста рассчитали исходя из наименьшего веса пролетных строений при учете наименьшей стоимости сооружений. Решено было перекрыть основное русло реки семью пролетами длиной от 48 до 55 саженей плюс два береговых по 10 саженей. Условиям судоходства ничего не мешало.

Севернее села на правом берегу Оби стали разворачиваться подготовительные работы. Ранней весной 1893 г., еще до приезда строителей моста, на правом берегу начались строительные работы, но не на самом берегу, а в глубине Обского бора — на будущей станции Обь. «Заключены условия с подрядчиками на производство земляных работ на протяжении 240 вер. (от р. Оби до станции Таежной)... нанятые подрядчиками землекопы, в числе до 2 000 чел., с 4 мая приступили к работам»³.

Первый новониколаевский «краевед» Николай Павлович Литвинов пишет: «Восточный участок к нашему приезду уже начинал строиться, он шел с правого берега Оби до Тайги и далее»⁴.

Литвинов прибыл на стройку вместе с Григорием Моисеевичем Будаговым, приглашенным генеральным подрядчиком «В. И. Березиным бытъ его доверенным на постройке им с подряда моста чрез р. Обь»⁵ и уже имевшим опыт возведения мостовых переходов через Волгу и Днепр. Это случилось уже на следующий день после приезда в Кривошеково первого крупного отряда квалифицированных рабочих и техников.

Работы продвигались быстро. Согласно «сведениям о положении к 1 октября 1893», от реки Оби уложено 5 верст пути хозяйственным способом, доставлено в Кривошеково и на станцию Обь 2 паровоза, 25 товарных вагонов и платформ, оборудование малых мастерских, водоснабжения, телеграфного: 3 550 пудов проволоки и 20 аппаратов для станций, 210 000 пудов рельсов и 15 000 скреплений (140 000 и 43 000 соответственно — в пути), а также многое другое⁶.

Рельсы заказывались на Новороссийском, Брянском, кн. Белосельского, Тагильском, Южно-Днепровском заводах (позднее на Надеждинском), а заготовка шпал велась в Тарском округе. Первое время все необходимые материалы и оборудование доставлялись по реке, но в 1895 г. железная дорога достигла и Оби. Ее проект предусматривал однопутное полотно с суточной интенсивностью в шесть поездов и скоростью до 12 верст в час. Насыпь возводилась до семи саженей высотой и более двух шириной, на нее укладывался щебеночный балласт и облегченные рельсы под нагрузку 10—16 тонн на вагон. Вправо и влево от предмостной насыпи левого берега ушли вспомогательные ветки: вправо — к издавна разрабатываемому каменному карьере, сегодня известному как Горский, влево — к пристани железнодорожного парома. Уже даже после завершения строительства моста на карте вокруг паромной пристани будет отмечен «бечевик», то есть дорога, по которой вручную подтягивали баржи и суда.

На правом берегу сразу же была проложена железнодорожная ветка для транспортировки материалов «от села Кривошеково до станции Обь». Первый рабочий поезд по ней прошел 27 сентября⁷.

Но строительство моста началось далеко не сразу. Изменились планы. Еще в феврале 1893-го инженер Г. В. Адрианов, проводивший прошедшим летом дополнительные изыскания у Кривошекова, рапортовал начальнику работ по по-

Молебен при закладке Обского моста, 1894.

Альбом видов города Ново-Николаевска. 1-е десятилетие. Ново-Николаевск, тип. Н. П. Литвинова, 1904

стройке Западно-Сибирской железной дороги К. Я. Михайловскому о предпочтительности перехода реки несколько южнее намеченного⁸.

Восьмого сентября 1893 г. другой инженер, А. С. Конопчинский, подает в управление строительства дороги еще один рапорт о целесообразности переноса моста на 200 сажень южнее, что давало экономию на строительных работах в 800 тысяч рублей.

Первоначально снос села Кривощеково не планировался. Обский мост должен был пересекать реку не там, где сейчас, а ближе к Яренскому острову, по северной околице Кривощекова и северной же околице Кривощековского выселка на правом берегу. Мост должен был выходить на сегодняшнюю станцию Центр. К. Я. Михайловский писал в отчете: «Перерасход по сносу строений, а именно 51 096 руб. 87 коп., произошел потому, что, вследствие изменения направления линии при переходе через реку Обь, потребовалось снести целое село Кривощеково вместе с церковью, чего не предвиделось в расценочной ведомости. Снос этот стоил 55 239 руб.»⁹.

Несмотря на это, расчеты Конопчинского были приняты положительно, что, в свою очередь, отодвинуло выдачу рабочих чертежей моста. Проект моста с некоторыми изменениями был вновь утвержден инженерным советом Министерства путей сообщения 27 июля и 12 сентября 1894 г.

А 20 июля 1894 г. «у села Кривощеково» состоялась торжественная закладка первого камня в правобережный устой будущего моста. Петербургская газета «Новое время» отмечала, что произошло это событие «в полдень, в присутствии губернатора тайного советника Тобизена, строителей старо-русской дороги Михайловского и Меженинова, многочисленной публики и при огромном стечении народа»¹⁰.

Каждый летний сезон на строительстве моста работало около 1 500—2 000 человек (всего более 5 000 из 26 губерний России)¹¹. 6 августа 1895 г. в поселок прибыли 140 итальянских рабочих-каменщиков, специально завербованных для работ по гранитной облицовке опор моста (по окончании этой работы они участвовали также и во внешней отделке храма Александра Невского).

Мост являлся единым инженерным сооружением, хотя формально относился к Западно-Сибирскому участку дороги. 1 сентября 1895 г. временное движение было открыто до станции Кривошеково (ныне Новосибирск-Западный). По вступившей в эксплуатацию дороге сразу пошли строительные и прочие грузы.

Весь период до пуска моста в эксплуатацию в 400 саженьях ниже него работал железнодорожный паром, которым с берега на берег переправлялись вагоны. К нему от магистрали вела специальная ветка — ее насыпь на левом берегу сохранилась до сих пор. Организовывал переправу подвижного состава, грузов, стройматериалов и техники инженер В. К. Жандр. Причем переправа была почти круглогодичной — зимой в этом месте железнодорожное полотно укладывалось прямо на лед.

«6 декабря 1895 года, т. е. на 1 год ранее предположенного срока, путь был сомкнут, сделано было соединение по льду на р. Оби с Западно-Сибирской жел. дорогой... и открыто было временно рабочее движение на всем протяжении Обь-Красноярского участка, а затем весь последующий 1896 год дорога, не будучи еще законченной и оборудованной, выполняла уже свое назначение»¹².

Ледовая переправа — предприятие опасное, и на ней случалось всякое. В середине декабря 1896 г. из-за преждевременного движения по льду на Оби провалился паровоз. «Передние колеса ушли в лед вершков на 10, задние вершков на 6». Повезло еще, что катастрофа случилась на мели и локомотив можно было вытащить, но не сразу, а когда укрепитя лед. А пока «для движения приготовлен обходный путь»¹³.

Речные опоры моста возводились на скальном основании. Для преодоления нагрузки ледохода они имели ледорезы «выше самого высокого ледохода» с уклоном режущей грани в 45 градусов. При неимении собственных данных о силе ледяного поля был принят расчет запаса прочности по нормам опор моста через реку Ниагару в канадском Буффало¹⁴. Для сооружения опор были применены

Вид на строительство моста с левого берега, 1894. Фото А. Е. Трубина

Пролет Обского моста № 4, 1896.

Фото Molteni (<https://humus.livejournal.com/5834807.html>)

кессоны из литого железа со шлюзовым аппаратом. Подводные кессонные работы проводились круглосуточно, четырьмя сменами в сутки. Обычно рабочие практиковали две смены через раз.

«Войти в кессоны может не каждый, так как вследствие избытка воздуха приходится быть под очень сильным давлением последнего, действующего пагубно на страдающих сердечными болезнями. <...> “Смотри-тка на тот бык, что совсем окончен, поди думаешь, что эти катушки один цемент держит, нет, голубчик барин, их скрепляют слезы вдов и детей, оставшихся от мужичков, пришедших с Волги и Камы на хорошие заработки”»¹⁵.

Строительство шло нелегко — были серьезные технические затруднения при возведении опор, наводнения, пожары. В марте 1895-го при работах на пятой опоре сгорел тепляк (дощатый барак вокруг опоры). Продолжению работ сильно мешал начавшийся большой паводок с мощным ледоходом, который затопил всю кривошековскую пойму, в том числе рельсовые подъездные пути. Огнем, а после и льдом была повреждена значительная часть каменной кладки, ее пришлось перебирать. 20 мая во время бури затонула баржа с готовым к работе съёмным кессоном. Через год «в постройке моста через Обь произошла непредвиденная остановка. На последней неделе поста от неизвестной причины сгорели леса, окружавшие один из кессонов, причем поврежден и самый кессон. Убыток подрядчика определяют в 155 000 р.»¹⁶

Но строительство неуклонно продолжалось. Сменилось руководство. Из-за конфликта с подрядчиком В. И. Березиным летом 1895-го Г. М. Будагов был переведен в Томск на место помощника строительства Средне-Сибирской дороги. Год строительство моста через Обь велось без руководителя работ. Во второй половине 1895-го за ним «наблюдает и распоряжается непосредственно сын г-на Березина»¹⁷. Завершал дело еще один замечательный инженер — Николай Михайлович Тихомиров, до этого бывший начальником девятого участка службы ремонта пути (Каргат — Кривошеково), а в октябре 1896 г. возглавивший окончание строительства моста.

Мостовые пролеты собирались в мастерских на левом берегу Оби. Конструкции заданных размеров из сварочного железа изготавливались на Воткинском и Нижне-Тагильском заводах, опорные части (сопряжения) — на Путиловском заводе в Петербурге. Элементы пролетных строений подавались с берега по укладываемому все дальше и дальше рельсовому пути. Ежедневно на монтаж подавалось более 30 тонн металла¹⁸. Сборка и клепка крупноразмерных элементов производилась прямо на месте монтажа на сплошных деревянных подмостях.

К весне 1896 г. был закончен первый двухконсольный пролет над фарватером реки (№ 4). Летом были собраны три пролета со стороны левого берега, а осенью и последующей суровой зимой — еще три с правого берега.

Прямое сообщение между Омском и Кривошековым открылось с 14 сентября 1896 г. С 15 октября по Западно-Сибирской железной дороге открывается «правильное движение» с работами всех служб, а с 1 января следующего года — также и по Средне-Сибирской на Обь-Красноярском участке. Пассажирские поезда до Кривошекова ходили два раза в неделю: по средам и субботам. Дальше дорога обрывалась — пассажиров забирали извозчики и по льду переправляли на другой берег. Таким способом проследовал в ссылку В. И. Ульянов (Ленин), который стал одним из первых пассажиров, проехавших через Ново-Николаевск еще до сдачи мостового перехода через Обь.

Осталось и красочное описание подобного перехода: «На станции Обь (Кривошеково) нас встретил целый полк Ивашек, в розвальнях, плетенках и коробках, которые в обыкновенное время, вероятно, служат для вывозки снега. Плата за 7—8 верст до вокзала Западно-Сибирской железной дороги, расположенного на левом берегу р. Обь, от 80 к. до 1½—2 р. за подводу. Дорога убийственная... <...> Часть дороги пролегалa по реке, по гладкому, скользкому льду, мимо воз-

Испытания консольного пролета моста через Обь.

Альбом видов Западно-Сибирской и Екатеринбургско-Челябинской железных дорог.
1892—1896. Б. м., б. г.

**Испытания прогиба прибором Френкеля. В нижнем ряду слева направо:
2-й — Н. Белелюбский, 4-й — В. Березин, 6-й — Н. Тихомиров**

вышающихся быков, приготовленных под мост. <...> С помороженными щеками, носами, со скрюченными (от холода же) пальцами мы наконец достигли давно желаемого вокзала с буфетом, где мы надеялись отогреться, но... и нагрелись! Цены в буфете очень приличные...»¹⁹

Но вернемся к строительству. Одновременно с монтажом ферм по всему мосту укладывался половой настил и рельсовый путь. Последний пролет, № 5, был опущен на опоры 16 марта 1897 г.²⁰

Двадцать восьмого марта «экстренным поездом из Петербурга прибыла комиссия для осмотра и приемки железнодорожного моста через реку Обь»²¹. Возглавлял специальную комиссию Министерства путей сообщения автор проекта профессор Н. А. Белелюбский. В последующие три дня прошли испытания нового сооружения.

Испытания были разбиты на два этапа. При первых, статических испытаниях на мост загонялись четыре сцепленных компаунд-паровоза весом в рабочем состоянии 51,5 тонн каждый. Сцепка не менее чем на четверть часа останавливалась в местах наибольших прогибов пролета и напряжения концов консолей. Замеряемая при этом величина прогиба не превышала допускаемых расчетных значений. По старой мостостроительной традиции в это время на льду под мостом стояли его строители, инженеры, проектировщики. Что ощущали они в то время, когда наверху загрохотали колеса первого состава, застонали под тяжестью фермы?

Следующие, динамические испытания предусматривали проход по мостовому переходу поезда из двух паровозов и двадцати восьми груженых вагонов. Состав пропусклся с разными скоростями. Замеры колебаний и напряжения ферм пролетов приборами Френкеля, Пфейфера и Манэ-Рабю показали, что они облада-

Восстановление берегового пролета, 1919.

Государственный центральный музей современной истории России

ют достаточной жесткостью и надежностью. Также было произведено испытание среднего, уравновешенного пролета на выгиб.

Тридцать первого марта 1897 г. по мосту было открыто рабочее движение поездов — «в 10½ часов утра через мост проследовал первый пассажирский поезд со станции “Кривошцеково” на Красноярск. Мужики-сибиряки буквально поражены тем, что по “эким тоненьким брусочкам лезет такая махина и не ломит!”»²² Если смотреть на другой берег сквозь весь проем моста, то выход из него кажется чуть ли не точкой. «Стоит сибиряк на одном конце моста и рассуждает: “смотри-ка, парень, какая дырочка на том-то конце! Как же это так большая чугунка пролезет в нее? Хитрый народ эти мериканцы!”»²³

С 5 апреля по новому мосту открывается «правильное» движение. От его закладки до ввода в постоянную эксплуатацию прошло два года и восемь месяцев. При сметной стоимости строительства в три миллиона рублей реальная экономия средств составила почти 20 %²⁴.

«Сибирский тракт приуныл. Он еще жив, но очевидно доживает свои последние дни»²⁵. А Обский мост Н. А. Белелюбского и Н. Б. Богуславского прослужил более девяноста лет. В 1919-м он пережил подрыв береговых пролетов отступающей белой армией, в 1921-м стал косвенной причиной крупнейшей катастрофы на воде, унесшей жизни около трехсот человек, в 1965-м подвергся «авиа-атаке» реактивного истребителя.

В середине 1970-х гг. его ледорезы были надстроены, на них проложили второй мостовой путь, монтаж которого закончился в апреле 1984-го. Отслужившие пролеты были разобраны, а в 2003 г. один из них, пройдя буквально в 30 см ниже новой фермы, как исторический памятник установлен рядом с мостом на набережной. Она носит имя инженера Константина Яковлевича Михайловского.

Примечания

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 268. Оп. 3 Д. 334. Л. 136об.
2. Об утверждении направления Средне-Сибирской железной дороги. СПб., МПС., Упр. казен. жел. дор., Тех. отдел., 1893. 51 с.
3. Восьмое заседание Комитета Сибирской железной дороги // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1893. Т. III. № 27, 4 июля. — С. 26.
4. Литвинов Н. П. К развитию Новониколаевска, ныне Новосибирска // Новосибирский государственный краеведческий музей. ОФ № 17417/1. Л. 2.
5. Дневник Г. М. Будагова. Часть 2. Путь прошлого. С. 56. Фонды музея истории Западно-Сибирской железной дороги.
6. Десятое заседание Комитета Сибирской железной дороги // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1893. Т. IV. № 49, 5 декабря. — С. 539—541.
7. Томские губернские ведомости. 1893. № 39, 7 октября. — С. 7.
8. РГИА. Ф. 350. Оп. 48. Д. 49. Л. 1. Цит. по: Канн С. К. Условия выбора места мостового перехода Транссиба через р. Обь // Страницы истории Новосибирской области: Люди, события, культура: Первая обл. науч.-практ. конф. краеведов: Тезисы докл. и сообщений. Часть 1. Москва, 1995. — С. 157—160.
9. Государственный архив Томской области. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48.
10. Сибирская хроника // Восточное обозрение. 1884. № 107, 14 сентября. — С. 1.
11. Власов Г. М. Мосты Новосибирска. Новосибирск, 2010. — С. 18.
12. Отчет по постройке I-го участка Средне-Сибирской железной дороги от Оби до Красноярска. 1893—1896 гг. / СПб., МПС, Упр. по сооруж. Сибирской ж.д., 1902. 1398 с.
13. Прейсман Г. Так пишутся возражения // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1896. № 280, 29 декабря. — С. 3.
14. Власов Г. М. Мосты Новосибирска. Новосибирск, 2010. — С. 14.
15. Кривошеково // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1895. № 99, 25 августа. — С. 3.
16. Томский листок. 1896. № 67, 28 марта. — С. 3.
17. Кривошеково // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1895. № 99, 25 августа. — С. 3.
18. Власов Г. М. Первый железнодорожный мост через Обь: Изыскания, проектирование, строительство. Новосибирск, 2000. — С. 26.
19. Кривошеково. Письмо с дороги // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1895. № 171, 6 декабря. — С. 4.
20. Приложения № 4 к отчету по постройке Западно-Сибирской железной дороги. 1892—1896 гг. Пояснительные записки. СПб., Тип. МПС, 1898. — С. 79.
21. Поселок Ново-Николаевский // Томский листок. 1897. № 77, 5 апреля. — С. 3.
22. Там же.
23. Там же.
24. Власов Г. М. Мосты Новосибирска. Новосибирск, 2010. — С. 30.
25. Село Болотное // Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1895. № 170, 5 декабря. — С. 4.

Борис ПРОТАЛИН

МЫ ИЗДАВНА ЗДЕШНИЕ...

В одном из выпусков «Сибирских огней» я уже рассказывал, что в Сузунском районе в селе Бобровка живут потомки уральских казаков, сосланных в Сибирь за участие в Пугачевском восстании, рассказывал и бывальщины, которые записал, общаясь с ними.

А сегодня хочу поделиться с читателями совершенно новыми материалами, которые еще не были обнародованы. Благо и повод достойный — в нынешнем году Новосибирская область отмечает свой восьмидесятипятiletний юбилей, поэтому хочется рассказать о людях, которые живут и жили в нашей области, хочется вспомнить и грустное, и веселое...

* * *

В Северном районе Новосибирской области есть замечательное кержацкое село Бергуль — живут в нем переселенцы из Белоруссии. Фольклористы ездят туда за песнями, и я тоже в Бергуле записывал и песни, и былички, и побасенки, и бывальщины...

Золото

Есть в Бергуле фольклорный ансамбль «Вечёрка», которым руководит Римма Анатольевна Хохлова. Участники этого ансамбля сохраняют свои белорусские традиции: песни, игры, хороводы. Предки Риммы Анатольевны — старообрядцы из Витебской губернии.

И вот ее отец, Анатолий Иннокентьевич Якимов, рассказал давнюю историю о своей прабабушке: «В старые времена в деревню Платоновку приехали моего отца дед с бабкой. В то время-то они молодые были — мужик с бабой. Там, у себя, продали нажитое имущество, приехали с богатством, какие-то пожитки привезли с собой. Да баба еще закопала в земле горшочек с золотом.

Прибыли-то они весной, а как пришло лето — налетели комары, пауты, мошка. Тучами! Заели бабу. Она говорит мужу:

— Всё! Я здесь жить не могу! Давай, садись на лошадь, поедем искать место для житья, где комаров мало.

Мужик ни крестом, ни пестом не отгонит бабу. Докучает, и все тут! А мужику что делать? Собрали пожитки. Поехали другое место искать. Едут, от комаров отмахиваются. Вдруг баба хлоп себя по лбу:

— Золото забыли! Вертайся назад — выкапывать!

Ну, мужик человек-то подневольный — повернул назад лошадь. Но сказал:

— Если я вернусь, то больше уже никуда не поеду.
 Ну а бабе тоже куда деваться? Золото же осталось в земле!
 Приехали обратно. Весь огород, всё вокруг перекопали, а горшочка с золотом не нашли. Так и остались жить в Платоновке...»

Кержак

В 1990-е годы я как-то раз поехал в село Бергуль и в дороге разговорился с шофером. Между прочим спросил, что для него означает слово «кержак». Тот засмеялся и ответил: «Жадный!» Потом немного помолчал. Поправил сам себя: «Ну, может, и не жадный, но...» И рассказал одну историю.

Как-то раз под вечер приехал он в кержацкое село поросят купить. Вот у одного хозяина по двору тридцать хвостов бегают, а уперся он и не продает. Парень его уговаривал, упрашивал — ни в какую! Уезжать собрался. А кержак как будто невзначай и говорит: приходи, дескать, утром...

Ладно. Заночевал парень в Бергуле, утром спозаранку приходит и опять:

— Хозяин! Ну, как насчет поросят? У тебя их вон сколько...

Тот рукой махнул:

— Хоть всех забирай!

Парень рот разинул — удивился такой перемене. А потом узнал, что вечером чужому человеку кержак не даст иголку со двора вынести...

Такая вот она, стариковщина...

* * *

Елена Константиновна Мельникова — сноха и душеприказчица известного новосибирского ученого, преподавателя и фольклориста Михаила Никифоровича Мельникова.

В начале 2000-х годов, выполняя его посмертную волю, Елена Константиновна передала Областному Центру русского фольклора и этнографии часть фонда Мельникова: старые кассеты с записями традиционных песен Новосибирской области и рукописи.

И уже потом Елена Константиновна открылась мне как рассказчица, чьи истории с удовольствием вам и представляю.

Конокрад

В Венгеровском районе в селе Урезе на краю жил конокрад Шадурский. В народе его звали — Чудик. Потому что конокрад нет-нет да и выкинет фортель. И такие номера откалывал — люди рты разевали от удивления.

Как-то раз приехал он к цыганам в табор. Смотрит: они лежат на огромном войлоке. А войлок цветными узорами расшит.

Он говорит:

— Не я буду, если не выкраду войлок!

Три дня Шадурский ездил к цыганам в гости. Прикормил собак. В тумане ночью подъехал к табору. Подполз. Войлок длинной веревкой к седлу привязал. Сам — верха. Хлестанул кобылу:

— Ну, Голубуха, давай!

Голубуха разогналась — да как рванет войлок! И потащила вместе с цыганами. Те на кочках подпрыгивают, спросонья орут, рассыпаются прочь! На по-

вороте вытряхнул Чудик последнего цыгана и ускакал с войлоком. Потом перед друзьями хвастал:

— Гляньте, красота какая! Я его у цыган из-под задницы уволок...

Маузер

После войны налоги были большие. Кто-то мог платить, а кто-то — нет. В Урезе налогом обложили конокрада Шадурского. А он ни в какую: не платит, и все тут! А недоимка растёт. Решили описать имущество. В комиссию трое вошли: финансовый агент Костя, молодой депутат Ленька и секретарь сельского совета Митрич.

Приехали на санях. Заходят в избу. А перед этим обговорили: «Что с него взять?» Сейчас будем искать. Страшновато, но делать нечего...» И только один из них протянул руки, чтобы взять самовар, а конокрад как гаркнет:

— Аринка! Подай мне маузер!

Депутат Ленька вылетел из избы первым. В сенях споткнулся, кубарем скатился с крыльца и в несколько прыжков оказался в санях! За ним следом бежали финагент Костя и секретарь сельсовета Митрич. Толкают ворота, а они не открываются — со страху ломятся в открытые ворота, а их надо было на себя открывать! Перемахнули через жерди. Да куда там! Ленька уже стоял на санях и гнал коня по деревне. Они кинулись за ним. А позади кто-то кричал:

— Маузер! Маузер!

Они даже не обернулись. Был маузер? Не было его? Они не знали. Но страшно натерпелись! И недоимку Шадурскому почему-то простили...

Через тридцать лет члены той комиссии собрались снова за семейным столом — дело в том, что они родней доводились друг другу. Вспомнили тот случай: как хотели описать имущество конокрада и что из этого вышло. Вот уж нахохотались!

Ревнючий

В селе Вознесенке Венгеровского района один мужик не доверял своей жене. И до того ревнивый был — спасу нет! Жители над ним смеялись, звали за глаза — Ревнючий.

Работал он колхозным сторожем. Вот вечером ему — в ночную смену, а баба уже на печи, спит. Ревнючий в дом поленик дров стаскает. Всю печь поленьями обложит высоко, до самой выюшки. Дом закрывает на замок висячий, ворота — на замок секретный. Семь раз оглянется. Идет сторожить. А через дорогу возле дома бабы сидят на лавочке. Наблюдают. Одна говорит:

— Девки! Не могу... Щас чё-то сделаю...

Пошла домой, вошла в мужние сапоги. У ворот Ревнючего наследила, натопала. Лепешку коровью щепкой подцепила и на секретный замок — шлеп!

А у сторожа свой распорядок заведен: два часа колхозное добро покараулит и домой бежит — жену проверять.

Прибежал Ревнючий, глядь: у ворот следы! Закружился на месте, потом кинулся к воротам. Ключ из кармана достает, в замок секретный тычет, руки вымазал в навозе. Матюгается!

Бабы смеются себе в кулак:

— Ой, девки! Чё будет...

— Щас он Нюрке допрос учинит.

— Ага, с протоколом!

— Отелло, блин, колхозный...

В селе Веселовском Краснозерского района я беседовал с хранительницей фольклора и талантливой рассказчицей Верой Николаевной Свириденко. Она из семьи украинских переселенцев, поэтому говорила и на русском, и на украинском языках. От нее я услышал сказки, присказки, бывальщины, побасенки — всё из деревенской жизни, всё с добрым, теплым словом...

Полушубок

В Краснозерском мужики работали в механической мастерской. Технику ремонтировали. И как-то раз в обеденное время зашел у них разговор. Один механик, в бригаде его звали Куприяныч, и говорит:

— У меня дома полушубок колом висит, сам цвета белого, да местами — сжелта. Надо бы его покрасить. Говорят, иной раз в Дом быта к нам приезжают специалисты. Привозят краски, полушубки красят.

— Дак приехали уже! — подхватывает другой механик, Емельяныч. — Специалисты из области. Мы с моим кумом завчера полушубки красили. У нас полушубки-то теперь как новенькие! Так что ежели надо красить полушубок — поспешай, а то уедут.

Куприяныч поднимается:

— Да я прям щас... У бригадира отпрошусь и побегу!

А Емельяныч ему вслед:

— Но ты свой полушубок распори! Они распоротые в краску-то бросают. Чтобы швы прокрасились. Потом сшивают и отдают...

Куприяныч так и сделал, распорол полушубок. Приходит в Дом быта:

— Кому сдавать полушубок?

Приемщик спрашивает:

— Какой полушубок?

— Распоротый, — отвечает Куприяныч.

И выкладывает из мешка куски овчины. Приемщик глаза вылупил:

— Зачем?

— Вы полушубки красить принимаете? — начинает волноваться Куприяныч.

— Нет. Не принимаем.

— Ну как же! Приехали из области со специальной краской.

— Да никто к нам не приезжал!

— А Иван Емельянович сказал... Ну, Емельяныч!

Выпряглась

В колхозе было так: мужики утром соберутся в конторе и бригадир им дает наряд — распределяет, кто куда пойдет работать. Кто плотничать, кто сеялки ремонтировать...

А за бабами бригадир — езжай в каждый двор. У баб что ни день работа меняется — тем надо ток застилать, тем — ферму мазать, тем — грядки полоть, а тем — в детских ясельках дежурить. Давать бабам задание называли — «загадывать».

Ну вот. Мужики над бригадиром посмеиваются:

— Петро! Ты як до кумы Марии поедешь загадывать, так дуже долго твоя кобыла стоит коло ее двора.

Он говорит:

— Та чего б ей там долго стоять? Видит бог: как коло всех, так и коло ее двора стоит.

— Ой, неправду кажешь! Поймаем мы тебя...

Долго держался бригадир. И все-таки в какой-то раз остановился у кумы надолго. Пришли мужики — выпрягли кобылу, хомут на ней оставили, а оглобли отвязали и просунули в хомут. Вожжи оставили на ходке, где он сидел.

Ну, он у кумы побыл, может быть, там выпил или погостил просто. Вышел. Сел, значит, в телегу. Вожжи дернул:

— Н-но!

Кобыла пошла, а он с телегой остался...

Приходит в контору — ругается последними словами. Мужики говорят:

— Мы ничего не знаем. Это тебе на грех Бог так сделал. Ты ж божился, что коло кумы долго не стоишь. А получилось — коняка так долго стояла, что сама выпряглась и пошла...

Край печки

Как-то раз в деревне Веселовке парень погулял с девушкой. Зимним вечером проводил ее до дома. А холодно было, замерз! Пришел к себе домой, залез на печку спать.

А в старые времена было как: вот передняя комната, печка — туда залазят спать. А тут лавка стояла и теленок, привязанный возле лавки. А в дальней комнате спят отец с матерью.

— Вот, — бабка говорит, — спим мы с дедом. Слышим, что-то там — бах! И теленок: «Бэ!» Он, как испугается, не мычит долго, а коротко так: «Бэ!».

— Мы, — говорит бабка, — схватились одеваться. Пока спички нашли, пока зажгли лампу. Выходим. Наш Петро по полу ползает на четвереньках. Спрашиваем:

— Чего ты лазишь?

А он отвечает:

— Я край печки не найду.

Дед говорит:

— Какой тебе край печки? Ты ж на полу ползаешь. Приди в себя, ради бога!

Он очухался. Дед с бабкой снова:

— Ты чего тут лазил?

Он говорит:

— Я проснулся, руку протянул вперед — стена. Направо протянул — стена. Налево — стена. А мне на двор по нужде надо. Ну, думаю, значит, сзади, вот здесь спускаться. А сам-то на краю лежал. И не успел я опереться, как полетел. Да прямо на теленка!

Они посмеялись:

— Эх ты! Взрослый парень, девок провожаешь. А сам на печке края не найдешь...

* * *

Весной 2018 года в селе Рождественка Купинского района я встретился с Зоей Афанасьевной Слизовской. Это была сухонькая старушка с добрыми, лучистыми глазами. Предки ее — переселенцы из Орловской губернии.

Беседуя с бабулей, я узнал, что через две недели ей исполнится девяносто лет. Но, несмотря на почтенный возраст, у нее оказалась удивительная память — Зоя Афанасьевна помнила фамилии, имена, отчества и даже прозвища всех жителей Рождественки, о которых она рассказывала. А рассказывала она много!

Ходоки

В 1907 году из села Страчёво Севского уезда Орловской губернии девять человек переселенцев двинулись на лошадях в Сибирь — по высочайшему указу подались осваивать далекие просторные земли, это было начало аграрной столыпинской реформы.

Двадцатого марта прибыли они в Купинский район. Ехали в Татарск, где им было приготовлено к поселению три колодца, но остановились возле деревни Заозёрки, в пяти километрах от Рождественки. Там жили чалдоны. И вот заозёрские мужики узнали о приезде чужаков, похватили топоры, вилы и — к ним! Приезжие маленько струсил. Говорят:

— Мы люди мирные. По царскому указу приехали заселяться...

Чалдоны отвечают:

— Вы приехали сюда в чем стоите, ничего у вас нет. А мы здесь триста лет живем! Давайте договоримся так: вы отработаете у нас посевную, сенокос и уборку, а мы вам за это построим дома-пластянки, распашем землю, дадим семена для посадки картошки.

Ударили по рукам. Из Купина приехал землемер, выделил переселенцам земли: усадьбы, леса, околки. Посеяли пшеницу.

А осенью поехали за своими семьями, но теперь уже везли их в Сибирь на поезде.

Зима выдалась суровая, холодная... Люди пригорюнились. Но потом пришла весна, расцвело все вокруг — вздохнули свободно. А потом, когда пошли ягоды, грибы, да увидели, что в реке много рыбы, в лесу — промысел, то хорошо им стало. Полюбили они эту землю!

Деревня Заозёрки со временем заглохла, и все жители перебрались в Рождественку. А местные леса и околки до сих пор носят имена первых переселенцев: Климова, Балыкина, Сычова, Дорошенко...

Пупырь

Раньше рекрутов набирали в армию из одной деревни и служили они потом в одном полку. Петр Инстранкин и Афанасий Слизовский из деревни Рождественки тоже служили вместе. Вот как-то раз дали им увольнительную. Идут они, смотрят: летит по воздуху какой-то огромный пузырь! Они такого сроду не видели. А это был воздушный шар с приборами — погоду узнавать. Подивились служивые. Петр сначала едва не обомлел, пальцем в небо тычет, а сказать ничего не может. Потом вдруг закричал Афанасию:

— Глянь-ка, Фанька! Пупырь летит!

...Часто они потом вспоминали этот случай. Смеялись. После службы домой вернулись. Людям рассказали. И Петра Инстранкина в деревне стали называть — Пупырь. А его детей — пупырятами.

Вилки и навильники

Молодой парень Иван Новгородов приехал из города Новосибирска в деревню Рождественку в гости к бабушке Зое. И взялся ей помогать по хозяйству. Бабуля дает распоряжение внуку:

— Ваня! Загони корову в стайку.

Он загнал. Она командует:

— Ваня! Дай корове сена, пусть пожует.

А во дворе отдельно лежала солома и отдельно — сено. Он не знает, где что.

Спрашивает:

— А ей желтого дать или серого?

— Серого, — говорит бабуля. — Там возле стайки в углу вилки стоят. Положи ей два навильника.

Иван пошел во двор. Вернулся. Стоит у порога, мнется.

Бабушка спрашивает:

— Ну что, Ваня? Дал корове сена?

А тот отвечает:

— Нет, не дал. Там возле стайки вилки-то стоят, а навильников нету...

Как Хведьку звать?

Соседка Зои Афанасьевны Слизовской отправилась в Новосибирск проведать сына. Мешок продуктов собрала, поехала вместе с кумой.

А по тому адресу, который у них был, сына не оказалось. Ему другую квартиру дали. Вот она и заплакала:

— Что делать? Никого не знаю...

Кума советует:

— Вон милиционер. Он поможет.

Милиционер отправил их на вокзал, в справочное бюро. Нашли справочное бюро. Соседка говорит женщине в окошке:

— Миленькая! Помогите мне сына разыскать, переехал на другую квартиру, а мне не сказал. Я привезла ему чеснока, сала, варенья, булок. Куму с собой привезла...

Женщина ее спрашивает:

— Как фамилия сына?

Она сказала.

— Имя?

Сказала.

— Отчество?

А соседка отчество никак не вспомнит — она сына-то по отчеству никогда не называла. Молчит. Женщина в окошке спрашивает:

— Ну, как вашего мужа звать?

Баба поворачивается и кричит куме:

— Кума! Скажи, как моего Хведьку звать?

* * *

Татьяна Панкратова, участница Ансамбля сибирской песни, одно время работала в нашем Областном Центре фольклора и этнографии — помогала проводить игровые программы для школьников.

Из беседы с ней я узнал, что предки Татьяны «здешние, сибирские» еще с 1700 года. Прадед ее, Пахом Андреевич Мордвинов, «пришел с Тары», из первой крепости, поставленной для защиты Сибири. По версии семьи, пришел он в составе отряда из восьми человек «пособлять и тут с крепостью» — правда, Чаусский острог возник позднее, так что, возможно, отряд, в котором был прадед Панкратовой, помогал строить село Кривошюково, в районе которого в XIX веке был возведен железнодорожный мост через Обь, тот самый мост, положивший начало строительству города Ново-Николаевска, впоследствии названного Новосибирском.

Теплая обувь

В царские времена одна семья держала ямщицкий стан в деревне Ерестной, у села Кривощёково — сейчас там стоит железнодорожный вокзал Новосибирск-Западный.

И вот повезли ямщики в Ерестную из Томска учительницу. Учительница молоденькая, из курсисток — пальтишко тоненькое, на ножках ботиночки фасонистые.

Ямщик усаживает девушку в кошеву, подает теплые вещи:

— Давай, — говорит, — барышня, чтобы тепло было — закутывайся в тулуп. Шаль — на голову. На ноги надевай пимы.

Шаль учительница кое-как приняла, в тулуп он ее, считай, насильно закутал, а валенки надевать отказалась! Ямщик спрашивает:

— Надень, барышня! Замерзнешь...

— Нет, не замерзну.

— Ботиночки у тебя тоненькие...

Она ножки поджала и говорит:

— А у меня в них — газета...

* * *

Сергей Александрович Москвин — новосибирец. Любит утиную охоту, знает места и уголья — а я знаю, что у любого охотника в загиашнике всегда можно найти курьезную историю, которая произошла на охоте с ним или с его друзьями.

Тетерев

Два друга из Кольвани поехали на охоту. Косачей промышлять. Остановились в деревне, у знакомого. Переночевали. А с утра пораньше отправились в поле.

Обошли все колки, луга, перелески в округе — один охотник добыл тетерева, а другому не повезло, косач улетел подранком.

В деревню вернулись. Смотрят: в соседнем дворе черные индюки ходят. Купили одного. Голову отрубили, тушку — в холстинку и в рюкзак.

Привозит охотник домой индюка, подает жене:

— Вот тебе дичь из леса! Тетерев.

А тут к нему в гости шурин приехал, тоже охотник. Хозяйка говорит брату:

— Егор! В сенях на гвозде тетерев висит, Миша сѣдня добыл. Принеси его, я приготовлю на ужин.

Егор выходит в сени. Кричит:

— А где тетерев?

Она ему:

— В кладовке, справа от двери!

— Тут нет никакого тетерева!

Миша выбегает в сени:

— Егор! Я покажу... А вот же он!

Сам — палец к губам и шепчет:

— Потом расскажу...

Потом Егор с Мишей сидели за столом, выпивали за встречу, за удачную охоту. Закусывали этим «тетеревом» да посмеивались!

* * *

А эту историю рассказал мой хороший знакомый, новосибирский священник Анатолий Рублёв.

Ворона

Дело было в 1990-х годах в Болотном. Дядька тогда еще молодого парня Анатолия Рублёва, дядя Ваня, подобрал на покосе вороненка. Вырос вороненок у них при дворе в целую ворону — зиму жила, лето...

Вот как-то раз дядя Ваня с братом Гришей сидят на крыльце дома, отдыхают. Бражки выпили. А сухофрукты раскисшие из гущи и гущу саму вороне кидают, она клюет. Наклевалась — идет по краю тротуара, ее заносит, она в лужу падает! Потом с трудом залетела на воротный столб и сидит.

Мимо идет соседка, баба Оля, а ворона сверху на ее белый платок кинулась и — давай клевать! Баба Оля кричит:

— Караул! Убивают!

Дядя Гриша с дядей Ваней выскочили, ворону кое-как оторвали. Потом опять сидели, выпивали, кидали вороне хлеб, намоченный в бражке, она клевала. Тут дядя Ваня закурил, а ворона смотрит. Он говорит:

— Ворона! Ты с нами пьешь, а курить-то будешь?

А она этак вроде головой кивает, мол — буду! Ну, он взял папиросу, прикурил и в клюв ей вставил. А ворона с папиросой взлетела и — на сеновал!

Дядя Ваня в момент трезвым стал. Бежит на сеновал, Димке, старшему сыну, кричит:

— Димка! Ворона на сеновале курит!

Тут-то они вдвоем с Димкой десять центнеров сена за пять минут вниз и поскидали...

А вот не надо учить ворону плохим привычкам!

Народные мемуары

Афанасий ТЕМНИКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына любезно предоставил для публикации в журнале «Сибирские огни» рукопись воспоминаний Афанасия Васильевича Темникова, хранящуюся в богатом архиве ДРЗ (Фонд № 1. «ВМБ». Оп. 3 Р-489). Рукопись ценна описанием быта и нравов забайкальского казачества в период с конца XIX в. и до времен НЭПа. Воспоминания Темникова печатаются впервые. Орфография и пунктуация большей частью приведены к современной норме. Текст публикуется в сокращении.

Родился я в Читинской области, в Оловянинском районе (раньше Борзинском), в 85 километрах к северо-востоку от Борзи. Эта страшная глушь была и остается дикой окраиной (60 километров от железной дороги).

Предки мои были солдатами Екатерининских времен. По преданию, где-то в конце XVIII столетия они должны были сопровождать каторжников на Нерчинскую каторгу, а затем по каким-то причинам были оставлены на вечное поселение в Забайкалье. Их было три брата: один поселился в городе Нерчинске, другой — на Аргуни, в Цурухайтуе, а третий — в селе Турге. Были они родом из Тамбовской губернии. Это подтверждается и тем, что встречал я однофамильцев в Новосибирской области, тоже из Тамбовской губернии.

Турга, где поселился мой предок, была расположена на границе проживания тунгусов (теперь их называют эвенками) и кочевых бурят. На юг идут степи, а на север — горы и леса, так что я одновременно житель гор, и лесов, и степей.

В тогдaшние времена женщин здесь было мало — никто добровольно не переселялся вследствие сурового климата, поэтому предки женились на бурятках, тунгусах. Поэтому обычай в семьях были в подавляющем большинстве русские, но были и бурятские. Эти браки давали невероятно многочисленное и здоровое потомство. Плодились прямо по Мальтусу.

В 1925 г. я уехал из Турги навсегда. Там было ни много ни мало — 45 дворов Темниковых, а в каждом дворе не менее восьми-десяти человек. Выйдет, что за 120 лет (а считали, что наш предок пришел в Тургу где-то в 1800-х годах) с одного человека наплодилось 400?!

Своих прямых предков я знаю с прапрадеда Дмитрия, по рассказам, конечно. В 1852 г. по инициативе тогдашнего генерал-губернатора Иркутской губернии было образовано Забайкальское казачество. Оно должно было выполнять ту же задачу, что донские, кубанские, терские и другие казаки — защищать землю от кочевников: здесь от китайцев, маньчжур, монголов и т. п.

В Забайкалье в казаки были зачислены в первую очередь потомки яицких казаков, расселенных ранее Екатериной II на границе от реки Селенги, впадающей в Байкал, до слияния Шилки и Аргуни (сосланы и поселены после Пугачевского бунта). Потом в казаки были зачислены все поселенцы, отбывшие каторгу, и другие попавшие в эти места русские люди, таким образом мой прадед Осип оказался казаком. У прадеда Осипа было шесть сыновей и столько же дочерей. Удивительно, что эти люди смогли на скудной земле и в суровом климате не только прокормиться, но и зажить семьями, и размножиться.

В казаки зачислена была небольшая часть населения Забайкалья. Остальные русифицированные народности именовались инородцами, но как казаки, так и инородцы никаких налогов не платили, ни за лес, ни за землю. Население все было безграмотно, но мой дед Иван Осипович научился грамоте, будучи в царской армии. Из братьев он был третьим. По рассказам его братьев, был несусветный лодырь, отъявленный шалун, поэтому отец решил его отдать в пастухи (батраком) богатому буряту, когда Ивану было 11 лет. Прожил он в пастухах семь лет, ничего бурят за него не платил, а только одевал и кормил. Поэтому наш дед имел все бурятские обычаи и привычки. Не очень жаловал баню, любил питаться одним мясом, мог ходить в белье без стирки месяцами и т. п. У бурята до 18 лет дед ел и пил вместе с хозяином и его семьей. Вернее, был членом бурятской семьи.

Когда деду исполнилось 18 лет, шел очередной призыв в армию. Брали тогда в армию в возрасте 22 полных лет. Призыву из дома прадеда Осипа подлежал Петр. В армию тогда брали не всех. В поселке призывного возраста было восемь человек, а призыву подлежали только трое. Тогда тянули жребий, и жребий пал на дом Осипа. Петру надо было идти в армию. Осип рассудил иначе. Петр уже был женат, и были у него дети. Поэтому прадед решил вместо Петра отправить в армию Ваньку: он, дескать, к работе не привык, умеет одно — пасти скот, а пахать, косить и прочее — не способен. Для того чтобы заменить одного другим, надо было переправить возраст.

Загом тогда была церковь, вернее, поп. Попу свели двухгодовалого бычка. Он переправил годы Петра и Ивана. Ивану поставили возраст Петра. Таким образом, в 18 лет Иван пошел служить царю и отечеству.

Живя у бурят много лет, он научился говорить на бурятском языке. По их свидетельству, говорил лучше, чем любой бурят. В те времена буряты сена не косили, земледелием не занимались. Скот круглый год пасся на подножном корму. Много его гибло, особенно в суровые зимы... Чтобы спасти скот, на зиму со стадами овец уходили в Монголию: там теплее, чем в Забайкалье. Кочевали за Чойбалсан¹. Раньше это место называлось Баян-Тюмень — по буддийскому монастырю, который сохранился до сих пор, на пять километров ниже по Халхин-Голу. Жизнь этих пастухов — по теперешним понятиям — была адом. Со стадом в 1000 или более овец, с десятком или более лошадей и тем же числом верблюдов отправлялись трое-четверо мужчин и одна незамужняя женщина, которая должна была кормить пастухов и чинить им одежду.

Двигались по 5—10—12 километров в сутки в зависимости от погоды, подножных кормов и других обстоятельств. Топливо для юрты надо было находить на месте. Им служил аргал, высохший коровий помет. И вот в такие экспедиции с малых лет ходил и мой дед. Кочевали они, по его словам, до Чойбалсана и дальше, за 200—300 километров на юг или чаще на юго-восток, там было теплее. Общаясь с монголами, дед научился говорить по-монгольски.

¹ Чойбалсан — четвертый по величине город Монголии, административный центр Восточного аймака.

Воинская часть, в которую попал дед, была направлена в Монголию, в город Ургу (теперешний Улан-Батор). Гнали их в Монголию через Кяхту. Когда перешли границу, интенданты узнали о солдате, который говорит по-монгольски. Деда использовали как переводчика, и он, по его словам, в строю в Монголии не был. Узнал о солдате-переводчике командир части и взял его к себе денщиком. В те времена в армии был мордобой, розги и другие прелести, но дед о своем командире отзывался очень хорошо: «Командир ругал страшно офицеров, которые занимались рукоприкладством, розгами ни одного солдата не били. Мне в денщиках была не жизнь, а малина. Все обязанности сводились к чистке сапог и мундира командира да разъездам с ним по всей Монголии... Он, командир, надоел мне расспросами о жизни бурят, монголов. Удивлялся тому, что я, безграмотный, знаю три языка». Командир был в звании подполковника. Вероятно, это был опальный офицер, посланный за что-нибудь в Монголию. Или подвижник типа князя Кропоткина, изъявившего желание служить в Амурском казачестве.

Дед служил в денщиках полтора года. В то время в армии не хватало писарей. Существовали «батальонные школы писарей». И вот моего деда отчислили в такую школу, которая находилась в городе Сретенске, на реке Шилке. Дед окончил эту школу. Получил звание старшего унтер-офицера и был оставлен писарем в этой школе. Он был обязан после отбытия срока службы еще два года сверхсрочно отслужить в армии, но уже мог жить не в части, а на съемной квартире. В школе дед научился читать и писать (довольно грамотно), овладел таблицей умножения и действиями с целыми числами.

Должность его при «батальонной школе писарей» была похожа на «главбухскую». Часто разъезжал по деревням для закупки продовольствия. Нашел себе невесту в семье деревенского купца. Вспоминал, что его посылали учиться на прапорщика, но он отказался. Поехал его друг Кобылкин, который, дескать, по сравнению с дедом был балда балдой, а потом стал офицером, и дети его стали офицерами. Дед об этом не жалел: «Любой офицер — лицо подневольное, я-то на это посмотрелся. Надо служить, да не столько служить, сколько прислуживать, а я прожил жизнь хозяином самому себе».

Братья деда рассказывали, что, когда Иван вернулся со службы, вся деревня собралась смотреть на него. Приехал он в костюме, какого во всей станице не было! Ботинки, галоши, даже часы. Все братья уже выделились, построили дома. Отец и мать ждали Ивана и стали жить при нем. Иван поднакопил деньжонок, так как, он говорил, за время службы при школе «научился немного мошенничать».

Женился на дочери купца, получил хорошее приданое. Стал писарем в станичном управлении, в котором было три человека: атаман (выборное лицо), писарь (вольнонаемное), староста и уборщица в одном лице. Даже перед Первой мировой войной платили последнему восемь рублей.

Затем дед два срока по четыре года избирался станичным атаманом, и ему платили 200 с лишним рублей в год. По тем временам это были сумасшедшие деньги, считая, что корова стоила 5—10 рублей. Дед построил новый дом — 75—80 квадратных метров. Был старый дом с амбаром. Дед построил еще два амбара (один из них — погреб, где был вечный лед), три сарая, домик для отела коров, баню по-белому, единственную в поселке. В общем, усадьба была больше десятины.

До Первой мировой войны рабочих лошадей [было] больше 20, кроме того — два табуна до 80—90 лошадей разного возраста. Большая часть — кобылицы, которые никогда не были в узде. Овец больше сотни. Столько же разного рогатого скота. Скот пасся бурятами, как и у всех. Дома были только рабочие лошади и

дойные коровы. Покосы делили по душам, то есть достигший 18-летнего возраста мужчина получал один надел покоса («имел душу»). Никакого рынка в наших местах не было, поэтому и доходов денежных было мало. Хозяйство экстенсивное — дикое, полунатуральное.

Кожи выделывали сами. Для ичиг² сначала дубили кожи, а для сбруи, узд, веревок и пр. выделывали сыромять. Овчины для выделки отдавали главным образом бурятам; из овчин делали одежду и одеяла. Особенно ценны были жеребьячьи кожи и мерлушки³: из них шили шапки и многое другое.

Мясо и хлеб были свои, из овощей — только картошка. Больше ничего не выращивали, покупали огурцы и капусту у китайцев. Из зерновых сеяли ярицу (однолетняя рожь), овес, гречиху, ячмень, но все эти злаки вызревали в редкий год, чаще — замерзали.

Хлеб получался «зяблым» (из щуплого зерна), некрасивым, с приторным привкусом; таким хлебом я питался до ухода из дома. Основной пищей было мясо. Ели его без хлеба. Считалось, что мясо едят с хлебом только «расейские». Понятие «расейский» означало никуда не годного человека.

К зиме резали 50—60 барашков и овец, семь-восемь голов крупного рогатого скота и несколько свиней (их было немного). Все это съедалось за зиму, часть мяса замораживалась в кадках: это для апреля, мая и июня. В эти месяцы скот был негоден для забоя из-за истощения. Кажется удивительным, что такое количество мяса пожиралось одной семьей, но так было: семья с работниками (которых зимой было 1—2, в летние месяцы больше) доходила до 15 человек. Много было гостей. Дом был вроде постоянного двора, только с той разницей, что кормили и поили здесь бесплатно всех знакомых и незнакомых. Таков был обычай. Каждый день, как начиналась осень, гостило по пять-десять человек, русских, а больше бурят. Объяснялось это тем, что поселок стоял на дороге, на пути с юга на север, из степей в горы, где жили люди, занимавшиеся хлебопашеством. И вот с юга, со степей, ехали буряты — за мукой, за старыми лошадьми (на мясо) и со своим мясом, а с севера ехали русские, везли муку, хлеб, сухари, изделия из дерева. Всем нужно было ночевать в нашем поселке: едущим с юга надо дать отдохнуть лошадям, волам и верблюдам, чтобы дальше преодолевать хребты, а едущим с севера, осилившим хребты, необходим был отдых. Деда знала вся округа, особенно буряты. Вот и старались выказать почтение своим ночлегом.

Дед умел кастрировать весь скот, даже жеребцов, с чем справится не каждый ветеринар. Был замечательным коновалом, умел спасать животных от многих болезней, делал операции на ногах у лошадей. Поэтому животных в случае болезни все вели к Ивану Осиповичу или просили его приехать. Все это совершалось бесплатно. Таков был обычай.

В доме было три комнаты: кухня, она же столовая, горница и спальня. Обстановка самая примитивная — кровать родителей (деревянная), койка деда, остальные спали на полу. В горнице было 12 стульев работы местных столяров, столы, лавки, скамейки. Ковров, простыней не было. О существовании простыни [я] узнал в армии (1925 г.). Спали на войлочных постелях, «потниках»: днем под седлом, а ночью — постель. Однако зимой «потник» спасал от простуды. Укрывались родители, дед, малые дети овчинными одеялами, остальные — своей верхней одеждой.

Утром пили чай. Кипятился в русской печке ведерный чугунок. Клади туда китайский кирпичный чай, называемый карымским. Затем переливали его в «бай-

² Ичиги — вид легких сапог с мягким носком и внутренним жестким задником.

³ Мерлушка — шкурка ягненка грубошерстной породы.

дару» — глиняный сосуд, наливали молока, клали масла, соли по вкусу. Каждый наливал себе поварешкой, пили по потребности. К чаю — только яришный хлеб, и ничего больше. В обед были щи: мяса столько, что стояла ложка, в бульон (шилю, по-местному) добавляли при варке муки. На второе — картошка с салом или кислое молоко с творогом. Вечером тоже щи (но мяса было меньше) и опять чай.

Воскресенье отличалось тем, что утром всегда были блины из гречневой муки. К блинам ставились на стол топленые масло и сало, сметана. В воскресенье подавалось в обед жаркое из баранины.

В большие праздники варилось и жарилось очень много всякой еды. Всевозможные печенья из белой муки, пирожные, хворост, разные постряпушки, пельмени, котлеты, копчености, жаркое. Это забайкальские женщины умели лучше других. Бывая на Украине и в других местах, я нигде не видел, чтобы так умели готовить.

В доме посты не соблюдались, дед был почти безбожником, в церковь не ходил, не признавал никаких святых, не любил попов, монахов. Наверное, не читался чего-нибудь, а главным было влияние каторжников и политкаторжан, из которых и состояло население Забайкалья. Можно было описать конфликт деда с попом из-за того, что Иван Осипович не говел 15 лет, но это займет много времени.

В доме матерно не ругались ни отец, ни дед, пьянством тоже не увлекались. Выпивали только по праздникам и с гостями, да по случаю всяких обрядов у родственников: свадьбы, крестины и пр.

Не менее интересен был дед по матери, потомок яицких казаков, высланных в Забайкалье. Я похож на него, как две капли воды. Меня в доме звали «дед Костромин». Этот дед был прямой противоположностью деду по отцу. Последний был очень веселый человек, любил смеяться, рассказывать разные были и небылицы. Дед Костромин был угрюмым человеком, все о чем-то думал про себя. Домашние все его боялись. Любил одиночество, всю жизнь прожил на займке. Иногда любил выпить. Когда напивался пьяным, то седлал своего любимого коня и начинал устраивать джигитовку, скакать через заборы, овраги и т. д. В такие дни доставалось бабушке, которая была из инородцев — «ясашных». Предки бабушки были из орочен (тунгусское племя), живущих на реке Нерче⁴. Бабушкины предки были давно русифицированы, то есть жили оседло, занимались сельским хозяйством, язык свой забыли, христианами были.

Бабушка была красивая, статная женщина. Тунгусского в ней ничего не осталось вследствие смешения с русскими и другими народностями России и Польши: в Забайкалье было сослано очень много поляков. Дед пьяным ругал бабушку за то, что не знал ее, когда его решили женить. Дескать, увидел ее, только когда поехали в церковь венчаться. Когда он начинал бушевать, его дети обыкновенно связывали и заматывали ему рот. Он засыпал, а проснувшись, очень жалобно просил старуху развязать его и сматывался на займку.

Помню я себя с трех с половиной лет. Когда я был в этом возрасте, умерла моя бабушка. Я и сейчас помню ее мертвое лицо. Когда люди стали собираться на похороны, отец взял меня на руки и сказал: «Простись с бабушкой, больше видеться с нами она уже не будет», и заплакал. Я же, как и все дети такого возраста, не понимал случившегося.

Помню, мы с братом сосали рожки. «Рожок» — это выделанный бычий рог. На конец его привязывали сосок (выделанный) от забитой коровы. Вот через эти рожки нас и кормили молоком. Мне было уже почти четыре года, а мы с братом

⁴ Нерча — река Амурского бассейна.

все сосали рожки, и никак их у нас не могли отнять. Кормил нас дед. Над нами смеялись: такие большие телята, и все сосут.

Наконец дед придумал, как отобрать у нас рожки. В деревне жил почти нищий, одинокий дед Мунька. Кормился он тем, что дежурил на сборне⁵ при атамане за других. Еще разносил почту, письма. Мы спали с дедом. Дед уже встал, а мы в постели сосали рожки. Является Мунька и говорит: «Атаман приказал отобрать у вас рожки! Таким большим ребятам — стыд сосать. Что, Иван думает вас до женитьбы кормить через соски?» С последними словами Мунька пытался взять у нас рожки, но мы подняли такой рев, что Мунька вынужден был изменить намерения: «Атаман приказал, если вы не отдадите рожки, арестовать деда и посадить его в каталажку. Давай, Иван Осипович, собирайся!» Дед стал одеваться. Тогда мы подняли еще больший рев и отдали Муньке рожки. Так мы бросили сосать.

Школы в деревне не было, но с ребятами, желающими учиться, занимались беглые политкаторжане. Один из них подготовил за первый и второй класс более 40 ребят.

В селе строилась школа. Лес вывозили на общественных началах, а на строительство деньги выделили из казны. В 1910-м к началу учебного года школа была готова. Это было самое большое в деревне здание, под железной крышей. Было шесть помещений: раздевалка, учительская, два класса, одна очень большая комната, где занимались сразу три класса, и комната, где жил учитель.

Степан Арсеньевич Викулов только что окончил иркутскую духовную семинарию. Родом он был из села Абагайтуй (это около нынешнего Забайкальска), из богатых казаков. Молодой, красивый, с лицом монгольского типа, с копной волос цвета воронова крыла, в косоворотке, при кавказском пояске.

Ребята пошли в школу. Я давай просить деда, чтобы тоже отвел меня. Мне не было и семи лет. Дед сказал: «Ты очень мал, подрастешь — года через два поведу тебя в школу». Я стал реветь, и дед вынужден был повести меня. Была перемена. Степан Арсеньевич сидел за столом. Деда он уже знал, так как ходил к нам в баню и за молоком. Дед сказал: «Степан Арсеньевич, парнишка выжил меня из дома, ревет, чтобы я отвел его в школу. Посадите его куда-нибудь — он день-два посидит и сбежит, надоест ему».

Учитель посадил меня на первую парту, выдал букварь, тетради и все, что нужно. Так я стал ходить в школу. Через несколько дней дед пришел узнать, почему учитель не отправит меня домой. Степан Арсеньевич сказал: «Он хорошо учится, зачем его отправлять домой?»

Так я остался в школе. Учился только на «пять» по всем предметам, за исключением рисования и Закона Божьего, по которым имел «три», а по последнему иногда и двойку: не было возможности все запомнить. Преподавал эту божью науку поп, пять уроков в неделю. Учебник по этому предмету был больше 200 страниц, и чего только там не было: больше сотни молитв и заповедей господних, дальше — сказки о сотворении мира и прочие премудрости вплоть до сошествия святого духа на деву Марию. Затем правила богослужения, какие и в честь чего их совершают, все христианские обряды и праздники, названия и назначение предметов церковной утвари, одежды священнослужителей. В моем возрасте освоить все это было невозможно.

Кроме этого, поп преподавал и церковнославянский язык. Впрочем, этот язык я усвоил хорошо. И до сих пор могу свободно читать книги на церковнославянском. Сейчас эта грамота является наукой за семью печатями для студен-

⁵ Сборня — дом, в котором собирался деревенский сход.

тов словесных факультетов вузов. Заочникам этих факультетов я даже выполнял письменные работы по переводу [с] церковнославянского языка на русский.

Три класса школы я окончил в 1913 г. Были экзамены: письменный (диктант), чтение и рассказ стихотворения наизусть, арифметика (устно) и Закон Божий (устно). Собиралась даже комиссия. Все я сдал на отлично. Поп спрашивал меня молитвы — ответил, спрашивал о богослужениях — ответил. Двое из четырех членов комиссии ушли на обед — меня экзаменовали последним перед перерывом, — остались очень молодая учительница и поп. Он меня в конце концов спросил о непорочном зачатии пресвятой девы Марии. Видимо, от чрезвычайного напряжения у меня пошла носом кровь. Помню, как возмущалась учительница, сказав: «Батюшка, хватит, он вам все ответил, видите — он не может отвечать». С этими словами она взяла меня под руку и положила на скамейку, кверху лицом.

Зашел Степан Арсеньич, поп вышел. Учитель спросил: «Что с Афанасием?» (Тогда ласкательными именами учеников не называли.) Учительница ответила: «Поп довел. Начал парнишку спрашивать о непорочном зачатии, надо ж до этого додуматься!» Степан Арсеньевич только покачал головой.

Работать я начал рано, с семи-восьми лет, никто к этому не принуждал, но дети не отставали от работающих. Если ехали в поле, то мы присоединялись, считая себя мужиками. В этом возрасте я уже ездил верхом, а значит, мог возить копны, ездить «в пристяжек»⁶ при пахоте, кормить лошадей и т. п.

В 1913 г. взяли меня в станицу Улятуй с целью отдать в двухклассную школу. Там учитель меня не принял за малолетством (мне не было и 10 лет), сказал, чтобы привозили на будущий год.

У деда была идея отдать меня в пастухи (батраки) к богатому буряту Цулкану. Об этом деле была уже полная договоренность. Даже о том, на каком коне я поеду в пастухи. Видимо, дед хотел во мне повторить свою биографию. Кроме того, требовалось еще и получить знание бурятского языка, потому что наша семья думала переселиться на границу с Монголией. Там, на реке Онон, было обилие пастбищ, а в нашей местности уже становилось тесно. В том краю жили в основном буряты.

Отец воспротивился отправке меня в батраки: «На черта ему бурятский язык, его надо учить грамоте!»

Осень и зиму с 1913 на 1914 г. мы с дедом жили на заимке в 15 километрах от поселка с рогатым скотом. Дело в том, что рогатый скот кормился зиму дома, но лето 1913 г. было засушливым, сена не накосили. И рогатых держали на подножном корму. Вот там, на заимке, в длинные осенние и зимние вечера при свете топившегося очага или сальной свечи дед и повествовал мне о своей жизни, а я читал ему прозу А. С. Пушкина.

В мои обязанности входило очистить стайку, где спал скот, от коровьего помета (почти от сотни голов). Да насыпать сухого навоза — подстилки — который находился тут же, в громадном бурте⁷. Да сварить обед и ужин, нарубить дров. Работы хватало бы и для взрослого человека. Было у нас спартанское воспитание. Нас не жалели на физической работе с малых лет. Дед руководствовался правилом: «Надо, чтобы с малолетства они научились всякой работе, были сильны и выносливы, умели все по хозяйству. Кто знает, как у них жизнь сложится, а трудолюбивый человек не пропадет, но к этому надо привыкнуть с детства».

С шести лет мы уже не выезжали с полей и пастбищ всю весну, лето и осень. Ездить на лошади учили с четырех-пяти лет; я помню почти все, а вот как я на-

⁶ «В пристяжек» — на пристяжной лошади.

⁷ Бурт — примитивное хранилище в виде вала, укрытого от дождя соломой и т. п.

учился держаться верхом, не помню. Соседи говорили, что я уже четырех лет сидел на лошади. Говорили, что у старика Ивана вырастет конокрад. Помню своего первого ездового коня, звали его Карнаушка, темно-бурой масти. Карнаушкой его звали из-за обрезанных наполовину ушей. Когда он родился, была пурга и сильный мороз, уши и отморозились. Я его кормил черным печеным хлебом и другой едой. Когда я звал Карнаушку, он подходил к крыльцу. Я надевал узду, подводил его к забору, забирался сначала на забор, а потом на коня и совершал поездки.

Когда мы с дедом были на заимке, к нам пришло первое страшное горе. У деда была замужняя дочь Авдотья, они жили в нашем поселке, у них было трое детей. Она была очень ласковая тетька. Сын ее был моим сверстником, я почти ежедневно бывал у них и часто ночевал. Муж ее, Гаврила, был на Русско-японской, воевал от начала и до конца. Пришедши с войны, стал болеть и помер.

Дед хотел выдать Авдотью замуж — за вдовца, конечно. Но она воспротивилась этому: «У меня трое детей, какое мне замужество!» Это было в 1909 г. В 1913 г. она забеременела. Тогда, при полуфеодалных обычаях, христианской вере, это было неслыханным позором. Дед почти ежедневно плакал и говорил: «Ах, Дунька, Дунька, что ты со мной сделала?!» После этого никто из нашей семьи к Авдотье не ходил и из семьи тети никто у нас не был. Только в 1918 г., когда умер дед, она пришла на похороны. Страшны были эти обычаи.

В 1914 г. меня снова отвезли в станичную школу. Отец тогда еще не был призван в армию. Проучился я всего год, на следующий меня не отпустили: дед часто болел, отца взяли в армию, нужно было работать в хозяйстве.

Учась в станице, я жил на квартире у дальних родственников Золотухиных, братьев Филагрия и Данилы. Почему-то бездетных, хотя их жены были бабы по всем статьям очень красивые, здоровые. Все хозяйство этих братьев было на их заимке, поэтому дома были попеременно то тетка Авдотья, то тетка Ненила и двое учеников — я да Кешка Луговской, тоже из Турги. На квартиру Кешку поместил его отец, который и действительную службу, и всю Русско-японскую войну провел вместе с Филагрием. Кешка Луговской⁸ стал писателем областного значения. Из моих многочисленных друзей детства остался он один.

Всем наукам нас учил один учитель — Степан Петрович Холмогоров. Преподавались арифметика, русский язык (грамматика, чтение, правописание), история, география (только Российской империи), чистописание, рисование, естествознание (час в неделю). И конечно, священник преподавал Закон Божий и церковнославянский язык.

Историю изучали по учебнику Рождественского⁹ «История Российской империи». На обложке этого учебника была иллюстрация с памятником (киевским, на Владимирской горке) князю Владимиру святому и равноапостольному, который крестил Русь. Материал в учебнике был расположен по времени царствования князей, царей, императоров. Примерные заголовки: «Царствование Ивана Грозного IV». Рядом — его портрет. Этот учебник неплохо позволял запоминать фактический материал. С тех пор мне запомнилась вся история Руси.

Невероятно труден был Закон Божий. В двухклассной школе было уже два учебника по этому предмету — книга «Ветхого завета» и книга «Нового завета». В каждой больше 300 страниц. Преподавал Закон Божий поп, но не наш тургинский Подгорбунский, обжора и пьяница, а человек начитанный. Рассказывая

⁸ Луговской Иннокентий Степанович (1904—1982) — русский советский поэт, журналист, член СП СССР. Переводчик стихов и прозы писателей Бурятии и Монголии.

⁹ Рождественский Сергей Егорович — директор народных училищ Санкт-Петербургской губернии, педагог, автор учебников истории.

о христианстве, он часто сравнивал его с другими религиями — буддийской, например, показывая превосходство христианства. Вбивалось это настолько сильно, что я верил и в бога, и во всемирный потоп. По «Ветхому завету» ковчег Ноя остановился на горе Арарат, а мой отец, мобилизованный в царскую армию в 1914 г., был увезен на кавказский фронт, на пополнение в район озера Ван. Когда он возвратился в 1917 г. по болезни, я его спрашивал (зная, что железная дорога проходит около горы Арарат), не видел ли он Ноева ковчега. Отец ответил: «Туда ехали мимо Арарата ночью, поэтому ничего не видели, а обратно меня везли в теплушке в Тифлисский госпиталь, мне было не до Арарата».

Уже после войны я прочитал «Иудейскую войну» Фейхтвангера, и для меня там не было никаких исторических откровений. Поп излагал всю историю евреев очень красочно и задавал много учить на дом (восемь-девять страниц), но почти не спрашивал, а читал лекции. «Новый завет» мне учить не пришлось. На следующий год дед меня не пустил учиться. В двухклассную школу направили моего брата, но он учиться не стал, сбежал из Улятуя домой пешком (45 километров).

Я сразу стал взрослым. Беззаботная жизнь и детские игры кончились. Их сменили скорбь и думы о будущем семьи. Причиной этому был дед, который был настроен пессимистически. Горевал о том, что наш отец может не вернуться, а сам он скоро помрет: «Что вы будете делать? Разоритесь. Будете нищенствовать». Все это наводило на меня страх и ужас. Приходилось работать за взрослого. В 12—13 лет я мог выполнять всякую домашнюю работу: пасти и кормить скот, резать баранов на мясо, выделывать шкуры для обуви, косить наравне со взрослыми, копнить сено, возить дрова и т. д. Даже шил ичиги. Был я по сравнению со сверстниками крепкий, сильный, но эта работа не по годам потом на мне сказалась.

Помимо труда и забот были, конечно, дни, когда отдыхали. Зимой отдыхом было — учить диких лошадей-двухлеток. Какая это радость, когда дикую лошадь выучишь, когда она становится ручной, управляемой! По обычаю все подростки занимались этим. А потом на выученных лошадях ездили в степь «на бега». Это скачки, одно из развлечений населения.

Было очень хорошо весной, в мае-июне, когда зацветет степь всевозможными цветами, когда воздух напоен чабрецом и другими благовониями трав, когда воображаешь себя Тарасом Бульбой или татаринком и скачешь по степи и горам на любимой лошади. Подъезжаешь к своему табуну, где народилось 12—15 жеребят, которые уже очень хорошо питаются: матери их поправились на обильной траве. Можно часами смотреть на то, как резвятся и играют жеребята. Зрелище невероятно красивое.

После весны наступает сенокос. Это уже сумасшествие. Работа от зари до зари. Возвращались только в субботу, в баню, а в воскресенье, если ведро (ясная погода), то с утра на покос, убирать сено.

С малых лет любил читать. Дома откуда-то оказалась книга «Война и мир» Л. Н. Толстого. Я ее прочитал, учась в третьем классе начальной школы. Многого из нее не понимал. Читал книги Данилевского, которые тоже почему-то были дома. Чтением никто не руководил, читал, что попадет под руку. Но тут мне повезло, был у меня незабвенный друг юности Евгений Белокопытов. Он был не казачьего сословия. Его дед Павел был купцом II гильдии в Иркутске, но разорился и занялся сельским хозяйством. Старик Павел походил на скульптуру Моисея, мощный, здоровый, с лицом Сократа. Он часто бывал у нас для беседы с дедом. Раз я невольно подслушал их разговор. Дед спросил, почему он не начал торговать снова: брат бы, наверное, помог, да и другие купцы в этом случае помогают, не бросят погибать человека. Брат у него тоже был купцом II гильдии.

Павел ответил: «Неужели вы, Иван Осипович, думаете, что у купцов хорошая жизнь? Нет, это не так. Вечный страх, что товару не купишь, страх, что товар не продашь, страх, что тебя надуют, обворуют приказчики, ограбят или сожгут. Нет, пропади она пропадом, купеческая жизнь. Я детей выучил: один офицер, другой учитель, а Мишке (отцу Евгения) грамота не далась, вот и заставил его мужиком быть, а я спокойно доживаю свой век без забот и страхов».

Так вот, учитель, дядя Евгения, был не женат, работал далеко от Турги, на приисках. Был большой любитель литературы. Выписывал почти все издававшиеся до революции журналы: «Родина», «Природа и люди», «Вокруг света», «Нива» и другие. А все они выходили с приложениями полных собраний сочинений классиков и современных писателей.

Дом у Белокопытовых был разгорожен коридором. Одна комната была завалена книгами и журналами от пола до потолка. Когда учитель приезжал на каникулы, то накопившиеся книги и журналы привозил к брату на хранение. От Евгения я и таскал всякое чтиво без разбора, целыми мешками. Интересовала меня история. Был такой писатель — историк, романист Мордовцев¹⁰: у него сочинений, наверное, томов 30. Конечно, не марксист, поэтому после революции не издавался. На все исторические явления он писал романы: «Иван Грозный», «Петр Великий» (в двух томах), «Война 1912 г.», «Екатерина II», «Железом и кровью» (о завоевании Кавказа) и другие. По древней и всемирной истории — «Юлий Цезарь», «Веспасиан Флавий», «Братья Гракхи» и много других. Этим я зачитывался. Прослыл на деревне чудачком, который таскает с собой книги везде: на пашню, на пастьбу скота. Были в этой свалке книг полные собрания сочинений историков: Карамзина, Костомарова, Ключевского, Соловьева. Брал читать каждого из них, но хорошо понимал только Карамзина. Но даже его конспектировал — неизвестно к чему. Читал даже «Антропологический журнал»¹¹ и вбил себе в голову на долгие годы ложные толкования о способностях человека и многом другом. Коротко: там все способности объяснялись строением черепа и весом мозга. Читал Андреева, Куприна, Горького, Вересаева и других. Все эти писатели были в полных собраниях сочинений.

Евгений тоже много читал, и мы с ним в воскресные дни весной и летом брали книги и уходили в лес, в горы, где и проводили время за чтением и разговорами. Читая Андреева и разные философские сборники, где тогда излагались сочинения Ницше, Шопенгауэра, мы стали неисправимыми пессимистами. Забегая вперед, надо сказать о Евгении, что ему, как и мне, некуда было деваться, ушел добровольцем в Красную армию в 1924 г. Пройдя разные школы и курсы, в 1937 г. был подполковником. А потом исчез. Я с ним держал связь до 1936 г. В этом году он был дома и оттуда написал: «Прекратим переписку, времена наступили страшные». Письмо даже не подписал и писал, видимо, левой рукой. И только в середине царствования Никиты узнали, что Евгений был арестован в 1937 г. и умер в Киеве в 1940 г. Я вспоминаю его часто, и бегают мурашки по коже, когда думаю, что Евгений провел в застенках три года.

Такая судьба у многих моих друзей детства.

Нас с ним в 14—15 лет стали мучить философские вопросы. К чему живут люди? Зачем на этом свете столько горя? И т. д. Многого не понимали в писаниях Толстого, Достоевского. Кто и что нам мог объяснить? Но вот мы прочитали В. В. Вересаева, его сочинение «О Достоевском и Льве Толстом», и многое поня-

¹⁰ Мордовцев Даниил Лукич (1830—1905) — русский и украинский писатель, историк, публицист.

¹¹ Видимо, имеется в виду «Русский антропологический журнал», издававшийся с 1900 по 1930 г.

ли. Я прямо чту этого писателя до сих пор. Прочитали и другие вещи Вересаева: «Русско-японская война», «Записки врача» и пр.

Вот так и шли годы за работой и чтением. На вечерки и другие забавы, которыми предавались наши сверстники, мы не ходили.

В 1917 г., в марте месяце, отец отвез меня на курсы маслоделия в село Чиндант 2-й. Это было богатое казачье поселение. А в 1945 г. там уже не было ничего. Село исчезло, причины — гражданская война, коллективизация. Я ходил на пепелища, вспоминая прошлое. Там жили в десяти землянках переселенцы из Воронежской области. А раньше там жили богачи Шестаковы, Черных, Токмаковы, имеющие тысячи и тысячи голов скота, главным образом овец, которые паслись в Монголии. Были прямо помещичьи дома.

Так вот, в 1917 г. в окрестностях Борзи проезжали два всадника на хороших лошадях. На лошади темно-бурой масти ехал мой отец, а на белогривой — я, это был мой любимый конь. Сделали мы за день более сотни верст, и я не чувствовал никакой усталости. А такое расстояние покрыть верхом на лошади могут, считалось, только хорошие и выносливые ездоки, а ведь мне было 13 лет. На курсы. На курсы меня не принимали малолетством, но согласились, что я буду вольнослушателем. На курсах сначала было человек 40, а потом осталось 16 человек. Для того чтобы заниматься маслоделием, надо было знать арифметику, дроби и проценты, а приехавшие этой грамоты не имели и отсеялись. Я прослушал эти курсы. Получил даже бумажку, что такой-то может быть мастером маслоделия по достижении совершеннолетия.

Там, в Чинданте 2-м, я встретил Февральскую революцию. Мы занимались теорией, о кормах для скота рассказывал агроном Колгин. Вдруг вбегает дежурный и кричит: «Всем немедленно идти на сборню, так как царя сбросили с трона и надо нового царя выбирать!»

Приехал домой после курсов в воскресенье и встретил нескольких бабушек, которые после обедни зашли в гости. Деда не было дома, они говорили, что братец Иван Осипович, наверное, сошел с ума: «Давай плясать на улице, когда услышал, что царь отрекся от престола!»

Я не писал о том, что в 18 верстах от Турги в 1914 г. были открыты залежи вольфрама. Вольфрам до зарезу нужен был для начавшейся войны. Были брошены бешеные деньги на строительство шоссейной дороги до этих залежей, а они были в неприступных горах, в тайге.

Приехала уйма народу, в том числе и инженеров, техников, геологов. Была проведена мобилизация «ясашных» на строительство этой дороги в 1916 г. Даже был завезен легковой автомобиль, последних не было и в Чите. Строительство вел инженер Чарквиани¹². Турга стала средоточием рабочего класса. Хотели в Турге открыть высшее начальное училище. Это было учебное заведение в четыре класса, после начальной трехклассной школы. Когда совершилась Февральская революция, в Тургу навезли всевозможной революционной и другой литературы. Эту литературу сваливали в школе, в свободной комнате (4 на 5 метров), никто ее не учитывал. Вот я и начал таскать эту литературу. Был такой популяризатор науки (забыл его фамилию)¹³. Он жил в Швейцарии, по инициативе Ленина ему даже была назначена пенсия, а свою библиотеку он пожертвовал новой российской власти. Его популярные книги — «О великих и грозных явлениях природы», «О вулканах», «О грозе и молниях, граде, дожде и других осадках»,

¹² Чарквиани Константин Минович (1881—1960) — геолог, член-корреспондент АН СССР. Под его руководством были открыты и стали использоваться вольфрамовые рудники.

¹³ Очевидно, речь идет о Н. А. Рубакине (1862—1946), книговеде, писателе, создателе библиопсихологии (науки о восприятии книг). Его литературное и научное наследие — 280 книг и брошюр.

«О гладиаторах», «О великом переселении народов» и много других трудов. Все это я не читал, а проглатывал. И, как это ни странно, уже в конце 1917 г. стал неверующим. В 1918 г. доказывал старикам, что бога нет.

В деревне в 1917—1918 гг. происходили бурные события, бесконечные митинги. Каждый день приезжали ораторы от разных партий, и все агитировали за свою.

В 1918 г. я уже считался взрослым. Ездил в подводы. Началась война с атаманом Семеновым, что описано у Кости Седых в «Даурии». Тогда я был в тех местах, где шли бои (это на границе с Маньчжурией). Поехал вместе с 50 подводами из Турги в Нерчинск. А оттуда, нагрузившись патронами, мы везли их на станцию Даурия.

Так шли годы, а если бы я учился? Я мог бы в 14—15 лет окончить гимназию, а в 18 — вуз, тогда, вероятно, был бы из меня толк. Вместо этого стал мужиком. Осенью 1918 г. власть перешла в руки атамана Семенова. Казачков мобилизовали в белую армию. Начался террор. Возродились такие меры наказания, как битье плетью и розгами.

Весной 1919 г. мы с братом Кешкой жили на заимке в 10 километрах от поселка. Было много скота, надо было его кормить, возить сено, убирать навоз и т. д. И вот к нам является Алешка Чипчеев, который служил в первом Читинском казачьем полку. Прожил у нас дней 10. Дезертировал из полка, его брат и отец были арестованы белыми и находились в тюрьме.

Конечно, мы не были изолированы, к нам заезжали люди по пути за сеном, дровами. Кто-то донес, что у Василия Ивановича (нашего отца) живут на заимке дезертиры, которых, дескать, он кормит. Из нашего поселка было много дезертиров. Атаман Семенов решил село сжечь как рассадник большевизма. <...>

В один из дней в конце мая, во время дежурства нашего двора на сборне, пришел пакет, который надо было везти в далекую деревню Олдонду. Везти пакет отец велел мне. Ехать нужно было верст 65, если по дороге, а напрямую, по горам, вдвое меньше. Лошадь была хорошая, и я поехал прямо по тропинкам через горы и леса. Подъезжая к деревне, встретил казачий конный разъезд. <...> Меня доставили к командиру. Им оказался Степан Арсеньевич в чине подъесаула с четырьмя «георгиями». Он обрадовался, встал и сказал: «О! Афанасий, ты уже совсем взрослым стал!» В школе у него был порядок называть по именам, так как в том классе, где я учился, было больше десятка Темниковых. Не читая содержимого пакета, он стал спрашивать об отце, матери, сколько нас родилось. <...> Расспрашивал о других тургуянах, которых хорошо знал и которые были с ним на войне. Спросил, не учусь ли я. Я сказал, что нет. Да, говорит, кому-кому, а тебе надо бы учиться. Спросил, есть ли где мне переночевать, можно и у него. Я сказал, что ночлег есть. На этом мы расстались. Вышел даже меня провожать.

Степан Арсеньевич был мобилизован в 1914 г. осенью, направлен в офицерскую школу (на один год). По окончании был направлен в действующую армию, в казачьи части, где командовал сотней. Заслужил полного Георгия. Меня при встрече поразило его состояние: серое лицо — видимо, одержим чем-то страшным, — грустные глаза, во время встречи ни разу не улыбнулся. Печали и скорбь были на лице.

Через три дня пришло известие, что Степан Арсеньевич застрелился. Его командование требовало от него репрессии над населением, но он этого сделать не мог. Уйти к красным, наверное, тоже. И по той причине, что это грозило репрессией его семье. В общем, точно неизвестно. Так кончил жизнь Степан Арсеньевич, которого и сегодня вижу живым. Весной 1920 г. пришлось видеть, как партизаны вели на расстрел двух офицеров (полковника и штабс-капитана),

у них были такие же лица, как у Степана Арсеньевича: видимо, он тогда уже решил уйти.

В воскресенье пришел Белокопытов, набрали книг и ушли в горы на весь день. Под впечатлением самоубийства ничего не читали, а проговорили целый день, валяясь в цветущем багульнике. Начитавшись Шопенгауэра, Леонида Андреева, мы были страшными пессимистами. Причиной этому была, видимо, и многодетность наших семей. Больные матери, еды всегда не хватало. Ведь это черт знает что, когда за стол садятся двенадцать человек. В этот день мы обсуждали свое будущее и не видели в нем ничего хорошего. Всю жизнь жить на этой скудной земле, которая ничего не родила — ни хлеба, ни травы... Страшный труд. А потом наплодить детей и биться как рыба об лед, чтобы их прокормить. Вывод: лучше умереть вовремя. Потом давай анализировать, к чему приведет наше самоубийство. Жалко матерей, им ведь ничего не объяснишь. Кроме того, все будут видеть причиной нашей смерти книги, которые мы читаем запоем. В конце концов решили пока обождать с самоубийством.

Женька сказал: «Я хотел бы погибнуть в таком сражении, которое будет известно как историческое, вроде Бородино». Я засмеялся и сказал: «Перед вечностью и бесконечностью это чепуха, как мы с тобой помрем». Так в детстве мы рассуждали, а вспоминая сейчас, думаю, что не совсем мы были глупыми, хотя и родились «в диких степях Забайкалья», хотя и окружала нас дикая природа и дикие почти мужики.

После нашествия белых началось наше разорение. Уведено было шесть лошадей, телега на железном ходу. Отцу дожидаться было нечего: придет другой отряд и обязательно расстреляет, поскольку ему предъявлено такое обвинение, как содержание на займке дезертиров. Он бежал в Читу, где устроился заготовителем скота. На сенокосе у нас был один наемный рабочий, но он ушел работать на рудник. Косить сено остались мы с братом да две сестренки. Сена, конечно, не накосили. Больше половины рогатого скота сдали заготовителям, деньги колчаковские пропали. Все шло к чему-то страшному.

В Чите при губернском «Союзе потребительских обществ» существовали уже два года общеобразовательные курсы для взрослых. Организовала их революционерка-врач Анна Петровна Бек. Комплектовала она их слушателями из деревни. Программа их была та же, что в мужских гимназиях. На них в 1918—1919 гг. учился парень из нашей деревни. Вот я и надумал поступить на эти курсы. Приехав в Читу, кое-как нашли угол: все было забито беженцами с Волги и Урала. Проучился я на них (был принят в третий класс) всего до зимних каникул — помещение заняли под госпиталь, и курсы закрылись. Опять возвратился домой. Везить дрова и сено, ходить за скотом.

Летом 1920 г. атаман Семенов организовал целую армию под командованием известного барона Унгерна для ликвидации партизан, занимавших междуречье Шилки и Аргуни. Их (партизан) было 10 конных полков, организованных аналогично казачьим войскам царской армии. Из нашей деревни ушло в партизаны больше сотни человек. Войска барона двигались через Тургу. Все население убежало в леса. А поскольку село партизанское, Унгерн распорядился забрать весь скот. Я при этом нашествии был в подводах у красных. Везил за партизанской пушкой четыре снаряда. Всего было три подводы, а значит, 12 снарядов. Деревня окончательно была разорена.

Летом 1920 г. мне пришлось уйти на маслодельный завод в далекую неразоренную деревню. В 1920 г. наша деревня стала центром партизанского движения. Благодаря этому в Турге было организовано высше-начальное училище. Маслодельный завод зимой не работал. В высше-начальном училище было ор-

ганизовано обучение после окончания трех классов начальной школы. Набралось 10 человек, которые окончили двухклассную школу, в том числе и я. Был создан третий класс этой школы. В классе все были моего возраста и старше. Преподавательский состав включал учителей, бежавших с Урала и из других мест от наступления красных. Завшколой был Кушков — бывший заведующий духовной семинарией в Миассе, на Урале. Учение было хуже некуда. Не сравнишь с учебой в Чите на общеобразовательных курсах, где были высокообразованные учителя, желавшие чем-то помочь деревне. Запомнились преподаватели русского языка, истории и поп, который читал «Историю происхождения религий», — это был высокоэрудированный человек. Не было учебников. На 10 человек был один учебник алгебры Давыдова, четыре учебника геометрии Киселева, несколько задачников Шапошникова. Учебников истории и русской словесности не было. Писали на газетах, бумаги и тетрадей не было. Времяпрепровождение, а не учеба. И математику, и русскую словесность вел Кушков. Теперь-то понятно, что он и сам не знал математики. Да и чего обвинять учителей? Программы не было. У учителей не было никаких пособий.

Правда, два года спустя завшколой был назначен Ефремов, бывший офицер царской армии. Он учился в Томском технологическом институте, но не окончил его, был во время войны мобилизован в армию, а там стал офицером. Этот знал математику, но мы-то не знали. Он даже преподавал анализ бесконечно малых величин, или, по-теперешнему, начала дифференциального исчисления. Но мы-то не знали даже квадратных уравнений — не дошли с Кушковым. В последние годы выше-начальная школа была переименована во II ступень Единой трудовой школы.

Дома положение было тяжелое. И вот на втором году обучения меня сход обязал заниматься в первом классе начальной школе по три часа. Дело в том, что за счет государства в начальные классы дан всего один учитель, а остальные должны содержаться за счет населения. Вот мне и положили «жалование» по два пуда муки с каждого ученика. За весь учебный год, а учеников 30. Значит, за семь месяцев получил 60 пудов муки, а каждый пуд стоил 60 копеек. В общем, зарплата была пять рублей в месяц, да еще не со всех соберешь эти пуды, ведь некоторым ученикам самим есть нечего, а учиться надо. Вот так и присохла ко мне учительская профессия. Утром учил, а с обеда сам ходил учиться. Дома меня от работы освобождали. В летнее время работал на маслозаводе. Вот такая была моя «кулацкая» юность.

В апреле 1924 г. окончили мы школу II ступени. Держали экзамен. Отметок тогда не было. Получили аттестаты о среднем образовании. А что дальше? Белокопытов ушел добровольцем в армию. Я опять работал на маслозаводе. Зимой снова заставили учить ребят, но тут материальное положение немного улучшилось. Назначили меня заведовать избой-читальней, где уже от государства получал 15 рублей.

Нужно сказать о комсомоле. В декабре 1922 г. была организована в поселке комсомольская ячейка. Сначала в нее записали восемь человек, я был избран ее секретарем. Видимо, подавал надежды на вождя. В феврале 1925 г. проходил призывную подготовку и, кроме того, должен был выполнять обязанности замполитрука (обязал уком комсомола).

На «допризывке» занимался политграмотой со взводом допризывников (30 человек). На заключительной проверке мой взвод показал хорошие знания по политграмоте, что отметил уездный военком Савелов.

В 1924 г., в марте месяце, вступил в коммунистическую партию, кандидатом. Надо было куда-то податься. Главное, был одержим желанием учиться, а

чему? Не привилегии, не специальность какая-то влекла, а получение знаний. Профессии какие есть — не знал. Правда, хотелось быть врачом или командиром артиллерии. Денег не было. Ведь все, что я получал, отдавал семье до копейки.

В мае 1925 г. пишу в уком комсомола, чтобы меня послали в военно-инженерную школу. Где-то что-то услышал об инженерных школах. Вызывали в Борзю для прохождения медицинской комиссии. Прошел — годен к военной службе. В августе вызывают опять в Борзю для отправления в военный вуз. Рассчитался, простился со всеми и поехал в Борзю. Приехал в уком — там меня огорошили: предлагают три школы — пехотная в Омске, срок обучения три года, артиллерийская школа в Красноярске (четыре года), военно-политическая школа в Томске (два года). Пехотная отпадает — не хотел. В артиллерийскую и хотелось бы, но казалось, слишком долгое обучение — четыре года. Военно-политическая школа? Не хотелось учиться политике, думал — ведь специальности никакой не получишь. Думал так, шел по Борзе, и вдруг навстречу военком Савелов, который проверял политзанятия в моем взводе. Поздоровался, говорит: «А мы тебя ждем, поедешь в школу». Я говорю: «Не знаю, в какую ехать». Он мне не дал договорить: «Поедешь безо всяких в военно-политическую школу! Тебе все равно идти в армию на два года, а в школе ты пробудешь два года и будешь наравне с комроты». Вот он и решил, куда мне ехать.

Итак, приехал в Томск, куда из Омска переезжала военно-политическая школа СибВО, а организована эта школа комиссаров была в Екатеринбурге и известна всей стране была по произведению писателя и врача Либединского «Комиссары». Это было одно из первых литературных произведений ранних лет советской власти. Переехала она сюда на место пехотной школы, которая, в свою очередь, переехала в Омск. Причиной перемены места, наверное, стало то, что в Омске ВППШ занимала бывший кадетский корпус. Это учреждение со всеми его подсобными зданиями было более подходящим для подготовки пехотных командиров.

Прошел всякие мандатные, медицинские и прочие комиссии. Был принят. Чему не обрадовался, узнав: школа из двухгодичной стала трехгодичной. Можно было откомандироваться обратно, но куда? Ни копейки денег. Откомандировали в той одежде, что приехал, а у меня дрянные сапоги, совершенно развалились, а осень, холода, грязь и грязь. Куда деваться? Не горьковские времена — шляться по Руси.

В середине сентября закончился прием. Была одна рота в 180 человек, которые должны окончить школу через год. Набрали еще столько же — это командированные из воинских частей политруки и иные политработники, им предстояло учиться два года. И первый курс — это мы, приехавшие по партийным командировкам. В основном это были комсомольские работники из уездных и губернских комитетов, не проходившие военной службы. Начальник школы был комкор (по-теперешнему — генерал-лейтенант, носил три ромба) Верецагин, бывший офицер царской армии, член партии с 1916 г., высокого роста, сухощавый, с неизменной трубкой, в которую входило не меньше полфунта махорки. Этот начальник пользовался невероятным авторитетом у всех курсантов, начальствующего состава и преподавателей. За всю свою жизнь я не встречал начальника, пользующегося таким авторитетом, как Верецагин. Хотя говорить он не умел: произносил скороговоркой несколько фраз, а потом молчал — дольше, чем говорил.

В школе на старшем курсе было много пожилых политработников, которые прошли гражданскую войну. Они-то и знали Верецагина по Гражданской войне и даже как офицера царской армии. Среди нас авторитет завоевал он человеческим отношением, заботой о еде, о быте. И старший курс, и двухгодичные коман-

дированные из частей в школе получали жалование, как в армии. Политруки получали тогда от 50 до 80 рублей, а мы — два рубля 10 копеек. И вот Верецагин на общем собрании говорит, что скоро уже зима, а помещения для общежитий и классных занятий совсем не готовы. Нас временно поселили в гарнизонные казармы за городом. Под школу отвели два здания в центре города: бывшей первой гимназии и бывшей духовной семинарии. Оба здания требуют капитального ремонта. Деньги отпущены. Верецагин предлагает всю черновую, тяжелую работу сделать самим, а отпущенные деньги употребить на благоустройство. Проголосовали единогласно.

Ставит второй вопрос: для учебы, дескать, требуется усиленное питание. Паек у нас на 25 процентов больше, чем у красноармейцев, но этого все же недостаточно. Предлагает 20 процентов от получаемой зарплаты отчислять на улучшение питания. Принимается единогласно. Стало быть, две трети курсантов будут отчислять от десяти до шестнадцати рублей. Значение этой суммы можно понять по такому факту: в Томске человеку предоставляли жилье с полным питанием за 6—8 рублей в месяц.

Был расцвет НЭПа. Томская губерния не была разорена гражданской войной. На базаре были очень дешевые продукты: мясо стоило 2,5—3,5 рубля за пуд, масло — 30 копеек за фунт, молоко — 20—25 копеек за четверть (около четырех литров). В общем, питание было организовано отлично. Был шеф-повар, который в старые времена работал шеф-поваром английского клуба в Москве, бежал с хозяевами, но они его бросили в Томске. Очень интересный человек, много рассказывал о старой жизни аристократии. Я, когда брал наряд, старался попасть на кухню (другие считали это позором). В общем, никогда в жизни я не питался так отлично, как в Томске в зиму 1925—1926 гг. За зиму поправился на 14 кг.

В здании духовной семинарии, приспособленной под наше общежитие, была церковь. Из нее сделали клуб, расписали стены портретами вождей. Писали известные художники — Тютиков¹⁴ и др.

Начались занятия. Был принят так называемый «комплексно-лабораторный метод» занятий. В числе наших руководителей были умные люди, которые думали чем-то удивить свет. К этому методу пришли позднее и все школы СССР. Это привело к страшному, невосполнимому ущербу для образования и культуры государства.

У нас на первом курсе изучались дисциплины: русский язык и литература, математика, физика, химия, история классовой борьбы, военное дело, строевая подготовка, изучение технических средств борьбы (попросту изучение винтовки, гранат, пулемета «Максим», английских ручных пулеметов «Виккерс» и французских «Шоша») и, конечно, всяких уставов. Комплексно-лабораторный метод заключался в следующем. Скажем, по математике ты получаешь задание на две недели. За это время ты должен изучить вопросы, решить задачи в кабинете математики и сдать задание преподавателю. Он поставит зачет в книжку. И так по всем общеобразовательным предметам. Классных занятий не было, никаких лекций не читалось. Преподаватели были только консультантами. Даже ничего не объясняли. Каждый должен до всего дойти «своим умом»! Мне учиться оказалось совершенно нечему. Как ни плоха была школа, в которой я учился, но она кое-что дала, а тут ведь начинали учебу с дробей, а по физике — просто с азов, и так по всем дисциплинам, кроме истории классовой борьбы — это была история промышленного переворота в Англии, история Великой французской революции (тогда ее называли Великой, а потом Сталин отменил это величание). Получал

¹⁴ Тютиков Иван Иванович (1893—1973) — заслуженный художник РСФСР. С 1920 г. работал художником-декоратором томского гарнизонного красногвардейского клуба РККА.

задание — сразу, даже не читая, шел сдавать, а потом был свободен. Можно было уходить, шляться по городу и базару, что и делал, пока не надоело. Занялся изучением физики.

Тогда уже я понял, что военное дело мне никак нейдет. В кабинет «Технических средств борьбы» я шел с какой-то брезгливостью, неохотой и по возможности отлынивал от занятий. Сказывались навеянные с детства толстовские взгляды на убийство, на войну, а тут еще вышло известное произведение Барбюса «В огне». Не боязнь за свою жизнь была, а презрение к войне, и я ловил себя на мысли, что готовлюсь к убийству, но податься было некуда.

Когда я вспоминаю военно-политическую школу, то невольно думается: те, кто учился со мной и остался в армии, ко времени Великой Отечественной войны стали большими командирами. Так, Емельянов, Тонких, Мухомедзян стали командирами полков, а ведь они же совершенно безграмотны. Всем им я объяснял, что такое дробь, что такое тела жидкие, твердые и т. д., а им было за двадцать. У них не было образования, на котором могли базироваться специальные знания. В общем, я это говорю к тому, что наш командный состав был очень слаб по грамотности, и это не могло не сказываться на ходе войны. Кроме того, шли в военные школы те, кому больше некуда было податься. <...> Нельзя сравнивать Емельянова, едва умеющего писать, с полковниками гитлеровской армии.

Так вот проболтался зиму. Пользы — только то, что историю классовый борьбы изучал по первоисточникам, по хрестоматиям, в которых были только документы того времени, а английскую промышленную революцию изучали по «Капиталу» К. Маркса (первый том). Для всех эти книги были непонятны: что может понять в «Капитале» человек, имеющий начальную грамоту? Я тоже многого не понимал, но спрашивал преподавателей.

Так прошла зима, началась весна. С марта нас чуть не ежедневно гоняли на стрельбище. Здесь мне тоже нечему было учиться — я с 1918 г. таскался с винтовкой-трехлинейкой, которую украл у белогвардейцев. Патроны достать было просто: наворовать, когда ездил в подводах у красных или белых. Стрелял хорошо.

Было и новое: научили стрелять из «Максима», нагана и ручных пулеметов иностранных марок. В конце мая школа отправилась в летние лагеря. Это недалеко от станции Юрги, на берегу Томи. Начальство опять ввело новшество — сделало подвижные лагеря, и три месяца мы путешествовали по правому и обратно — по левому — берегу Томи. Дошли чуть ли не до верховьев реки. Бродили по кедровым лесам. По правому берегу Томи жили татары: по их словам, эту местность за ними закрепил навечно Александр III. Делали дьявольские переходы по 100 верст за сутки, в общем, закалялись лучше некуда, но питание было отличное.

Ознакомился с бытом татар. Представлял их, по старым нашим учебникам, в общем, как дикарей. На самом деле они были культурнее русских. В каждой деревне на мечети каждый час отбивалось время. В домах (громадные, двухэтажные) чистота, и жили они родами, в одном доме по 40 человек. Управлял всем хозяйством патриарх рода. Меня татары считали своим человеком.

В теперешнем Кемерове и тогда были шахты. Когда мы зашли в город, там был митинг рабочих, которые потом разводили нас на ночлег по своим домам. Меня и двух моих друзей взял рабочий, но вдруг пожилая татарка бесцеремонно берет меня за рукав и что-то говорит на своем языке. Я говорю, что татарского не знаю. Татары гогочут. Я вырываюсь от старухи. Тогда она говорит матерно, по-русски: «Ишь, татарская морда, притворяется, что он не татарин!» Потом Мухомедзян объяснил: у нее семь дочерей и ей надо зятьев, вот она и тащила тебя к себе для знакомства.

В конце августа 1926 г. кончились летние лагеря. Закалка была нам дана отменная. Сделали марш из Юргинских лагерей до Томска за один день, а это больше сотни верст. Дали отпуск нам на один месяц.

Я съездил домой, возвратился первого октября. Узнал, что все военно-политические школы расформированы. Дело в том, что в военной теории тогда сложилось мнение, что нужда в политработниках для армии отпадает: дескать, люди стали сознательные, а все командиры — советские люди и могут воспитывать подчиненных без политруков. Состав нашего курса был откомандирован во Владивостокскую пехотную школу на второй курс, но 30 лучших были отобраны и направлены в военно-политическую школу Киева. В это число попал и я. Просил о демобилизации. Сказали: «Тебе надо отбывать срок действительной службы». Поехал в Киев, хотелось увидеть этот древний город, откуда пошла земля русская. Ехали без приключений, через Омск, Челябинск, Самару, Пензу, Воронеж, Канев. Поприехали в Киев и «лучшие» курсанты из других военных округов. Всего было человек 150, одна рота из пяти взводов, эти взводы и были учебными группами.

По приезду нам дали три дня на отдых и на знакомство с городом. За эти дни осмотрел все достопримечательности Киева. Музеи, Владимирскую горку, Киево-Печерскую лавру — тогда она работала, шли богослужения, и нас сопровождал при осмотре монахи. Был и в Софийском соборе.

ВПШ УВО помещалась на Подоле, около Днепра, в трехэтажном здании, построенном во времена Мазепы. До революции в нем помещалась православная духовная академия. Прибывшим все в этой школе не понравилось. Дело в том, что во всех военных округах ВПШ занимали привилегированное положение. Москвичи, ленинградцы жили в каких-то дворцах, да и другие тоже, а тут загнали в какие-то пещеры. Но особенное недовольство было вызвано питанием. Столовая в подвале; деревянные, ничем не покрытые, грязные столы с большими щелями, где водилось много тараканов. Черный, непропеченный, с отставшей коркой хлеб. Несменяемое меню: суп из чечевицы да просынная каша, а утром только чай. Тогда в армии еще была демократия. Курсанты потребовали общего собрания.

Выступает начальник школы Рохи¹⁵ — латыш с орденом Боевого Красного Знамени. В те времена орденосцы были редкостью. Внешний же вид Рохи не внушал никакой симпатии. Морда — будто бы заготовка скульптора, из которой предполагалось сделать голову человека. Чем-то он походил на маршала Тимошенко. Сказал: «Чем недовольны? Выкладывайте!» Тут и началось, в ораторах недостатка не было. Все сводят свои выступления к тому, что в подобных условиях учиться нельзя, что в любой воинской части условия лучше, чем в школе, по крайней мере там тараканы не гуляют по столам и хлебу, да и в суп не попадают.

Рохи побелел. Видно — трясет его, не выдерживает, прерывает очередного выступающего, вскакивает, стучит кулаком по столу, выкрикивает: «Что вы испугались тараканов?! Жаркое вам из баранины надо? А в гражданскую войну знаете, какой хлеб мы ели? В каких условиях воевали?» Выкрики: «Знаем, как воевали! Знаем, чем питались!»

Рохи кричит: «Здесь собралась мелкая буржуазия, а не будущие политработники!» При этих словах курсанты повскакали с мест, поднялся невообразимый шум.

Рохи выкрикивает: «Собрание закрыто! Разойтись!» После этого в столовой навели порядок, а питание не улучшилось.

¹⁵ Рохи Вильям Юрьевич (1892—1938) — советский военный деятель. В апреле 1938 г. приговорен к расстрелу по делу «фашистского латышского заговора».

В Киеве изучали историю компартии, экономическую географию СССР, политэкономия, политработу в армии, тактику действий пехоты в бою от отделения до полка. Было и полезное в изучении этих наук. Интересной была тактика пехоты. Преподавал ее Страхович, бывший царский подполковник. В начале первой империалистической войны был вольноопределяющимся. Прослужил всю войну на передовой, дослужился до подполковника. Сын дьячка. Главной в его преподавании была правда о войне. Все иллюстрировал примерами из жизни на войне, примерами поведения людей в разных обстоятельствах (военная психология).

В школе были очень велики антивоенные настроения. Особенно усердствовали москвичи и ленинградцы. Без конца рассказывали анекдоты о нашей будущей судьбе. Все сходились на том, что никакими политработниками мы не будем, а потому станем ваньками-взводными и будем со взводом всю жизнь таскаться «около высоты» и изучать винтовку-трехлинейку. Видимо, было много людей, попавших в школу случайно, как и я. Много было конфликтов с начальством.

Во время зимних 12-дневных каникул больше половины курсантов остались в школе из-за дальней дороги домой. Уехали те, кто мог за 12 дней съездить и возвратиться. И вот оставшиеся организовали ООБ (Общество отдыхающих бездельников). Был написан устав общества. В нем ничего особенно контрреволюционного не было, но содержалась критика на Рохи, на порядки, на «педантов хохлов-командиров». Было в уставе правило: «Как обманывать начальство, чтобы вырваться в город».

Нашелся предатель, который копию этого «устава» передал Рохи. Начался переполох. Даже специальная комиссия приезжала для разбора этого дела.

В Томске, да и в других ВПШ, судя по рассказам, были вольности: часовой у ворот общежития был, но он пропусков для выхода в город не спрашивал. В Киеве же была каменная ограда высотой в три с половиной метра, а часовой у ворот никого не пропускал на улицу. Отпуск мог быть только в воскресенье, и то — лишь для половины курсантов. Для отпуска в город установлены всякие формальности: список отпускников должен составляться с вечера, только в 12 часов идущие в город выстраивались в коридоре, приходил дежурный командир, осматривал заправку, стрижку и бритье, выводил в город и распускал.

В будний день шли классные занятия, и вдруг «труба зовет» строиться по тревоге. Построились в коридоре, команда «смирно». Является сильно возбужденный Рохи. Начинает кричать: «Что это за черти? Какие из вас политработники? Это какие-то хулиганы! Ни один сукин сын не сознался и не сказал, кто написал!» В конце концов, поняли: когда Рохи пришел к школе, то увидел, что на воротах, где стоит часовой, крупно написано: «Алексеевский рavelин». И это когда мимо ворот проходят тысячи людей. Были и всякие другие чудеса. Но опишу один случай.

В чудесный майский день, какие бывают на Украине, школа, поднявшись в пять утра, пошла на устройство летних лагерей под Киевом. Проработали весь день, возвращались в семь часов вечера, шли через город. На улицах толпы народа. Командир роты подал команду: «Песню!» Молчат, не поют. Он повторяет команду — ропот: какие-де песни, ели ноги волочим. Тогда командир вызывает двух запевал: «Шумик и Фесенко, запевайте!» Они молчат. За них отвечают: «Они жрать хотят! Не до песен». Тогда подается команда: «Левое плечо вперед!» Повернулись, пошли обратно: туда, откуда идем. Стали шуметь, тогда командир объяснил: «Пойдем до тех пор, пока не запоете!» Рота остановилась. Неизвестно, чем бы это кончилось. Нашелся старшина Кальченко (из курсантов). Дал команду: «Смирно! Правое плечо вперед!» Дошли до школы без приключений. Правда, комроты мы уже больше не видели.

Лето пробыли в лагерях. Были непрерывные учения: ротные, полковые, дивизионные и даже корпусные, на последних присутствовали вожди Ворошилов, Егоров, Якир. Никакого впечатления от личности Ворошилова у меня не осталось. Человек небольшого роста, говорил на митинге после учений обыкновенные вещи. Больше мне понравился Якир — веселым нравом и каким-то непонятным обаянием.

После лагерей, в сентябре месяце, мы были посланы на стажировку в войсковые части. Я попал в город Пирятин на Полтавщине. Полк стоял в бывшей помещичьей усадьбе. Стажировался в качестве командира взвода. Во взводе было больше 30 человек. Опять были учения дивизионного порядка, и мы, стажировавшиеся в этом полку курсанты, опоздали явиться к сроку на три дня. Нашли штаб школы в другом месте. Курсантов уже не было. Все разъехались, школа была расформирована. Курсантам предлагали поехать в пехотные школы, на третий курс.

Я пережил трагедию. Что делать?! И думать некогда. Два года потеряны. А что получил? Ничего: ни профессии, ни специальности. Решил поехать в Москву, в Кремлевскую пехотную школу. Но там уже не было мест. Предлагали поехать в Ярославскую пехотную школу. Отказался. Демобилизовался. И только через годы и годы понял, что сделал правильно. Если бы я не демобилизовался, то меня ждала бы участь моего друга Евгения Белокопытова, о которой я писал. Справки о моем кулацком происхождении было бы достаточно, чтобы расстрелять как «примазавшегося», «пролезшего» и т. п.

Демобилизовался, а куда податься? Нашелся товарищ, Лесковский, имеющий, как и я, среднее образование. Почему-то решили поехать в Новосибирск.

Думали пойти в крайком партии, где как демобилизованные красноармейцы возьмем командировки в томские вузы. Я — в университет, а он — в технологический институт. В те годы в вузы можно было попасть только по путевкам окружкомов, крайкомов, по рекомендациям профсоюзов. Экзамены были простой формальностью. Итак, имея по четыре рубля денег, мы прибыли в Новосибирск. Нашим мечтам не суждено было сбыться.

Нужно сказать о начальниках ВПШ. Верецагин был назначен начальником Кронштадтской крепости. Дальнейшая судьба неизвестна. Рохи в 30-е гг. на Дальнем Востоке командовал дивизией. Арестован и расстрелян. Это мне сообщили офицеры, хорошо знавшие его.

Владимир ЧИРКОВ

**АЛЕКСАНДР ГНИЛИЦКИЙ:
«КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА
ЕСТЬ ПОСТОЯННОЕ ОБНОВЛЕНИЕ...»**

Искусствоведческие письма

Годы назад, будучи в Барнауле на выставке, еще при жизни выдающегося мастера живописи Геннадия Федоровича Борунова, я обратил внимание на небольшую композицию Александра Гнилицкого, состоящую из полуабстрактных форм в сближенных холодно-теплых тонах. Обратил — и не более того, но до поры до времени. В 2015 г. художественная публика стеклась в Новосибирск на масштабный выставочный проект «Красный проспект», в экспозиции которого композиция Гнилицкого под названием «Эхо» была не просто заметна. Сложно организованное живописное пространство, «не стесняясь», теснило талантливо написанные полотна других авторов. Что и послужило толчком к моему более пристальному интересу к творчеству барнаульского мастера. Сегодня я постараюсь внимательно взглядеться в живопись Александра и попытаюсь как-то описать далеко не простое для описания «живописное бытие» его.

Письмо первое. Начну, пожалуй, с двух коротких выписок из дневниковых записей Александра, которые он, как я понимаю, ведет от случая к случаю. Выписка первая: «Если Земля — это видимый Мир, а Небо — невидимый, можно предположить, откуда появилось конкретное и абстрактное мышление. Как Земля и Небо не могут существовать друг без друга, так и два мышления мирно сосуществуют, дополняя и обогащая друг друга» (2014). Вторая: «*Думаю, что искусство есть нечто Высшее, чем просто фиксация окружающего мира. Считаю, что это своего рода посредник, через которого человек осознает себя частицей огромного мира* (курсив мой. — В. Ч.), ощущает причастность души к беспредельной Вселенной» (1996).

Позднюю и раннюю запись отделяет значительная временная дистанция — в двенадцать лет, и что она вмещает, ответ (имеющим представление о творчестве мастера) очевиден: последовательное формирование не просто художественного мышления (вопрос метода), но целостного мировоззрения. В котором субстанции мира — внешнего — и субстанции человека — внутреннего — разделены, и их встреча возможна исключительно с помощью художника — в создаваемых им образах: «Интуиция» (2009), «Звуки большого бубна» (2019) и др. Естественно, пытливый человек, как правило, активный посетитель выставок, задается вопросом: как и когда возможен такой уровень мышления и его формального выражения? Вопрос непростой, можно сказать, вечный, и одолевает его пытливый ум.

Письмо второе. «Откуда родом и где есть Гнилицкий?» Тот, кто знает, что автор писем давненько, эдак лет не один десяток, занимается проблемами ЛМК (локальных местных культур), скажет: Чирков «тянет одеяло на себя». В ответ поблагодарю за интерес к моим многолетним занятиям, потому что, не будь этих занятий, о чем бы я стал писать? Не о глобализмах же и постмодернизмах без бе-

регов и принципов, там тьмы и тьмы авторов. Но я пишу о своем, близком, простите за провинциализм, корневом, почвенном, которое, к удивлению либералов, оказывается ой каким... толерантным.

Ярчайший пример — Александр Гнилицкий из небольшого городка Горняка на юге Алтайского края, творчество которого и есть повод для сегодняшнего нашего общения. Заглянем еще разок в дневники Александра: он из рода Гнилицких, переселенцев из Воронежской области, «родился и вырос в степной зоне», там же, в Горняке, «появился серьезный интерес к рисованию» — после случайного прочтения «Повести о юном художнике» Льва Кассиля. «Очень тронула судьба талантливого мальчика Коли Дмитриева, трагически погибшего. Его рисунки с натуры, опубликованные в книге, меня поразили, после этого я стал рисовать каждый день».

В 1971 г. в Новоалтайске открылось ставшее со временем известным художественное училище, но семнадцатилетний Александр, окончив среднюю школу в 1975-м, опять же как бы случайно (случайности как будто бы преследуют нашего героя) поехал поступать в училище прикладного искусства в Нижний Тагил, где на камнерезном отделении учился его земляк: «...он прислал мне письмо: “Приезжай, здесь хорошо!”» Приехал, показал рисунки, допустили к сдаче экзаменов. Но случайно (!) зашел в пединститут, «увидел картины маслом и обнаженную натуру. Это был худграф... Успешная сдача экзаменов, счастливая институтская студенческая жизнь с незабываемыми пленэрами». По окончании — главное, судьбоносное: возвращение в Горняк. Детская художественная школа — преподавательская работа кормит. Внеурочное время без остатка посвящено творчеству и беспрестанному самообразованию. На этюдах — взглядеться, раствориться в природе. Это тогда у Александра родилась поэтическая строчка, которую можно ставить эпиграфом к его творчеству: «Я родился в степи, где роза ветров ковыльные кудри ласкает». И конечно, неизбежно: библиотека, личная библиотека — изучение больших исторических стилей. Из которых наиболее близким оказался импрессионизм, скорее, русский импрессионизм, «умудрившийся», как известно, соединить в себе этюдное начало русской реалистической школы и магическую роль света французской живописи.

Письмо третье. «Гнилицкий — импрессионист?» Трудный вопрос, потому что однозначного ответа у меня нет. Живописная ткань холстов Александра действительно вбирает в себя цвето-световые средства, формирующие «дышащее» импрессионистическое пространство композиций. Признаться стоит: в однозначном определении стилистики Александра Гнилицкого существуют трудности. В его композициях свет и цвет находятся в паритете, то есть на равных, а к «быстроуму» импрессионизму бессознательно тянешься скорее из желания насладиться живописной тканью (она у него гедонистична!), вспоминая к тому же примеры великих соотечественников — первопроходцев импрессионизма: Валентина Серова и Константина Коровина во главе с их учителем В. Д. Поленовым.

Не делаю ли я перебора в характеристиках нашего современника? Думаю, нет, еще и потому, что наравне с «интуитивной» импрессионистической светописью цветом («Диалог с солнцем», 1993; «Кочевье», 2008) автор активно включает в живописную ткань корпусное письмо мастихином, больше свойственное культуре советских живописцев реалистической школы. Это еще один ответ на вопрос-сомнение, заданный в самом начале разговора — о трудности отнесения Гнилицкого к той или иной стилистике. Особенно если иметь в виду великолепное письмо психологический портрет «Встречного» (2015) из собрания художественного музея в Барнауле, а также натурные рисунки карандашом разных периодов творчества («Мальчик из детского дома», 1981; «Март. Река Алей», 2021). К чему это я клоню? К тому, что чем крупнее личность художника, тем глубже, разнообразнее его творчество. Его невозможно вписать в то или иное прокрустово ложе, но тем художник и интереснее. Потому что, не забывая своего профессионального и человеческого назначения, сохранил живое отношение к жизни.

АВТОРЫ НОМЕРА

Васильцов (Пырков) Иван Владимирович родился в 1972 г. в Ульяновске. Доктор филологических наук, профессор Саратовской государственной юридической академии. Автор двух книг поэзии, книги очерков о саратовских писателях и монографии, посвященной русской усадебной литературе XIX в. Лауреат премии имени И. А. Гончарова, лауреат просветительской премии «Знание». Живет в Саратове.

Владимиров Сергей Андреевич родился в 1977 г. в Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный педагогический университет. Работал журналистом, специалистом по связям с общественностью, ведущим и редактором на телевидении. Живет в Новосибирске.

Голодяев Константин Артёмович родился в 1962 г. во Владивостоке. Историк, краевед. Автор работ по истории города Новосибирска и Новосибирской области, региональной генеалогии, этнической истории региона, протогородской истории. Автор книги «Новосибирск “на ощупь”». Работает в Музее города Новосибирска. Живет в Новосибирске.

Жемойте Яна родилась в 1965 г. в Петрозаводске. Окончила Петрозаводский госуниверситет по специальности «финский и русский языки и литература» и аспирантуру по специальности «эстетика». Автор десяти сборников прозы и одного поэтического сборника. Член Русского ПЕН-центра. Живет в Петрозаводске.

Кононов Дмитрий Алексеевич родился в 1988 г. в Омске. Окончил Омский государственный университет. Работает преподавателем перевода. Финалист Национальной премии «Русские рифмы. Русское слово» (2019). Живет в Омске.

Корзова Ольга родилась в 1965 г. Окончила Архангельский государственный педагогический институт, учитель русского языка и литературы. Автор двух книг стихов и ряда публикаций в российских литературных журналах. Живет в д. Степановской Архангельской области.

Кушнир Ирина Александровна родилась в 1970 г. в г. Кара-Балта (Киргизия). Образование среднеспециальное, контролер-кассир. Публиковалась в журналах «Слово Забайкалья», «Годы и люди». Автор книги прозы для детей. Живет в Чите.

Николашина Наталия Игоревна родилась в 1983 г. в Павлодаре. Окончила Павлодарский госуниверситет по специальности «переводчик английского языка». Работала переводчиком, преподавателем, редактором сайта. Финалист российско-итальянской литературной премии «Радуга» (2011). Печаталась в журнале «Урал». Живет в Челябинске.

Проталин Борис Евстафьевич родился в 1950 г. в с. Прохоркино Александровского района Томской области. Окончил Новосибирское театральное училище и Высшую профсоюзную школу культуры при ВЦСПС. Собирает фольклора. Редактор отдела организационно-методической деятельности Новосибирского областного центра русского фольклора и этнографии. Публиковался в журналах «Сибирская горница», «Новосибирск», «Сибирские огни». Автор повести «Бабушка» (2012), книги «Кума, Макрина и Пудей. Сибирские побасенки» (2017). Член Союза российских писателей. Живет в Новосибирске.

Семенчик Владимир Владимирович родился в 1962 г. на Украине. Окончил факультет журналистики Белорусского госуниверситета. Работал корреспондентом и редактором областных газет, редактором книжного издательства. Поэт, прозаик, переводчик, журналист. Автор четырех поэтических книг, трех книг прозы и ряда публикаций в периодике. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России и Международного ПЕН-клуба. Работает заместителем директора Сахалинской областной универсальной библиотеки. Живет в Южно-Сахалинске.

Чирков Владимир Федорович родился в 1947 г. Кандидат философских наук, доцент. Член комиссии по искусствоведению и художественной критике ВТОО «СХР». Автор более 300 публикаций и научных трудов, куратор выставочных и научных проектов. Живет в Омске.

Шуваев Владимир Павлович (1946—2014) родился в городе Дзауджикау (ныне Владикавказ). Учился в Воронежском государственном медицинском институте, затем на отделении журналистики Воронежского государственного университета. Длительное время работал на воронежском телевидении, а также в газетах и журналах Воронежа и Москвы. Член Союза журналистов России и Союза писателей России. Автор двух поэтических книг.

МАГАЗИН продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 15.12.2021. Дата выхода № 1 за 2022 г. в свет 22.01.2022.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.